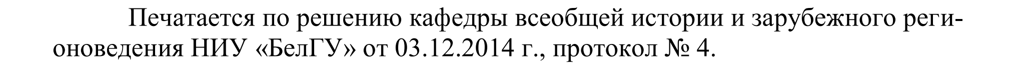

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 4
ИОАНН ЛИД

Белгород 2014

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ» от 03.12.2014 г., протокол № 4.

Научный редактор проф. Н.Н. Болгов.

Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 4:
Иоанн Лид / Перевод с англ. и сост. М.М. Синицы под ред. Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. – 176 с.

В издании собраны все основные на сегодняшний день публикации (как оригинальные, так и переводные), посвященные одной из ключевых фигур ранневизантийской эпохи – крупному чиновнику и писателю эпохи Юстиниана – Иоанну Лаврентию Лиду. Отечественная историография почти полностью игнорировала его, исключая одну-две обзорные публикации.
Издание продолжает серию Центра Постклассических исследований БелГУ, посвященных источниковедению Поздней античности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Переводы

Статьи

ПЕРЕВОДЫ[1]

IOANNES LYDUS // Prosopography of the Later Roman Empire

IOANNES LYDUS[2], comes primi ordinis.

Автор трех сохранившихся работ, *de mensibus*, *de ostentis* и *de magistratibus*, ср. Phot. *Bibl.* 180 (они были написаны во время его выхода в отставку; см. ниже), Suid. I 465.

Уроженец Филадельфии в Лидии; Joh. Lyd. *de mag.* III 26, 58 ff., *de mens.* IV 2, 58, *de ost.* 53, Phot. *Bibl.* 180, Suid. I 465. Сын Лаврентия 6; Phot. *Bibl.* 180. Он родился в 490 (смотри ниже). Двоюродный брат Аммиана; Joh. Lyd. *de mag.* III 26, 28. Мнение, что Иоанн сам назывался Лаврентием основывается на неправильном понимании текста Фотия.

В 511 г., в возрасте 21, он прибыл в Константинополь; Joh. Lyd. *de mag.* III 26, Phot. *Bibl.* 180. Его усилия были быть зачисленным между *memoriales* дворца (*επί τούς μεμοριαλίους τῆς συνείδον ἐλθεῖν καί πρός στρατείαν ἀναζώσασθαι μετ᾽ἐκείνοις*) и до тех пор пока он мог делать так, он становился изучающим Платона и Аристотеля под руководством философа Агапия 3; затем, тем не менее, его планы изменились, так как земляк-уроженец того же города Зотик стал PPO[3] Orientis (в конце 511 г.) и зачислил его среди *exceptores* преторианской префектуры (*τοῖς ταχυγράφοις τῆς ἀρχῆς συνηρίθμησεν*); Joh. Lyd. *de mag.* III 26. Зотик был PPO в течение примерно одного года, во время которого Иоанну было передано 1,000 *solidi* из различных гонораров; он также составил панегирик на Зотика, который наградил его платой в 1 *solidus* за строчку, оплачиваемой из государственных фондов; в дополнение к своему посту как *exceptor* он был также назначен в это время главным *chartularius* (*εἰς πρῶτον χαρτουλάριον*) при *adiutores* из *ab actis* с жалованием 24 *solidi* в год, исключительная должность для первого из его лет; его два коллеги были оба старыми людьми, которые заплатили за свое назначение и не получали жалования; как *chartularius* (годичный пост, ср. Jones, *LRE* II 588) он был ответственен за составление *cottidianum* и *personale* (журналы дел и лиц, появляющихся перед судом PPO ср. Jones, *LRE* II 587), а также он писал сводки (*suggestiones*) для дел, должных отправиться в сенат после апелляции, его знание латыни (ср. также *de mag.* III 20) оказалось полезным качеством для этого; он также оказывал помощь *exceptores*, которые работали в *secretum* (в самом дворце), и на этом поприще питал надежду на обеспечение назначения как *a secretis*; Joh. Lyd. *de mag.* III 27.

---

[1] Пер. с англ. здесь и далее М.М. Синицы.

[2] По изд.: The Prosopography of the Later Roman Empire / by J.R. Martindale. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.

[3] *техн. аббрев.:* praefectus praetorio.

Зотик и его двоюродный брат Аммиан устроили выгодный брак для него, который принес приданное в 100 фунтов золота; Joh. Lyd. *de mag.* III 28.

Он затем оставил свою работу во дворце и посвятил себя целиком своим обязанностям в префектуре (*τῆς μέν ἐπί τήν αὐλήν σπουδῆς ἀπεσχόμην, ὅλου δέ μου τόν βίον τῇ στρατείᾳ παρεχώρησα*); Joh. Lyd. *de mag.* III 28. Это возможно способ Иоанна наводить глянец на факт, что когда Зотик вышел в отставку в 512 г., его покровительство больше не было полезным, чтобы обеспечивать выгодные назначения для Иоанна; вследствие этого после впечатляющих ранних успехов он обосновался в роли обычного *exceptor* и следовал стандартным курсом продвижения по службе.

В некоторый момент в своей карьере он стал *chartularius* в *scrinium* из *commentariensis* (*τήν τοῦ λεγομένου χαρτουλαρίου τηνικαῦτα χάριν πληρῶν τοῖς κομμενταρσίοις*); Joh. Lyd. *de mag.* III 17. Дата может относиться к 517, когда Сергий 7 был PPO (Иоанн упоминает необычайно тепло Сергия, Joh. Lyd. *de mag.* III 20; ср. также Stein, *Bas-Emp.* II 838).

Иоанн пишет, что по завершении его стандартных обязанностей он нашел, что обстоятельства были в это время более благоприятны для ученых-гуманитариев, и соответственно он проводит меньше времени на своей службе и больше в литературе (*τῶν οὖν κοινῶν τοιούτων ἀποτελεσθέντων ἐπί πᾶσιν ὁποίων ὁ λόγος ἐμνημόνευσε, καί τό λοιπόν τοῖς λογικοῖς <οὐχ>, ὡς τό πρίν, τῆς τύχης ἀπαρεσκομένης, ἐμίσησα τήν στρατείαν, ὅλον ἐμαυτόν τοῖς βιβλίοις ἐκδούς*); Joh. Lyd. *de mag.* III 28. Интерпретация этого отрывка не ясна; он может относиться к завершению его карьеры в качестве простого *exceptor* (*τά κοινά*) и регистрации среди *Augustales* (ср. Jones, *LRE* II 588); это очевидно дает ему больше времени для его собственной литературной работы и совпадает с периодом, когда литература более высоко вознаграждалась, чем прежде; дата может относиться к началу царствования Юстиниана. Это может быть связано с префектурой Фоки 5 (в 532); Иоанн был знаком с ним и отзывается высоко о нем; Joh. Lyd. *de mag.* III 73 (и ср. ниже).

Он был приглашен императором (Юстинианом) произнести панегирик (*ἐγκώμιον*) в присутствии аристократических гостей из Рима, и ему было также поручено написать историю недавней императорской войны с Персией, в которой Дара была атакована персами тщетно; Joh. Lyd. *de mag.* III 28. Это возможно указывает на события 530, когда персы были разгромлены в битве около Дары (Proc. *BP* I 13.12ff); сразу после этой войны ими был заключен договор, подписанный весной 532 (Proc. *BP* I 22.17, Zach. *HE* IX 7), это было наверно около этой даты (которая совпадала с префектурой Фоки), когда Лиду было поручено написать историю.

В какое-то время в своей карьере он посещал Кипр; Joh. Lyd. *de mens.* IV 47. Он мог отправиться по частному делу, но если это было по государственным обязанностям, дата будет относиться не позднее, чем к 536, когда Кипр был изъят из сферы PPO (Stein, *Bas-Emp.* II 474-5).

Император отправил письмо PPO, хваля ученую деятельность Иоанна и его службу в префектских судах (*καίτοι τῆς στρατείας ἀυτῳ τῆς ἐν τοῖς δικαστηρίοις τῆς σῆς ὑπεροχῆς ὀρθῶς φερομένης, ἐλέσθαι* (а им., *Ἰωάννην*) *μετ᾽ ἀυτῆς καί τόν ἐν βιβλίοις ἀσκῆσαι βίον καί ὅλον ἑαυτόν ἀναθεῖναι τοῖς λόγοις*) и обещая ему дальнейшие отличия (*ἴστω δέ ὁ εἰρημένος σοφώτατος ἀνήρ* (т.е., Иоанн), *ὡς οὐ μέχρι τούτου στησόμεθα* (намекая на выплату из государственной казны – *τό δημόσιον*), *ἀλλά καί ἀξιώμασι καί ἱεραῖς μείζοσι φιλοτιμίαις τιμήσομεν ἀυτόν*); следуя этому письму, городской префект назначил Иоанна на одно из казенных профессорских кресел в Константинополе, пост, который он занимал без оставления своего места в преторианской префектуре (*τούτοις ἐπιψηφισαμένου τοῦ τηνικαῦτα τήν πολιαρχίαν ἰθύνοντος καί τόπον διδασκάλοις ἀπονενεμημένον ἀφορίσαντος μοι ἐπί τῆς Καπιτωλίδος αὐλῆς, ἔχομενος τῆς στρατείας ἐπαίδευον καί μεγαλοφρονεῖν ἐξηγόμην*); Joh. Lyd. *de mag*. III 29. Дата может быть ок. 543; в этот год PVC[1] был Габриэл (*PLRE* III), кому Иоанн посвятил свои работы *de mensibus* и *de ostentis;* Suid. I 465 (*προσομιλεῖ δέ ταῦτα Γαβριηλίῳ τινί ὑπάρχῳ*).

Он вышел в отставку через сорок лет и четыре месяца после своего вступления в префектуру (т.е., в конце 551 или в начале 552 г.; ср. Stein, *Bas-Emp.* II 838-9) по окончании своей карьеры, когда PPO был Гефаст (*PLRE* III) (кого он описывает как *τούς ἐν τοῖς ἡμετέροις δικαστηρίοις βαθμούς τε καί πόνους διανύσας*); Joh. Lyd. *de mag.* III 30, Phot. *Bibl.* 180 (*ἔτη δέ μ᾽ δικολόγος ὤν, εἶτα καί ματρικουλάριος* – но Иоанн никогда не был адвокатом). При отставке он получил от императора стандартные почести, соответствующие для завершения службы (*τοῦ εἰωθότος παρά τῆς βασιλείας ἀξιώματος τοῖς πληροῦσιν ἐπιδίδοσθαι*); Joh. Lyd. *de mag.* III 30, ср. Phot. *Bibl.* 180 (*τῆς βασιλικῆς αὐλῆς ψήφῳ βασιλέως ἀξιωθῆναι*).

Если (как кажется вероятным с точки зрения его репутации) он становился *Augustalis*, он бы имел достигнутым пост *cornicularius* при отставке, если нет, он бы был *primiscrinius*. В любом из этих случаев он бы приобрел при отставке титулы *tribunus et notarius vacans* и *comes primi ordinis*; ср. *CJ* XII 49.12 и смотри Stein, *Bas-Emp.* II 731 с n.6.

По выходе на «пенсию» он немедленно начал жизнь в ученой деятельности; Joh. Lyd. *de mag.* III 30 (*αὖθις ἐπί τά βιβλία παρῆλθον*). Фотий понимал это в значении, что он в то время сочинял три сохранившиеся работы (возможно, ошибочно, ср. Stein, *Bas-Emp.* II 839); Phot. *Bibl.* 180. Он начал писать *de magistratibus* в дек. 554; Joh. Lyd. *de mag.* I 2. Эта работа была все еще незаконченa в 557 г., так как III 55 было написано между 557 и 561 г.; ср. Stein, *Bas-Emp.* II 839-40. Смотри также *P-W* Suppl. XII 521-3.

[1] *техн. аббрев.:* praefectus urbis Constantinopoleos.

John Lydos // Oxford Dictionary of Byzantium[1]

Ученый, бюрократ и писатель; родился в Филадельфии (Лидия) в 490, умер ок. 565(?). Хорошо сведущий в латинском в дополнение к его родному греческому, Иоанн прибыл в Константинополь в 511 г. в поисках поста в дворцовых министерствах; он посещал философские лекции в промежутке. Он был обязан первым из нескольких назначений преторианскому префекту Зотику, земляку. Иоанн служил 40 лет на гражданской службе, зарабатывая восхищение Юстиниана I, который помог ему получить профессорское кресло. После отставки (ок. 551) он обосновался в литературной жизни.

Его главная работа – *О магистратах*, история и описание поздней римской бюрократии. Трактат интересен и как антикварный, и как зеркало социальной и интеллектуальной жизни его дней, характеризующийся иоанновой ученой самоуверенностью (особ. его компетентность в латыни) и злобными атаками на высокопоставленных должностных лиц, больше всего на Иоанна из Каппадокии, чью дурную славу он помог закрепить. Непрерывность между римским прошлым и византийским настоящим – это главная тема. Эта работа обогащена многими отступлениями на ученые материи, особ. филологические. Также сохранились *О месяцах*, история календарей и праздников, опять подчеркивающая непрерывность от Рима до Византии, и *О знамениях*, исторический обзор предсказаний и связных материй, которые зарабатывали Лиду ярлык последнего астролога старого мира (Bandy, *infra*, xxix). Панегирики Зотику и Юстиниану, история последней персидской войны и какая-либо поэзия утеряны.

Изд.: *De magistratibus*, ed. R. Wünsch (Leipzig 1903). *On Powers*, ed. and tr. A.C. Bandy (Philadelphia 1983). *De mensibus*, ed. R. Wünsch (Leipzig 1898). *Liber de ostentis*, ed. C. Wachsmuth (Leipzig 1897).

Лит.: T.F. Carney, *Bureaucracy in Traditional Society: Romano-Byzantine Bureaucracies Viewed from Within* (Lawrence, Kansas, 1971), with Eng. tr. of *Magistracies*. C.N. Tsirpanlis, “John Lydos on the Imperial Administration,” *Byzantion* 44 (1974) 479-501. J. Caimi, *Burocrazia e Diritto nel De magistratibus di Giouanni Lido* (Milan 1984).

Жизнь и смерть Лида
(глава из *Введения* книги Иоанн Лид. «О властях или О магистратах»)[2]
Anastasius C. Bandy

---

[1] По изд.: The Oxford Dictionary of Byzantium / prep. at Dumbarton Oaks, ed. by A.P. Kazhdan. Vol. 2. Oxford University Press, 1991. P. 1061–1062.

[2] По изд.: On Powers or The Magistracies of the Roman State (De Magistratibus Reipublicae Romanae) / by Ioannes Lydus; tr. and ed. by A.C. Bandy. The Edwin Mellen Press, 2013. P. 1–19.

Ἰωάννης Λαυρεντίου φιλαδελφεύς ὁ Λυδός, переводимый на латинский как Ioannes Laurentii Philadelphius Lydus, и на английский как Джон, сын Лаврентия, из Филадельфии в Лидии, или Джон Лид, или Джон Лидиец, или просто Лид, был одним из ученых мужей, которые украшали просвещенный век Юстиниана I, императора Восточной Римской или Византийской империи (A.D. 527–565). Будучи сам также любителем учености (*Mag.* III.30) он поощрял образованность в литературе и естественных науках. Лаврентий рассматривается некоторыми как второе имя[1], но более похоже, что это первое имя его отца. Лид рассматривается как главный представитель антикварных исследований VI вв.[2], упоминается Феофилактом Симокаттой (VII A.D.)[3], Фотием (A.D. 810 – 893)[4], Львом VI Мудрым (A.D. 886 – 912)[5], Константином VII Порфирородным (A.D. 905–959)[6] и Судой[7].

Лид указывает Филадельфию в Лидии как место своего рождения (*Mens.* IV.2 *Ost.* 105 *Mag.* III.26, 58, 59). Он ничего не говорит о своих родителях, кто вероятно были из аристократического или из куриального рода, богатого и необычно щедрого[8]. Он прибыл в Константинополь в двадцатиоднолетнем возрасте, когда Секундиан (*Mag.* III.26), вероятно идентифицируемый с Флавием Секундином, был консулом на Востоке и Флавий Феликс был консулом на Западе в A.D. 511[9]. Его рождение, следовательно, должно быть A.D. 490, когда Фавий Лонгин II был консулом на Востоке, и Флавий Проб Фавст Младший был консулом на Западе[10].

После того как Лид завершил свое первоначальное образование, он поехал в имперскую столицу Константинополь, подходящую, чтобы продолжить свою учебу и добиться карьеры в правительстве. После многочисленных размышлений он решил поступить на службу *memoriales* Двора (*Mag.* III.26), кото-

---

1 G. Hugo, *Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts bis auf Justian*, ed. 11,13,1097, принимает второе имя Лида более точно как *Laurentii*, именно, *сын Лаврентия*, хотя в его первом издании он упоминает имя Лида как Johannes Laurentius, тогда как *the Codex Scorialensis* Φ-III-1 по *De Mens.* IV.79 (ed. Wünsch) берет Laurentius как второе имя Лида.

2 *W. von Christ, Geschichte der griechischen Litteratur umgearbeitet von Wilhelm Schmid und Otto Stählin* VII, Zweiter Teil, Zweite Hälfte, 1041.

3 *Historiae* VII.16.12.

4 *Bibliotheca Codicum* 180.

5 Migne, *Patrologia Graeca* CVII, 1092.

6 *De Thematibus* 17.16 (Migne, *Patrologia Graeca* CXII).

7 *Lexicon* (ed. I. Bekker) s.v. Ἰωάννης d.

8 C.B. Hase, *Prologus in Librum Ioannis Lydi de Magistratibus Romanis, sive Commentarius de Ioanne Laurentio Philadelpheno Lydo, eiusque scriptis*, iv.

9 Petri Relandi, *Fasti Consulares, ad illustrionem Codicis Iustinianei ac Theodosiani secundum rationes temporum digesti et auctoritate scriptorum atque lapidum antiquorum confirmati. Ad quos Appendix additur Hadriani Relandi qua Fasti ex codd. MSStis deprompti et consules in Pandectis memorati continentur*, 1715, 679; V. Grumel, *La Chronologie*, 353.

10 Petri Relandi, *Fasti Consulares*, 664; V. Grumel, *La Chronologie*, 353.

рые подчинялись magister memoriae под властью *magister officiorum*. Пост в дворцовых министерствах был сильно желаемым и нелегко получаемым. Вследствие этого, чтобы не растрачивать свое время, пока он был ожидающим получить такой пост, Лид посещал лекции афинского философа по имени Агапий, бывшего студента Прокла и известного учителя в текущее время, под руководством которого он изучал платонову и аристотелеву философию.

В течение обучения Лида философии император Анастасий I (A.D. 491 – 518) назначил одного из его соотечественников Зотика в качестве преторианского префекта (A.D. 511 – 512), который служил едва больше года (*Mag.* III.27). Зотик активно интересовался личной жизнью Лида. Он приобрел жену для него с помощью племянника лидова отца Аммиана (*Mag.* III.28), который в это время отличался как *exceptor* (*Mag.* III.26). Лид женился на женщине, возможно из Лидии. Downey[1] говорит, что она возможно была дочерью лидова начальника. Согласно Лиду она была очень добродетельна и принесла с собой приданное в одну сотню фунтов золота (*Mag.* III.28), которое было эквивалентно 7,200 *solidi*, а вскоре после их женитьбы она умерла в июне (*Mens.* IV.86) пятьсот двенадцатого, возможно, от какой-то болезни или от родов, поэтому он не упоминает детей.

Зотик также запустил карьеру Лида в службе преторианской префектуры зачислением его среди *exceptores*, именно, *скорописцев*. В качестве такового Лид добыл не менее чем одну тысячу *aurei* или *solidi* (*Mag.* III.27). Его карьера началась блестяще, но, так как он ожидал далее более великих успехов на службе преторианской префектуры, он оставил свой первоначальный план занятия поста и последующего продвижения на службе *magister officiorum* и направил всю свою энергию и таланты на преторианскую префектуру.

Когда Зотик уходил с должности до ноября 512 г., Лид составил в его честь короткий панегирик, предположительно в стихах, который, сохранившись, мог бы пролить свет на высший пост преторианской префектуры и особенно на личность Зотика и его деятельность. Этот панегирик понравился Зотику настолько сильно, что он отдал распоряжение для Лида получить из хранилища один *solidus* за каждую строчку в нем (*Mag.* III.27). Эта денежная награда возможно не приходила из зотикова личного счетного хранилища, но из казны преторианской префектуры.

Карьера на службе преторианской префектуры начиналась в качестве *exceptor*. В более ранние времена свыше одной тысячи *exceptores* обычно зачислялись ежегодно (*Mag.* III.66), большинство из которых в течение царствования Юстиниана I получали продовольственную норму, именно, *annona*, и одно фуражную норму, именно, *capitum*, целиком переводимые в девять *solidi* ежегодно. *Exceptores* были собираемы в пятнадцать собраний, называемых *scholae*, наиболее ученые и способные из них, после того, как они показывали свои знания и компетентность в течение своей службы, были продвигаемы, если, конечно, они желали, в группу *Augustales* и заканчивали на конечном посту *cornicularius*

[1] G. Downey, *Constantinople in the Age of Justinian*, 154.

(*Mag.* III.6). Император Аркадий (395–408) постановил, что преторианская префектура устанавливает корпус тридцати, из которых пятнадцать из более зрелых и квалифицированных, называемых *deputati*, назначались составлять документы для императоров (*Mag.* III.10).

Augustales могли держать одного из многочисленных *adiutores* в преторианской префектуре. Они могли становиться одним из двух *commentarienses* (*Mag.* III.4, 16), именно, *обвинителей преступников* (*Mag.* III.16). Каждый из них имел шесть *adiutores* (*Mag.* III.9), каждый из которых имел *chartularii*. Они могли становиться одним из двух *ab actis* (*Mag.* III.20), именно, *хранителей доскональных протоколов и государственных записей всех завершенных дел в Дворце Правосудия преторианской префектуры*. Каждый имел шесть *adiutores* (*Mag.* III.9), каждый из которых имел *chartularii*. Они могли становиться одним из двух *scriniarii* (*Mag.* III.37), именно, *специалистов счета и финансов* (*Mag.* III.35). Каждый из них имел шесть помощников (*Mag.* III.9), каждый из которых имел *chartularii*. Вначале *scriniarii* не были членами штата преторианской префектуры, не будучи внесенными в давние реестровые списки, будучи исключительно гражданскими служащими, которые не носили униформы, но только штатское платье (*Mag.* III.35). Они приобрели от Феодосия I (379 – 395) право быть включенными в штат преторианской префектуры и быть продвигаемыми в ранг *adiutores*, но вплоть до царствования Льва I (457 – 474) к ним относились, как если бы они не были членами штата, и исключали из процессий или церемониальных событий до царствования Юстиниана I (*Mag.* III.35). *Augustales* могли становиться одним из двух *cancellarii* (*Mag.* III.36, 37), *управляющих финансами и заведующих императорским и общим хранилишем* (*Mag.* III.36). Каждый из них также имел двух помощников, каждый из которых имел *chartularii*. И как все документы были присутствующими у преторианского префекта для подписи, так и заявление фактов было делаемо известным через *cancellarii* (*Mag.* III.37). Augustales могли становиться *instrumentarius*, именно, *регистратором и завершителем судебных решений* (*Mag.* III.19), кто делал краткую сводку всех завершенных дел во Дворце Правосудия преторианской префектуры для скорого отозвания (*Mag.* III.20) или *subadiuva*, именно, *заместителем помощника* (*Mag.* II.16) или *matricularius*, именно, *главой списков кадров преторианской префектуры* (*Mag.* III.66).

Все *adiutores* отличались своим отменным образованием, но еще старались культивировать свои знания в латинском языке с тех пор как это стало необходимо для их работы (*Mag.* III.27). Согласно древнему обычаю ни один не мог становиться *adiutor*, если он не был потомком известной семьи, образованным в гуманитарных науках, и не прослужил с отличием девять лет как *exceptor* (*Mag.* II.18). Пост *adiutor* не только давал его владельцу честь и великую власть, но также приносил ему заработок в одну тысячу *aurei* или *solidi* (*Mag.* II.18). *Probatoria adiutoris*, именно, *документ о назначении в качестве adiutor*, в прошлом стоило пять *solidi*, но двенадцать под властью Юстиниана I (*Mag.* III.67). Те, кто приобретали свои посты, платили солидные взносы за них и получали

гонорары за все службы, исполняемые ими. После того, как *Augustales* занимали различные помощнические должности в соответствующем порядке старшинства, они в конечном счете становились *cornicularius* (*Mag.* III.6, 9), титул, существующий в продолжении свыше 1,300 лет со времени основания Рима (*Mag.* III.22).

Те *exceptores*, которые предпочитали оставаться в делопроизводстве, в конечном счете достигали должности *primiscrinius* (*Mag.* III.6). *Primiscrinii* было два (*Mag.* III.4). Каждый из них имел шесть *adiutores* (*Mag.* III.9), каждый из которых имел *chartularii*. *Exceptores* могли занимать другие посты, такие как один из двух *regendarii*, именно, *заведующих cursus publicus*, именно, *государственной почтовой системой*, и выдавал ордера на ее использование (*Mag.* III.21) или пост *cura epistularum* провинций (*Mag.* III.5), который издавал постановления о государственных фондах и руководил перепиской относительно этих фондов (*Mag.* III.21).

Пока Зотик был на высшей должности, Лид также достигал благосклонности различных руководителей в преторианской префектуре. *Adiutores* из *ab actis* приглашали Лида стать первым *chartularius*, беспрецедентное назначение (*Mag.* III.27). Лид очевидно был освобожден от испытательного периода, требующего девяти лет службы в качестве *exceptor*. *Adiutores* не нуждались в обычном гонораре, хотя два возрастных коллеги *chartularii* Лида заплатили за свои места, и также устанавливалась для него годовая зарплата в двадцать четыре *solidi* (*Mag.* III.27). Назначение Лида как первого *chartularius* давало ему честь и было очень прибыльным. Он не только составлял *personalia*, *cottidiana* или *regesta*, и *suggestiones*, но он также служил как помощник среди *exceptores*, помогая даже *exceptores* в *Secretum*, именно, *Храм Правосудия*, и оттуда он достигал ранга *a secretis* Двора (*Mag.* III.27). Он также служил как *chartularius* у *commentarienses* (*Mag.* III.17), возможно в течение преторианской префектуры Сергия в 517, и как *matricularius* (*Mag.* III.66), а к своей отставке как *cornicularius* (*Mag.* III.25, 30). Müller-Donaldson[1], Christ-Schmid-Stählin[2] и Klotz[3] неправильно говорят, что Лид занимал военный пост или был на армейской службе, потому что στρατεία и στρατεύεσθαι употреблялись не только к военным, но также гражданским чиновникам на службе преторианской префектуры, отражая позднее ее первоначально военную природу. Moravcsik[4] также неправильно говорит и без доказательства, что Лид занимал высокое государственное положение. Фотий[5], тем не менее, полагает, что в течение сорока лет Лид служил по началом преторианского префекта как αδικολόγος, именно специалист *в области суда и закона*, и что он был также matricularius (*Mag.* III.66).

---

[1] *A History of Literature of Ancient Greece* III, 400.
[2] *Gerschichte der griechischen Litteratur*, 1041.
[3] *Real-Encyclopädie*, etc. 12 (2), 2210.
[4] *Byzantinoturcica* I, 328.
[5] *Bibliotheca Codicum* 180.

Лид совершил поездку на остров Кипр (*Mens.* IV.52) в неизвестный срок. Это путешествие возможно имело место не позднее чем 536, когда Кипр был отделен от префектуры Востока, в каковое время Юстиниан I учредил префекта Скифии (*Mag.* II.28, 29), к которому император определил провинции Кипр, всю Карию и Ионийские острова, и учредил для него особый форум - в качестве его правового суд и целого штата (*Mag.* II.29). Это административное изменение могло иметь основание для путешествия Лида[1].

В начале его карьеры прогресс Лида кажется соответствовал его ожиданиям, но изменение в его отношении к службе очевидно происходит после зотикова ухода от должности. Он начинает становиться разочарованным в ней и доходит до отвращения к ней, потому что такие испытанные временем процедуры управление, какие упоминаются им в его рассказе, отменены во всяких отношениях, и потому что ученые мужи больше не пользовались благосклонностью (*Mag.* III.28) и не входили в преторианскую префектуру (*Mag.* III.54). Лидова неприязнь к службе началась в течение преторианской префектуры Марина (512 – 515), Сирийца (*Mag.* III.46). Его враждебность по отношению к Марину отражает как его личное недовольство им, так и в общем это среди *exceptores*[2]. Марин стал богатым, был безнравственным (*Mag.* III.49), вымогателем (*Mag.* III.49, 51), и фактором, вызвавшим паралич работы испытанных временем местных куриальных советов (*Mag.* III.49). Hase[3] говорит так:

Со смертью Анастасия фортуна Лида изменилась по трем основным причинам, или из-за смерти или ухода с государственной службы его патронов, или из-за того, что он оскорбил некоторых влиятельных мужей, или из-за того, что под властью Юстиниана целая преторианская префектура была осаждена скоплением бедствий и дурным управлением определенных личностей.

Лидова репутация как мужа учености привлекла внимание Юстиниана I когда его дядя Юстин I был императором (518–527). Он весьма почитал ученый фундамент Лида и его книжные занятия настолько, что когда он стал императором, он посчитал Лида достойным для произнесения панегирика ему, возможно на латинском, в то время, когда потомственным патрициям из Рима случилось быть присутствующими в Константинополе (*Mag.* III.28). Этот панегирик так сильно подействовал на императора, что он также предложил Лиду написать историю персидской войны, которую он недавно провел успешно (*Mag.* III.28), возможно ту, которая шла в 527–532 гг. Будучи совершенно поражен разнообразной эрудицией Лида и знанием латинского, который почти в шестом веке затух на Востоке, он издал императорский рескрипт к преторианскому префекту, приказывающий ему даровать Лиду из государственной казны денежную награду, чью величину Лид тактично не упоминает, рекомендуя его назначение на факультет Имперской Школы в Константинополе (*Mag.* III.29). Префект го-

---

[1] E. Stein, *Histoire du Bas-Empire* II, 838.
[2] Stein, *ibid.*, 730 – 731.
[3] *Prologus in Librum Ioannis Lydi de Magistratibus Romanis*, etc., vi.

рода осуществил это назначение и Лид затем начал свою преподавательскую карьеру, в то время как одновременно удерживал свою службу в преторианской префектуре. Haussig[1] неправильно говорит: *Джону Лидийцу... в конце его карьеры было даровано кресло в Университете Константинополя*. В течение своей учительской карьеры Лид продолжал получать из преторианской префектуры ранги, но не дополнительные доходы. Он высоко почитался и уважался мужами во власти и наслаждался своим учительским местом, будучи способен проводить свою жизнь в покое (*Mag.* III.30), и занимать себя книжной деятельностью (*Mag.* III.29). Он кажется удерживающим свой академический пост даже после своей отставки и продолжавшим преследовать свои ученые интересы (*Mag.* III.30).

Лид рассматривал преторианскую префектуру как находящуюся в стремительном падении, особенно со времени царствования Льва I, кого он осуждает за финансовые бедствия, которым подверглась государственная казна, обязанные его войне с вандалами и другим несчастьям (*Mag.* III.43, 44). Эта война потребовала огромных денег. По этой причине министры финансов скорее, чем образованные мужи, становились преторианскими префектами со времени царствования Зенона (476 – 491), кого Лид критикует за его трусость и откупание от его войн, также как за его конфискации и падение мужей высокого ранга (*Mag.* III.45). В результате, насколько статус *scriniarii* возрастал, пропорционально этому штат уменьшался, и более и более *scriniarii* становились преторианскими префектами (*Mag.* III.36). Войны с персами и бесчисленные другие конфликты были также причиной, почему ученые мужи больше не становились префектами (*Mag.* III.54). Анастасий I назначал в качестве преторианских префектов *scriniarii*, таких как Поликарп и Марин (*Mag.* III.36, 46), но он назначал также лучших из судебных ораторов как преторианских префектов, таких как Сергий (*Mag.* II.21, III.20). Он настаивал, что преторианская префектура заслуживала только образованных мужей (*Mag.* III.50).

Чтобы решить свои финансовые проблемы, Юстиниан I восстановил частую смену неизбежно тиранических префектов (*Mag.* III.56). Таким был Иоанн Каппадокиец, родившийся в кесари, древнее имя которой было Мазака (*Mag.* III.57), муж низкого происхождения и ограниченного образования (*Mag.* III.68). Когда Юстиниан был *magister militum praesentalis* в 520 г. в течение правления своего дяди Юстина, он завел знакомство с Каппадокийцем, который, будучи в то время *scriniarius* в службе *magister militum* (*Mag.* III.57) ловко добился хорошего расположения Юстиниана и убедительно сулил ему, что он мог бы достигнуть невероятных вещей для управления, раскрывая ему свои идеи о преобразованиях. Когда Юстиниан стал императором, он возвысил в ранг *illustris* и назначил его преторианским префектом 30 апреля 531 (*Mag.* III.57), воспринимая его как обеспеченного резкостью и практическим складом ума, талантливого и изобретательного для собирания денег, в которых император ужасно нуждался

[1] *A History of Byzantine Civilization*, 118.

для своих строительных проектов, военных кампаний и других различных целей. Он был сделан консулом в 538.

Лид питает отвращение к частной жизни Каппадокийца, кто был грубым, прожорливым, пьяницей, развратником, привлекавший для непомерных сексуальных действий как мужчин, так и женщин (*Mag.* II.21, III.62, 65). Он также перенес в преторианскую резиденцию тюрьму, лишая свободы и пытая совершенно каждого или любого, кто имел несчастье навлечь на себя его немилость (*Mag.* II.21, III.57, 65). Его бесчисленные деяния вымогательства доставляли ему огромное богатство (*Mag.* III.62). Лид зовет его «грязный» (*Mag.* II.20, III.57, 69, 72), «демонический дух» (*Mag.* III.57), «демон» (*Mag.* III.58) и «разрушитель государственного управления» (*Mag.* III.69). Он имеет много приспешников, чтобы совершать свои многочисленные злые деяния (*Mag.* III.59). Лид живо описывает одного из его известных дурной славой свирепых и порочных миньонов, некто из них был близким родственником, тезкой и земляком, который стал наместником Лидии (*Mag.* III.58), прозванный людьми «свинцовочелюстный» (*Mag.* III.58). Лид называет его «Цербер» (*Mag.* III.58, 60), «Циклоп» (*Mag.* III.59, 60), «*Лестригон*» (*Mag.* III.61), «широкочелюстный» (*Mag.* III.61), «нижний демон» (*Mag.* III.58), «демон» и «*Салмоней*» (*Mag.* III.59), подробно излагая некоторые из его грязных дел (*Mag.* III.59-61). Опустошением Лидии он особенно приводит в бешенство Лида, кто стал очень гневным, потому что должен был наблюдать и ничего не говорить, пока его друзья (*Mag.* III.57) и другие граждане его родины подвергались унижениям, пыткам и даже убийствам (*Mag.* III.59-60). Каппадокиец обычно забавлялся с грубыми людьми из толпы, назначая людей низкого положения в жизни, даже поваров, действительно, на высокие государственные позиции (*Mag.* III.62). Из-за лидовой личной ненависти к Каппадокийцу его оценка того может рассматриваться как предвзятая[1]. Каппадокиец, несмотря на критицизм Лида, учредил некоторые практичные и необходимые нововведения, именно, упрощение бюрократических процедур, ограничение использования латинского в преторианской префектуре Востока (*Mag.* III.68), и лишение права аппеляции (*Mag.* III.42), реформа, облегчавшая бремя наивысших органов правосудия, уже лишившихся своего достоинства, имевшая результат в уменьшении прибыли и штата (*Mag.* III.66). Император, тем не менее, восстановил право аппеляции.

Лид имел исключительно сильную любовь и уважение к древним римским традициям, оценивая с презрением преторианского префекта Востока Кира, потому что он нарушил древнюю практику изданием постановлений на греческом, таким образом выполняя предсказание древнего оракула, что Фортуна покинет римлян, если они забудут свой наследственный язык (*Mag.* II.12, III.42). Лид выводит упадок преторианской префектуры из отмены латыни. Эта реформа ведения государственных дел в Восточной империи на греческом, а не на латинском, который был понятен только образованным слоям, предполагала,

---

[1] Stein, *Histoire du Bas-Empire* II, 734.

что латинский язык становился все больше и больше малопонятным даже должностным лицам правительства. С тех пор как Каппадокийцу не хватало гуманитарного образования, его знание как греческого, так и латинского не было книжного качества, и он продолжил реформу употребления греческого вместо латыни не потому что он заботился о ясности, но потому что он не хотел, чтобы его подчиненные и другие чиновники встречали трудности, когда вели государственные дела (*Mag.* III.68).

С тех пор как Каппадокиец захотел усилить центральную власть, чтобы контролировать растущую власть крупных землевладельцев и собирать деньги, он подчинил людей бесчисленным, разнообразным налогам, которые были равносильны вражеским нападениям (*Mag.* III.70). Его жестокое и вопиющее отношение к гражданам и плательщикам налогов имело пагубный эффект для населения. Множество мелких провинциальных налогоплательщиков было разорено и таким образом толпы обедневших жителей стекались в столичный город, раздувая его население (*Mag.* III.70). Лид объясняет восстание *Ника* на ипподроме 11-19 января 532 г., главным образом, жадностью и плохим управлением Каппадокийца. Этот мятеж в результате привел к большому пожару, который разрушил значительную часть города, также как и Первый Храм, *Святую Софию* или *Божественную Мудрость*. Каппадокиец скрывался в продолжении восстания (*Mag.* III.70). Лид не порицает императора за все эти несчастья, но осуждает Каппадокийца, критикуя также членов Двора за их раболепную лесть в поддержку Каппадокийца (*Mag.* III.69). Чтобы умиротворить рассерженную чернь, император был вынужден убрать его с должности в январе 532 г., замещая его добродетельным и необычайно щедрым патрикием Фокой. Приблизительно пятьдесят тысяч восставших были казнены солдатами Велизария (*Mag.* III.70). Обуглившийся булыжник был убран прочь, а новый и более красивый и безопасный город начал вставать (*Mag.* III.71). Император, тем не менее, снова назначил Каппадокийца в качестве преторианского префекта в середине октября 532 г., но в конце концов освободил его от должности 7 мая 541 г. через влияние императрицы Феодоры. Богатство Каппадокийца было конфисковано, а он был сослан в Египет, где он был вынужден принят священнический чин. Даже после смерти Феодоры 28 июня 548 г. Каппадокиец безуспешно пытался вернуться к политической жизни.

Лид опускает упоминание факта, что зло, за которое он делал ответственным Каппадокийца, не исчезло даже после конечного каппадокийцева ухода с должности. Его реформы в области внутренних дел префектурной службы были сохранены, но Лид избегает какого-либо осуждения его преемников, наиболее известным из которых был бывший *scriniarius* Петр Варсима (16 июля 543 – 1 мая 546, и 1 июня 555 – 27 декабря 559). Лида обвиняют в непонимании больших трудностей встававших перед лицом императора как мощную причину для различных изменений, инициируемых Каппадокийцем и его преемниками. Будучи антикваром и склоняющимся к консерватизму, Лид превозносит великолепие прошлого, сожалея о его потерях и не одобряя изменений.

Лид заинтересован в растянутом, но теплом и искреннем восхвалении преемника Каппадокийца Фоки, чьи добродетели, безупречный характер и поведение на высшей должности он высоко оценивает (*Mag.* III.72-76). Лидова хвала Фоки могла быть, частично по крайней мере, оправданием Фоки против обвинения в язычестве, впоследствии возводимого против него (545 – 546), которое привело в результате к его самоубийству ядом. Каппадокиец был ортодоксальным христианином, но ужасающе жестоким и вымогательным для своих собратьев, тогда как Фока, хотя и язычник, из-за своей любви к человечеству и благодаря своим благотворительным делам доказал, что является очень угодным Божеству (*Mag.* III.72-76). Прокопий[1], кто поносил администрацию государства и те, кто с ней ассоциировался, префекты ли, юристы, или даже сам Юстиниан, представляет их всех не только как неумелых и порочных, но также как наполненных злой волей. Прокопий признает преторианских префектов Фоку (25 января – середина октября 532), кого Лид упоминает, и Васса (весна – середина сентября 548), кого Лид не упоминает, как выдающейся чистоты и честности. Лид прославляет Целера, *magister officiorum* (506 – 518) в правление Анастасия I (*Mag.* III.53) как славнейшего из всех людей(*Mag.* III.17), Петра Патрикия, *magister officiorum* (539 – 546) под властью Юстиниана I (*Mag.* II.25, 26), и Габриэла, перфекта города в 543 г. (*Mag.* III.38).

Лида критиковали за раболепное восхваление Юстиниана I, чье узнавание интеллектуальной и книжной квалификации Лида может подразумевать основание для прославления его Лидом. Он делает, тем не менее, два завуалированных внешне неблагоприятных утверждения, относящихся к Юстиниану I, говоря: *Император добродетелен, хотя медленный в возмездии порочным* (*Mag.* III.69) и *Это небезопасно – отказываться от такой императорской просьбы* (*Mag.* III.76). Эти утверждения подразумевают, что Лид не был всецело раболепен императору. Он восхваляет императрицу Феодору за ее вклад в государственные дела и за ее готовность употребить свое влияние на императора, чтобы исправить вред и побуждать конец тираническому управлению Каппадокийца (*Mag.* III.69).

После сорока лет и четырех месяцев (*Mag.* III.30, 67) Лид завершил этап службы в преторианской префектуре, предположительно имея достигнутой высокопоставленную должность *cornicularius*, награждаясь благодарностью за выполнение более низкой. *Cornicularius* на уровне префектуры был очень выгодным, так как он обычно был ответственен за приведение в порядок дел в суде юстиции преторианского префекта (*Mag.* III.23) и утверждении решений добавлением своей подписи к ним (*Mag.* III.12). Перед уменьшением гонорара Юстинианом I *cornicularius* обычно получал из *completiones* доход в одну тысячу *solidi*, часть учрежденной стипендии *cornicularius*, в дополнение фунт золота ежемесячно (*Mag.* III.24), именно, 865 *solidi* в год, от *princeps* как компенсация за различные гонорары, которые принимает на себя *princeps*. Лид сокрушается, что

[1] *Anecdota* xxi.6.

как *cornicularius* он не получает даже хоть какой-нибудь один *obol*, ни от *princeps*, ни от из *completiones* (*Mag.* III.25). *Postulatio simplex*, именно, *заявление требования*, в суде преторианского префекта в прошлом стоило тридцать семь *solidi*, но даже этот гонорар был уменьшен до скромной медной монеты (*Mag.* III.25). Ко времени своей отставки Лид не приобрел ничего из этого, но только титул этого завершения (*Mag.* III.25, 67). Momigliano[1], тем не менее, без предоставления доказательства утверждает: *взятки и дополнительные доходы сделали его богатым человеком*.

Лид ушел в отставку в возрасте шестидесяти двух лет в 552 г., возможно, 1 апреля, в годовщину восхождения Юстиниана I на императорский трон. Он не дает причин по своей отставке, которая могла быть добровольной, так как он говорит: *Это была хорошая вещь - уйти в отставку, в конечном счете, от этой трагедии* (*Mag.* III.67). Он ярко описывает церемонию, проведенную в его честь при его отставке, которая произошла, когда Гефаст был преторианским префектом. Он зачитал громогласно в присутствии целого штата резолюцию, превозносящую Лида за добросовестное исполнение его обязанностей и за его службу литературе и учености, заверяя его, что император будет даровать ему более великие милости (*Mag.* III.29, 30). После своей отставки Лид вернулся к императорскому Двору чтобы продолжать свои ученые занятия, предположительно удерживая также свой учительский пост в Императорском Университете.

Точная дата смерти Лида не определена. То, что он жил до начала царствования Юстина II (15 ноября 565 – 578), племянника и преемника Юстиниана I, было впервые выражено C.E. Zachariae von Lingenthal[2], кто предположил, что слова Лида ὅταν κοσμεῖν τήν τύχην ἐθελήσοι (*Mag.* II.8) относится к императору, который был собирающимся принимать консульство, потому что Лид едва ли мог употреблять будущее время относительно Юстиниана I, кто уже был консулом в течение четвертого раза в 534 г., соответственно по крайней мере за восемнадцать лет до того, как Лид мог написать, а это утверждение Лида отлично подходит Юстину II. Wünsch[3] верно, вследствие этого, отвергает мнение von Lingenthal, констатируя что эта фраза просто обозначает, что *когда [снова] он [Юстиниан] бы пожелал* и не *как только он [Юстин II] будет желать*, и что Лид не упоминает по имени никакого императора позже, чем Юстиниан I или события последующие за его царствованием, и что *De Magistratibus* было составлено между 554 и 14 ноября 565 г., датой смерти Юстиниана I. Wünsch[4] также замечает, что упоминание имени Юстиниана в теме 13 в Книге II в *Оглавлении De Magistratibus* предполагает что последняя была составлена в течение

---

[1] *The Oxford Classical Dictionary*, 2nd ed., 630 s.v. Lydus, Ioannes Laurentius.

[2] *Joannes, des Philadelphiers Laurentius Sohn, genannt Lydus,* in *Zeitschrift der Savigny-Stiftung f*ür *Rechtsgeschichte* 12 (1892), Röm. Abt., 79 – 80.

[3] *Ioannis Lydi De Magistratibus Populi Romani Libri Tres, Praef.,* vi.

[4] *Ibid.*, ix.

его царствования. Лид, возможно, не пережил Юстиниана I. Sandys[1] дает 570 год как дату смерти Лида.

Ensslin[2] также принимает интерпретацию von Lingenthal вышесказанных слов как ссылку на императора, который еще не становился консулом, и верит, что Лид был до сих пор жив, когда Юстин II стал императором, который принял консульство 1 января 566 г. Dölger[3], тем не менее, правильно отвергает положение Ensslin, потому что, если оно обозначало Юстина II, Лид не упомянул бы неправдоподобно его именем, после того как сослался на всех его предшественников.

Портрет бюрократа
(Глава из книги «Иоанн Лид и римское прошлое»)[4]
Michael Maas

Скудная информация ограничивает пределы биографии Лида. Какие-либо личные данные нами получены целиком из его собственных книг. Более поздние писатели, кто обсуждал его работу или упоминал его имя, кажутся не имеющими независимой информации о нем[5]. В этой главе я исследую карьеру Лида для установления связей, которые существовали между событиями его профессиональной жизни и развитием его отношения к политике и правительству.

Когда ему был 21 год, в 511 году, Лид, подобно многим другим амбициозным молодым людям из провинции, отправился в Константинополь искать свою счастливую судьбу. Он не достиг трона как сделал Юстиниан, иллириец, или стал преторианским префектом, как сделал Иоанн Каппадокиец, или стал историком, подобно Прокопию Кесарийскому, или писателем гимнов, или даже возничим борцом. Вместо этого, он нашел нишу в имперской бюрократии как чиновник среднего уровня в префектуре претория. Он служил там с неравно-

---

[1] *A History of Classical Scholarship* I, 388.

[2] *Zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos περί ἀρχῶν* in *Philologische Wochenschrift* 62 (1942), No. 31/35 (August 8), 452 – 454.

[3] *Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos περί ἀρχῶν* in *Philologische Wochenschrift* 62 (1942), No. 49/52 (December 5), 667 – 669.

[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London/New York, 1992. В книге сноски к каждой главе вынесены отдельно и помещены в конце книги в пункте "Notes".

[5] *Sudae Lexicon*, изд. J.P. Migne, изд. Ada Adler, 5 vols (Leipzig, 1928–38) II. 465, p. 649; Leo, *Tactica*. *Epilog* 67, изд. J.P.Migne, *PG* 107.1092B; Constantine Porphyrogenitus, *de Thematibus*, изд. A.Pertusi (Vatican City, 1952) I, 63 (цит. *de Mag*. I. 46); аноним, в *Anecdota Graeca Codicibus Manuscriptis Bibliothecarum*, изд. J.A.Cramer, 4 vols (Oxford, 1835–7) III. 187ff.; Theophylactus Simocatta, *History*, изд. C.de Boor (Leipzig, 1887) 7.16.12; Photius, *Bibliotheca*, изд. R.Henry (Paris, 1959– 77) *Cod*.180; *Cod.* Vat. 1202 chartac. [=excerpt of *de Ost.*].

мерным успехом в течение сорока лет, выйдя в отставку разочарованным и обманутым в конце 551 г. или начале 552 г.[1] в возрасте 61 или 62 лет.

Его карьера охватывала царствование Анастасия, Юстина и Юстиниана, людей заметно разного характера и амбиций. Как чиновник в сердце администрации, Лид понимал сложность судебной жизни и наблюдал воздействие высших сановников на формирование и осуществление политики в Константинополе и более мелких общинах империи. Карьера Лида началась хорошо при Анастасии (кого он хвалил за заботу о благосостоянии учителей)[2] и продолжалась удовлетворительно при Юстине, но авантюра Юстиниана стала причиной финансового хаоса и косвенно принесла конец общественной жизни Лида. Присутствие Юстиниана в “De Magistratibus” такое навязчивое – и двумысленное – что это необходимо напомнить себе первые успехи Лида в предшествующие царствования. Его заинтересованность в надлежащем управлении империей имеет особую остроту в реакции на Юстиниана. Идеализированная версия бюрократической истории Лида[3] заставила его видеть государство в условиях упадка, и он ожидает, что император исправит ситуацию. Мы будем видеть в “De Magistratibus” прямую взаимосвязь между пессимистическим мнением Лида на современное общество и события и неудачами императора действовать соответственно.

Лид был также ученым-гуманитарием. В течение нескольких последних десятилетий своей жизни он преподавал в имперской школе Константинополя, хотя он никогда не посвящал себя исключительно образованности. Он ощущал, что этот сорт мужей был до некоторой степени непрактичным и потерявшим связь с реальностью[4]. Вместо этого, Лид представляет другой тип на константинопольской сцене – ученых-бюрократов, гражданских специалистов, мы могли бы сказать, образованных в риторике и латыни, философии и законе, мужей с обычаем комбинирования традиционного образования и государственной службы[5] – в случае Лида, как минимум, в перегруженности деталями при заполнении правительственных форм правильно[6]. Ничего экстраординарного не было в том, что высокоранговый гражданский служащий имел хорошее классическое образование. В 360 г. императоры Констанций и Юлиан постановили:

«Ни один человек не будет занимать пост первого ранга, пока не будет доказано, что он отличается в длительной практике свободных наук и что он

---

[1] de Mag. III. 30; Stein, 838–9; On Powers or the Magistracies of the Roman State, ed. Anastasius C.Bandy (American Philosophical Society Memoirs 149; Philadelphia, 1982) xxiii; Robert Kaster, *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity* (Berkeley, 1988) 306–309.

[2] *de Mag*. III. 47.

[3] См., Глава 6

[4] *de Mag*. III. 47.

[5] Ср.: Andrew Wallace-Hadrill, *Suetonius: The Scholar and his Caesars* (London, 1983).

[6] *de Mag*. III. 68.

настолько имеет отделанные литературные материи, что слова льются из-под его пера безупречно»[1].

Эта цель не всегда удовлетворялась, но никогда не теряла привлекательности[2]. В пятом и шестом веках продолжала быть сильная связь между *философией*, *филологией* и государственной должностью. Лид, подобно его более прославленным современникам Кассиодору и Петру Патрикию, имел интеллектуальную ориентацию вне своей административной карьеры[3]. Лид необычно для бывшего только бюрократом, внесенным в регистрационный список, был награжден учительской должностью императором[4].

В глазах Лида литературный успех был тесно связан с государственной службой. Он гордился своей ученостью и литературными талантами, когда имел признанное место в имперской администрации, и что в его случае получило императорское покровительство. В добавление к философии Лид имел особую заинтересованность в знаниях о прошлом. В этом облики он был частью «антикварной» традиции. Он собирал информацию о прошлом, как делали многие другие перед ним. Эта традиция учености делала возможным создать иллюзию неразрывности с древними достижениями и была ловко приспособленной в его поле зрения к характеру правильного управления. Он оценивал хорошее государство как находящийся под угрозой вид и связывал его прекращение с административным упадком.

Лид получил классическое образование на своей родине в Филадельфии, сорт которого в течение веков состоял в подготовке сыновей местных аристократов по всей площади империи для государственной службы. Предположительно, это здесь он изучил латынь[5]. Словами Кастера: «Несмотря на все свои недостатки, грамматическая школа делала одну вещь великолепно, обеспечивая языком и нравами, через которые социальная и политическая элита распознавала своих членов»[6]. Его семья предположительно была на вершине социальной пирамиды города и очевидно христианская. Его отец, Лаврентий[7], в конце концов, дал своему сыну христианское имя. Его семья также имела хорошие связи в Константинополе, и с использованием связей на высоком уровне Лид в итоге вступил в имперскую службу. То, что он ухитрился остаться на своем посту не-

---

[1] *CTh.* 14.1.1. пер. и обсуждение, N.G.Wilson, *Scholars of Byzantium* (Baltimore, 1983) 2.
[2] Fritz Saaby Pedersen, *Late Roman Public Professionalism* (Odense, 1976) в разных местах; Wilson, *Scholars* 2ff.
[3] Ср. карьеру Светония: Wallace-Hadrill, *Suetonius,* гл. 4 *“The Scholar at Court”*, 96: «Там нет разрыва между Светонием секретарем и Транквиллом филологом».
[4] Kaster, *Guardians* 233–440, 266 no. 42, и 272 no. 48.
[5] Об инструкции на латинском языке в регионе (Адамантий, учитель латинской грамматики, возможно в Сардах, перед 580 г.), см. ibid., 238, no. 2; о латинском языке Лида, см. *On Powers,* изд. Bandy, xxxiii, и Joannes Fridericus Schultze, *Quaestionum Lydianarum Particula Prior* (Diss., University of Greifswald, 1862) 6–11.
[6] Kaster, *Guardians* 14.
[7] On Powers, изд. Bandy ix–x; Kaster 306.

смотря на анти-языческие чистки и в общем атмосферу нетерпимости в течение царствования Юстиниана, содействует впечатлению, что формально, как минимум, Лид принимал христианское вероисповедание. Христианство, тем не менее, в малой степени оформляло убеждения, выраженные в его выживших работах. В школе он перенял от своих учителей идею попечительства о драгоценном литературном наследии, а также более широкое, но возможно менее выраженное чувство городской традиции[1]. Служба в управлении с чувством гордости и древними традициями в дальнейшем укрепила попечительский интерес Лида к прошлому; "De Magistratibus" – это памятник истории и процессуальных обычаев великой бюрократической службы. Его долгие годы в Префектуре могут так же сильно влиять, как и его классическое образование, на оформление его консервативной точки зрения.

Хотя он провел большую часть своей жизни в центре империи, Лид сохраняет значительную гордость и привязанность в отношении своего родного города Филадельфии[2], особенно за его связи с языческой древностью, даже заходя настолько далеко, чтобы провозгласить, что он основан египтянами[3]. Он записывает также слово на «древнем лидийском наречии»[4] и утверждает, что идея почитания года как бога началась в Лидии, также давая другие кусочки лидийской мифологии[5]. Этот богатый город с атталидовым фундаментом с внушительными эллинистическим стенами и парапетами традиционно контролировал Когамскую равнину и холмистые земли на северо-востоке[6] по причине выгодного расположения на отроге горной цепи Тмол. Территория была известна по землетрясениям и Лид описывает фестиваль во имя избегания таких бедствий[7]. Город был особенно процветающим в третьем веке[8] и снискал крайне престижный титул «Смотритель Храма Августа»[9], указывающий на его роль в провинциальном императорском культе.

---

[1] Kaster, *Guardians* 17–20.

[2] *de Mag.* 3.26, 58ff.; *de Mens.* 4.58; *de Ost.* 53.

[3] *de Mens.* IV. 58.

[4] ibid., III. 20: "sardis"= «год»; Страбон (*Geography*, изд. H.L. Jones (Cambridge, Mass., 1929) XIII. 4.17) сообщает, что по-лидийски больше уже не говорили в его время.

[5] de Mens. III. 20–1.

[6] Annie Pralong, *"Les remparts de Philadelphie"*, в *Philadelphie et autres études* (Byzantina Sorbonensia 4; Paris, 1984) 101–125; G.M.A.Hanfmann and Jane C.Waldbaum, *A Survey of Sardis and the Major Monuments outside the City Walls* (Cambridge, Mass., 1975) 42; A.H.M.Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces* (2nd ed., Oxford, 1971) 80.

[7] Землетрясения: Strabo, *Geography*, XIII. 4.10; фестиваль против землетрясений: *de Mens.* IV. 76.

[8] David Magie, *Roman Imperial Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ* (Princeton, 1950) 693.

[9] Magie, *Roman Rule* 637; A.M.Woodward, *"The Neocorate at Aegeae and Anazarbus in in Cilicia"*, *Numismatic Chronicle* (ser.7) 3 (1963) 5–10, особ. 8; Kaster, *Guardians* 4.

В течение V века Филадельфия была пожалована особым отличием для своих храмов и фестивалей. Лид обосновано вспоминал вековой фестиваль Януса, отмечаемый в новый год[1]. Студенты Прокла упоминали Филадельфию как «Маленькие Афины», потому что город с его фестивалями и красивыми храмами единственный позволял их учителю чувствовать себя дома в течение периода политической опасности в Афинах[2], факт, который Лид сообщает с гордостью. Он также похваляется репутацией Филадельфии как центра учености. Его отчаяние и гнев при жестоком обращении с Филадельфией и Лидией в руках министров финансов Юстиниана[3], показывают, что он был хорошо осведомлен о путях, в которых и благородные и бедные могли страдать от рук имперских распорядителей. В то время как он оставался слепым к недочетам своего собственного класса и старался дистанцироваться от злоупотреблений отдела, в котором он служил и процветал, он показывал проблему для тысяч обедневших поселян, которые скапливались в трущобах столицы[4]. Однако, таких сентиментальных размышлений никогда нет в тоне его упоминаний о Константинополе; он знал неутешительную действительность слишком хорошо.

Лид первоначально обнаружил медленное продвижение по его прибытии в Константинополь. Был совершенно острый конкурс на место, которое он искал, что *memorialis*, секретарской должности в *sacra scrinia*[5], и он нашел себя в свободное время, в бытность, когда он ожидал быть принятым в тот отдел[6]. Любящая науку душа, которой он был, Лид начал посещать лекции Агапия, философа-неоплатоника, бывшего тогда в моде в городе. Агапий, студент Прокла[7], был, очевидно, эффективный учитель, так как Лид позже наполнил свои книги философским материалом различного сорта. “De Magistratibus” предположительно оформлено философскими теориями[8].

Изменения в администрации положили конец официальным учебным занятиям Лида: когда другой филадельфиец Зотик стал преторианским префек-

---

[1] *de Mens.* IV. 2.

[2] ibid., IV. 58; Magie, *Roman Rule* 125; *PLRE II “Proclus 4”* 917; Proclus, *Hypotyposis Astronomicarum Positionum*, изд. Carolus Manitius (Leipzig, 1909, repr. 1974) гл. I, введ. пар. 4.

[3] Дурное обращение с лидийцами, *de Mag.* III. 58–61; *On Powers*, изд. Bandy xviii.

[4] *de Mag.* III. 70; Evelyne Patlagean, *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e–7e siècles* (Paris, 1977) 300ff.; Paul Lemerle, *The Agrarian History of Byzantium from its Origins to the Twelfth Century* (Galway, 1979) 20–26; Gilbert Dagron, *Naissance d’une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 a 451* (Paris, 1974) 518–541.

[5] *de Mag.* III. 26; on the duties of the memoriales, James Caimi, *Burocrazia e diritto nel de Magistratibus di Giovanni Lido* (Milan, 1984) 430–442.

[6] *de Mag.* III. 26.

[7] По лидову знанию Прокла, см. Herman Grabowski, *De Joannis Lydi theologumenis arithmeticae* (Diss. University of Königsberg, 1921) 33– 48; см. Appendix по ссылкам Лида на Прокла.

[8] См., Глава 7.

том в 511 г.[1], карьера молодого человека начала взлетать. Префект нашел ему место в Префектуре как *exceptor*, секретарь-стенограф, стартовая позиция для всех карьер в отделе[2]. Должность и влиятельная поддержка, которая пришла также, это подтверждает крайне прибыльно. В свой первый год Лид заработал в дополнение к его нормальному жалованью свыше 1000 солидов в гонорарах[3]. Полный благодарности к Зотику, Лид составил панегирик в честь своего патрона. Соответствующая награда последовала: Зотик выдал ему солид за каждую строку из государственной казны[4]. При поддержке другого высокопоставленного родственника, Аммиана[5], Зотик устроил подходящую женитьбу для своего юного протеже. В "De Magistratibus" Лид сделал замечание о хорошем нраве своей невесты и приданном свыше 100 фунтов золота[6] – и никогда не упоминал ее снова.

В какой-то момент в течение этого же первого года Лид получил дополнительный приз. Он был зарегистрирован среди *adiutores* из *ab actis,* - то есть, он стал помощником тех чиновников, кто имел дело с гражданскими судебными делами и нес ответственность за хранение юридических записей[7]. Ему было даровано звание «первый» *chartularius* без требования нормального девятилетнего испытательного периода[8]. Он не только не покупает это назначение как было обычно, но и получил в дополнение годовую зарплату 24 солида. Это назначение было даже более удивительным по причине его молодости, и Лид сам называет назначение беспрецендентным[9]. Его два коллеги были пожилыми мужами, кто купил свои посты и не получали жалованья, а обеспечивали себе средства к существованию из гонораров[10].

Когда Лид начал свою карьеру, латинский был до сих пор используемым в какой-то степени как официальный язык государства на греческом Востоке, хотя точный уровень трудно определить[11]. Внутри служб восточной Префектуры, тем не менее, латинский был отменен Киром (префектом 439-441 гг.)[12], к большому беспокойству Лида. Он думал, что Префектура потеряла свою

---

[1] *de Mag.* III. 26; *PLRE, II "Zoticus"* 1206.
[2] *de Mag.* III. 26.
[3] ibid., III. 27.
[4] ibid., III. 27; Stein 730; не необычный гонорар: см. Alan Cameron, *"Wandering Poets: a Literary Movement in Byzantine Egypt", Historia* 14 (1965) 470– 509, здесь 477–478 [=*Literature and Society in the Early Byzantine World* (London, 1985) art. I].
[5] Аммиан был выдающимся «скорописцем», также как и его кузен (*de Mag.*, III. 26).
[6] de Mag. III. 28.
[7] Jones, *LRE* II 587; Roberto Morosi, "L'officium *del prefetto del pretorio nel VI secolo" Romanobarbarica* 2 (1977) 103–148 о внутреннем делении префектуры.
[8] *de Mag.* III. 27; *On Powers*, изд. Bandy xiii: Caimi, *Burocrazia* 50ff.
[9] *de Mag.* III. 27.
[10] ibid.
[11] Jones, *LRE* II 988ff.; см. note 114 в Главе 1.
[12] Jones, *LRE* II 989; *On Powers*, изд. Bandy xix.

счастливую судьбу, когда постановления появились на греческом[1], и несколько раз он цитировал оракул, который предсказывал падение Империи, когда язык предков будет оставлен[2]. Ко времени Лида, когда началась его карьера, полное владение наречием предков стало орудием специалистов, и лингвистическая подготовка Лида доказала существенную ценность. Как ни несовершенна его эрудиция могла бы быть[3], Лид продвигался вперед частично на основе знания латинского. От своего первого повышения имперских полномочий в свои зрелые годы, он работал в тех должностях, в которых знание латинского было существенным.

Мастерство Лида в латыни было крайне ценным для выполняющего обязанности *chartularius*. Он составлял на латинском юридические сводки (*suggestiones*) по судебным делам, отсылаемым в Сенат[4] на апелляцию. Он упорядочивал реестры судебных дел и лиц (*cotidiana* и *personale*), чтобы предстать перед судом преторианского префекта[5]. В дополнение, он помогал другим *adiutores*, которые работали во дворце по правовым вопросам, совершая свои задания настолько успешно, что «как будто бы оснащенный крыльями» он поднялся до ранга *a secretis* в суде[6]. Точные обязанности должности в системе дворцовой бюрократии в юстинианов период не известны; в предшествующий век, однако, *a secretis* были объединением секретарей в *consistorium*, среди которых императоры выбирали своих личных секретарей[7]. Положение императорского *a secretis* предоставляло больше престижа, чем просто бытие *praefectianus*[8].

Также в течение царствования Анастасия Лид служил как *chartularius* в *scrinium* из *commentarienses*, возможно, в 517 г.[9]. Император вверил *commentarienses* конфискации и высылки[10]; из ранних стадий своей карьеры Лид знал цену императорской немилости, так как он активно привлекался для выполнения таких императорских решений. Жертвы включали мужей со сходным Лиду происхождением[11]. Мы можем подозревать конфликт лояльностей.

В какой-то момент Лид оставил свою двойную карьеру, отказываясь от своих задач во дворце и посвящая свой полный рабочий день Преторианской

---

[1] *de Mag*. II. 12.
[2] ibid; *de Mag*. III. 42; *de Mens*. fragmenta incertae sedis 7 (p. 180, Wuensch).
[3] Bandy более обильно: *On Powers* xxxiii.
[4] Caimi предполагает, что императорский консисториум был увеличе за счет участия сенаторов. *Burocrazia* 55.
[5] *PLRE II, "Ioannes 75"* 613; Jones, *LRE* 587; Caimi, *Burocrazia* 51ff.
[6] *de Mag*. III.27; *On Powers*, изд. Bandy xiii и 315, note на 176.7; Kaster, *Guardians* 307.
[7] Caimi, *Burocrazia* 56–57 и note 174.
[8] ibid. II 56.
[9] *de Mag*. III. 17; Caimi, *Burocrazia* 56; *PLRE, II "Ioannes 75"* 613; Stein 838; Kaster, *Guardians* 307.
[10] *de Mag*. III. 17.
[11] *de Mag*. III. 59; Theophanes A.M. 6022 (p .180, изд. C. de Boor).

Префектуре[1]. Причины для этого решения неясны[2]. Кейми предполагает наверно одну из лучших. В декабре 524 г. император Юстин запретил за небольшим исключением занятие двух или более государственных должностей[3]. Лид должен был выбирать между двумя постами и решил остаться в Префектуре[4]. Впоследствии он чувствовал, что им было принято ошибочное решение:

«С тех пор как я ожидал, что гораздо более великие вещи придут ко мне с течением времени, я воздерживался от моего рвения при дворе и посвятил свою жизнь целиком службе»[5].

Отметка разочарования в его голосе реальна, так как его карьера никогда не процветала снова, как это было в те ранние годы. Он продолжает:

«Когда во всем почитаемые общественные дела привели к такому положению, как на этот счет записано, и когда в дополнение фортуна показывала немилость мужам с книжными достижениями, какового положения никогда не случалось прежде, я дошел до ненависти к службе»[6].

Последовательность его изложения запутана и возможно вводящая в заблуждение, из-за некоторых важных и положительных вещей, которые случились с ним между временем «посвятил свою жизнь целиком службе» и временем, когда он «дошел до ненависти» к Префектуре. В особенности познания Лида в латыни и репутация об учености обратили на себя внимание Юстиниана. Император привлек своего ученого слугу произнести панегирик перед собранием приезжих сановников из Рима[7]. Он также предложил, чтобы Лид подготовил историю самой новой персидской войны, которая должна была свидетельствовать о доблестном и успешном противодействии крепости Дара персидской осаде, возможно в 530 г.[8] Мирный договор был заключен весной 532 г.[9] Кажется наиболее правдоподобным, что императорское поручение написать историю,

---

[1] *de Mag.* III. 28.

[2] Различные предположения: позиция хартулярия была годичным постом (Jones, *LRE* 588); *PLRE II "Ioannes 75"*, предполагает, что Лид потерял свою связь с императорским скриниумом, когда Зотик уже не был префектом (после 512) и не был способен помочь своему протеже; см. также *On Powers*, Bandy xiv.

[3] *CJ* 12.33.5; Caimi, *Burocrazia* 57.

[4] Принимая ответ Caimi мы должны допустить, что Лид был не полностью откровенен в *de Mag.* III. 28, где он не дает намеков на такой вынужденный выбор и на самом деле предлагает, что его решение было добровольным. Это также требует допуска, что его дворцовая служба длилась от 512 по 524 гг., что не указано в III. 27–28.

[5] *de Mag.* III. 28.

[6] ibid., пер. Kaster, *Guardians* 307.

[7] *de Mag.* III. 28.

[8] Brian Croke и James Crow, *"Procopius and Dara"*, *JRS* 73 (1983) 143– 159; Procopius, *De Bello Persico* (Opera omnia, vol. 1, изд. J. Haury и G. Wirth, Leipzig, 1962) I. 13.9ff.; *PLRE II, "Ioannes 75"*; Kaster, *Guardians* 308; Thomas F.Carney, *Bureaucracy in Traditional Society: Romano-Byzantine Bureaucracies Viewed from Within II. Byzantine Bureaucracy from Within* (Lawrence, Kansas, 1971) 10 note 13.

[9] Procopious, De Bello Persico I. 22.17.

ныне утерянную[1], могло быть датировано весной или летом 532 г. Фока, аристократичный преторианский префект, по отношению к которому Лид показывал великое уважение[2], занимал пост в это время, и мы можем предполагать, что Фока спонсировал Лида. Это предполагает дату между январем и октябрем 532 г. для его поручения[3]. Такая императорская благосклонность не предполагает нетвердую карьеру. По мнению Лида, месяцы Фоки в Префектуре были периодом благоволения для образованных людей. Это было время, когда Лид получил свое важное поручение. В течение этих месяцев, немедленно следующих за восстанием «Ника», Юстиниан пытался искать политической поддержки консервативной, образованной элиты.

В октябре, тем не менее, Юстиниан почувствовал достаточную безопасность, чтобы сместить Фоку, и Каппадокиец вернулся в Префектуру. Это было, вероятно, в то время, про которое Лид чувствовал, что «фортуна показывала немилость мужам с книжными достижениями», и он «дошел до ненависти к службе», и «повернул все [свое] внимание на литературные усилия»[4]. Кейми отмечает, что там нет твердой хронологической точки, с которой драматическое изменение в его сердце по отношению к Префектуре могло быть связано[5], но вторая префектура Каппадокийца есть указавшая. Реагировал ли Лид на рост влияния внутри Префектуры мужей с опытом в финансах, но с невысокой культурой, или чувствовал ли он нехватку спонсорской поддержки Зотика или Фоку, но это было в течение второй префектуры Каппадокийца, когда карьера Лида замедлилась. Даты создания “De Ostentis” и “De Mensibus” поддерживают этот довод. Как мы имеем увиденным, “De Ostentis” было составлено в ответ на разграбление персами Антиохии в 540 г.[6], и обе книги посвящены префекту Габриэлю, кто занимал должность в 543 г. Вторая половина 530-х и начало 540-х предположительно были годами, в которые Лид посвящал свое свободное время личным литературным проектам.

В “De Mensibus” Лид упоминает визит на Кипр[7]; возможно, это было в связи с провинциальной реформой 536 г., которая сделала Кипр частью новой Префектуры Скифии[8], отрезая его от Префектуры Востока. Особый суд, действующий по нормам статутного и общего права, был учрежден, и Лид мог быть вовлечен в его организацию[9].

---

[1] Предположение как это было построено во всем, см. Avril Cameron, *Procopius and the Sixth Century* (Berkeley, 1985) 242 note 1.
[2] См., Глава 5.
[3] Caimi, Burocrazia 60–1: either March 530–Feb. 531 or Jan.-Oct. 532.
[4] de Mag. III. 28, пер. и обсуждено - Kaster, *Guardians* 307.
[5] Caimi, Burocrazia 57–9, особ. 58 note 182, по разным конъюнктурам.
[6] *de Ost.* 1.
[7] *de Mens.* IV. 47.
[8] *de Mag.* II. 28–29.
[9] *On Powers,* изд. Bandy xiv.

Немного лет позже, где-то между 539 и 541 гг., правовая реформа заслужила негодование Лида. Юстиниан изменил структуру *iudices pedanei*[1] к большому урону профессиональных ораторов, кто действовал в этом суде[2], когда Лид служил в течение неопределенного времени как *matricularius*, или «хранитель реестров»[3]. Лид неодобрительно относился к тому, что место больше не было прибыльным, потому что важные дела уже больше не велись здесь[4]. Он обвинял Иоанна Каппадокийского в этих изменениях[5]. Даже хотя Каппадокиец потерял свой пост в 541 г., позиция мужей с литературным воспитанием продолжала ухудшаться[6]. Во второй половине 540-х гг. Юстиниан начал проводить чистки среди интеллектуалов и риторов. В 545-6 гг. Фока был публично обесчещен и доведен до суицида[7]. Если период разочарования Лида начался в конце консульства Фоки, заманчиво удивиться, если бы Лид намеревался объединять литературные достижения и язычество таким способом.

Когда Лид жалуется на «ненавидение Префектуры» и отмечает антиинтеллектуальную позицию государства, ясно, что его карьера развивалась быстро. Он не утрачивает императорской благосклонности. Юстиниан признавал литературные успехи Лида в письме к преторианскому префекту, которое было спланировано подтвердить положение Лида и службу в *officium* префектуры. Оно хвалило его ученость, литературное мастерство и эрудицию, доказываемые в течение десятилетия, и награждало его учительским постом в имперской школе Константинополя[8]. Дата этого назначения на звание и должность профессора точно не известна. Возможно “De Ostentis” и “De Mensibus” стали известными и увеличили его репутацию. Лид подразумевал, что профессорское назначение было частью награды за его литературные занятия. Лид не избирает комментировать по факту, что его новая престижная работа пришла во время, когда среди других образованных людей проводились чистки. Возмодно, только открыто языческая ученость была выделяема, но это кажется неправдоподобным, так как юстинианово наступление на традиционное образование не было представляемо

---

[1] *NJ* 82 (AD539); Caimi, *Burocrazia* 386–91.

[2] Caimi, *Burocrazia* 386–7; Procopius, *Historia Arcana* (Opera Omnia, vol. 3 изд. J. Haury и G. Wirth, Leipzig, 1963) 26.1–4 описывает враждебность Иоанна Каппадокийца риторам с очевидным намеком на условия *NJ* 82. Заметим, что в *de Mag*. III. 76 Лид хвалит префекта Фотия (*очевидно Фоку – прим. пер.*) за позволение риторам снова процветать. Эта необходимость не предполагала какого-либо изменения в юридической процедуре. По библиографии и обсуждениям *NJ* 82, см. U. Zilletti, *Studi sul processo civile giustiniano* (Milan, 1965) 259 и R.D. Scott, *“John Lydus on Some Procedural Changes” Βυζαντινά* 4 (1972) 441–451.

[3] *de Mag*. III. 66.

[4] ibid.

[5] *de Mag*. III. 66–7.

[6] Caimi, *Burocrazia* 57–8; *PLRE II “Ioannes 75”* 613; *On Powers*, изд. Bandy xiv–xv.

[7] *PLRE II “Ioannes 75”* 613.

[8] Caimi, *Burocrazia* 61 ff.

как противоязыческое усердие, а Лид говорит об эрудиции, но не языческой эрудиции. Из-за того, что в 543 г. городским префектом был Гавриил, кому были посвящены “De Mensibus” и “De Ostentis”[1], должно быть предположено, что назначение Лида в школу случилось в это время[2].

Лид воспроизводит письмо Юстиниана:

«Мы сознаем факт, что подготовка наиученейшего Иоанна в науке, и его точность в языковых материях и его изящество среди поэтов, а также остальное из его познаний, действительно, обширно. И в порядке оплаты за то, что благодаря его собственным усилиям язык римлян более возвеличен, хотя он должным образом исполняет службу в судах правосудия вашего Превосходительства, он имеет выбрать наряду с этим, как проводить свою жизнь среди книг, так и целиком посвящать себя науке. Вследствие этого с тех пор как мы судим, что это низко для нашего времени обойти вниманием невознагражденным того, кто поднялся до такого уровня мастерства, мы приказываем вашему Превосходительству преподнести ему... дар из государственной казны. Позволь вышеуказанному мудрейшему мужу знать, тем не менее, что мы не будем останавливаться на этом, но мы будем награждать его званиями и более великим императорским великодушием, потому что мы полагаем нелепым для такого красноречия считаться достойным такой малой награды, одобряя его, если он сможет наделять также многих других умениями, которыми он владеет» [3].

Соответственно, Лид начал преподавать в Капитолийской школе без отказа от каких-либо других своих обязанностей в Преторианской Префектуре[4]. Похоже, что он продолжал получать жалование за свою работу в Префектуре без гонораров, которые были дополнительной прибылью на этой позиции[5]. По-видимому, он занимал пост до своей отставки. Точная природа его преподавательских обязанностей неизвестна, хотя возможно подобна его коллеги Евгения, грамматика и поэта, кто преподавал в императорской школе в конце пятого начале шестого веков, его лекции включали метрику, орфографию, лексикографию[6]. Может быть предположено, что материал, собранный в его книгах – это «лекционные записи», но этот сорт информации был бы встроен неуклюже в обычный курс обучения.

“De Magistratibus” ужимает остальное из его карьеры, и следующая вещь о своей службе, которую он упоминает с некоторым энтузиазмом, - это церемония, обозначающая его отставку из Префектуры в конце 551 или начале 552 гг.[7] По этому случаю префект Гефестус[1] прочитал постановление, полное

---

[1] *Suda*, II. 465.
[2] *PLRE II “Ioannes 75”* 614.
[3] *de Mag*. III. 29.
[4] ibid.
[5] Kaster, *Guardians* 308; Jones, *LRE* 605.
[6] Kaster, *Guardians* 282, no. 56.
[7] Stein 838–839.

восхваления, выражения из которого показывают, как Лид желал быть почитаемым и запомненным. Оно говорит, что Лид предпочитал прозвание «наиученейший» всем своим официальным титулам, и что его эрудиция завоевала ему восхищение его студентов. Его вовлечение в гражданские дела – то есть, его служба в Преторианской Префектуре, - было исполняемо в гармонии с его научными занятиями. Письмо оканчивается сопоставлением с императором Юстинианом, который:

«в дополнение к его другим совершенствам есть, безусловно, также любитель учености, время имеющее это благосклонно осуществленным в наши собственные времена, так что наш августейший правитель может привести также остальное из нашего целостного политического порядка к чему-либо более блистательному»[2].

Это письмо познавательно. Оно показывает, что 550-е гг. стремление к учености было до сих пор представлено как императорская добродетель, даже после чисток среди риторов и интеллектуалов десятилетием раннее.

Его ранг при отставке может быть *cornicularius* (ели он становился *augustalis* – следующий его репутации), но Лид не упоминал, что он сам имел это звание в каком-нибудь из многочисленных упоминаний о *cornicularius* в "De Magistratibus"[3], - нехарактерно скромное упущение. Более похоже, что он занимал более низкую должность *primiscrinius*[4]. При отставке он приобрел два новых титула, *tribunus et notarius vacans* и *comes primi ordinis*[5]. И затем, как он излагает это: «Я продолжил снова с моими книгами»[6].

Лид был в высокой степени константинопольской разновидностью бюрократа[7]. Его идеи службы государству и его правителю, а также своему отделу совместимы с Новым Римом середины шестого века. Хотя Лид оплакивал плохое управление в провинциях, он никогда не сомневается в необходимости централизованного, эффективного правительства, направляемого хорошо образованными чиновниками и руководимого сверху ученым императором. В то время, когда он тоскует по исчезающим куриальным институтам, он никогда не предполагает, что они могут быть восстановлены. Он неодобрительно относится к административным реформам, которые бы улучшили условия в провинциях,

---

[1] *de Mag*. III. 30.
[2] ibid.
[3] *de Mag*. III. 3, 4, 6, 9, 12, 22–5; *PLRE II "Ioannes 75"* 614 предполагает, что он занимал должность корникулярия.
[4] *PLRE II "Ioannes 75"* 614.
[5] ibid.; *CJ* XII 49.2; Stein 731 и note 6. Лид ссылается на эти титулы косвенно, как «достоинство, обычно даруемое императором для тех, кто завершают службу» *de Mag.*, III. 30.
[6] *de Mag*. III. 30.
[7] См. комментарии Carney, *Bureaucracy* 1–2; Walter E.Kaegi, Jr, *"Some Perspectives on Byzantine Bureaucracy"*, в McGuire Gibson и Robert D.Briggs, eds, *The Organization of Power. Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* (*Oriental Institute Studies in Ancient Oriental Civilization* 46; Chicago, 1987) 151–159.

потому что они уменьшают кое в чем первенство префектуры. В своей тщательно спланированной прививке императорской фигуре аспектов учености, которая сохраняла традиционное образование во всех городах империи, он неявно уменьшает дистанцию между центром и удаленными регионами. Возможно, наиболее показательно для его константинопольской точки зрения то, что он связывает магистраты с императорской властью, привязывая рост римского государства к развитию его служб[1]. Константинопольский характер его интересов важен, потому что это указывает на успех юстиниановой централизации и появление византийского общественного мифа. То, что Лид выражает недовольство по поводу изменений и антиинтеллектуальных настроений в Префектуре, в то время как его собственная карьера продвигалась вперед, намекает на то, что он чувствовал вину за службу в этом отделе. Его консервативные тенденции проявляются особенно сильно в его недовольстве изменениями, хотя он пережил их очень хорошо. Сейчас время повернуть к идее традиции самой по себе, чтобы увидеть, почему это было важно в дни Лида.

Современники Прокопия: Иоанн Лид
(Глава из книги «Ранневизантийские историки»)[2]
Warren Treadgold

Единственным современником Прокопия, кто сделал какую-то серьезную попытку состязаться с великим историком, был Иоанн Лид[3]. Возможно, потому что он надеялся на будущую известность, Иоанн – это единственный автор сохранившейся ранневизантийской истории, кто снабдил нас автобиографическим скетчем. Вследствие этого у нас нет нужды прибегать к обычным гипотезам, о том, когда и где он был рожден, кто были его покровители, женился ли он, или как он достигал своей карьеры. Мы знаем от Иоанна самого, что он родился в 490 г. в маленьком городе Филадельфия в западноанатолийской провинции Лидия. Его отец, Лаврентий, происходил из богатой и влиятельной семьи, очевидно класса куриалов. Иоанн вспоминал видимое в его молодости, как функционировал городской совет[4].

---

[1] См., Глава 7.

[2] По изд.: *Treadgold W.* Early Byzantian historians. PM, 2010.

[3] По Иоанну Лиду, см. Stein, *Histoire* II, pp. 729-34 и 838-40; Bandy, *Ioannes*, pp. ix-lxxiv; M. Maas, *John*; и C. Kelly, *Ruling*, pp. 11-104 (которое подобно лидовым собственным *О магистратах* касается обоих – и Иоанна, и позднеримской администрации, хотя чтобы много больше сказать о последнем); ср. *PLRE* II, Ioannes 75.

[4] Ср. Иоанн Лид О магистратах, III.26 (что Лид был в возрасте 21 года в течение консульства “Secundianus”, очевидно, Секундиана, консула в 511 г.; ср. *PLRE* II, Secundianus (5) и I.28 (по воспоминаниям Лида городского совета). Об имени отца Лида, см. *PLRE* II, 75, цитирующего Photius, *Bibliotheca* cod. 180.

Христианское имя Иоанна показывает, что он воспитывался как христианин. Несомненно, в Филадельфии он получил хорошее образование второй ступени, которое включало и классическую греческую литературу и необычно хорошее знание латинского языка, без сомнения значимое, чтобы получить право на должность в центральной бюрократии. Преданность Иоанна уходящей античности еще была вдали от карьеризма, и кажется, была, как минимум, также сильна, как его рвение к христианству. Хотя как христианин он верил подобно Прокопию, что языческие боги были злыми демонами скорее чем действительными божествами, он чувствовал мощную ностальгию не только по древним временам, но и по Римской Республике[1].

В 511 г., когда Иоанн был двадцатиоднолетним, он поехал в Константинополь добиваться государственной должности. Сперва он ожидал вакантного места под началом магистра оффиций, кем был тогда иллириец Целер. Возможно потому что Иоанн не имел иллирийских связей, он потерпел неудачу в попытках привлечь внимание Целера в течение нескольких месяцев ожидания в столице. Старательный молодой человек тем не менее хорошо воспользовался своим временем, посещая лекции по платонической философии Агапия, последнего студента знаменитого языческого философа Прокла.

Позже в 511 г. Иоанн имел удар фортуны, когда император Анастасий назначил Зотика префектом претория Востока. Зотик был местным жителем родного города Иоанна Филадельфии и другом Иоаннова двоюродного брата Аммиана, кто уже был служащим скорописцем в штате префектуры. Зотик испытывал симпатию к Иоанну и внес его в список среди скорописцев вместе с Аммианом[2]. Префект показал на практике, что является превосходным покровителем. После того, как он показал Иоанну, как пользоваться его должностью чтобы собирать самое высокое возможное вознаграждение, Иоанн ухитрился

---

[1] Kaldellis, “Religion”, доказывает, что Иоанн был внешне христианином, но язычником по убеждениям; но обычное мнение, что он был (возможно, равнодушным) христианином с исключительно сильным интересом к античности, кажется более правдоподобным. Ср. Иоанн Лид, *О магистратах* III.12, 57 и 58 (демоны и злые духи). В начале III.57 текст заметно испорчен (см. аппарат); вместо издательского καί πού μέ τ᾽ ἀυ τό δαιμόνιον... κακῶν я предлагаю чтение καί πού με τοῦ<το> τό δαιμόνιον... κακῶν (переводя фразу: «И как это может быть, что эта демоническая сила [сейчас] вторгается, принуждая меня к воспоминаниям о бесчисленных злоключениях?»).

[2] Иоанн Лид, *О магистратах*, III.26; ср. *PLRE* II, Celer 2, Agapius 3, Proclus 4, Zoticus и Ammianus. Зотик был преемником Леонтия в качестве префекта не раннее 510 г. (ср. PLRE II, Leontius 23) и служил только чуть больше года (*О магистратах*, III.27) перед тем, как был замещен Марином не позднее ноября 512 г. (см. п. 108 ниже), тогда как Иоанн ушел в отставку после сорока лет и четырех месяцев службы в префектуре (III.30); так как Иоанн указывает, что Зотик назначил его сразу после того, как стал префектом, из двух возможных дат иоанновой отставки Рождество 551 г. (подразумевавшее назначение в августе 511 г.) более вероятно, чем апрель 552 г. (подразумевавший назначение в декабре 511 г.; ср. Stein, *Histoire* II, pp. 838-839).

заработать более чем тысячу номисм в течение примерно года. Если семдесят две номисмы – это фунт золота, то это была королевская сумма, в то время когда солдаты были счастливы зарабатывать пятнадцать номисм в год. В благодарность Иоанн написал короткую поэму, восхваляющую Зотика. Префект был так восхищен, что он устроил для Иоанна получить номисму за каждую сточку его поэмы. Потом Зотик продвинул Иоанна быть одним из трех старших хартуляриев префекта с годовым жалованием двадцать пять номисм. С тех пор как Иоанн готовил документы для дел, слушаемых в суде префекта, он также имел благоприятную возможность получать вознаграждение от тяжущихся сторон[1].

Этот головокружительный восход почти гарантировал, что Иоанн находил бы в остальной своей карьере разочарование. Он получал намного меньше благосклонности при преемнике Зотика Марине, кто стал префектом осенью 512 г. В то время как Марин, кажется, был покровителем Иоанна Малалы, как сирийского земляка и монофизита, Иоанн Лид не принадлежал ни к какой из этих групп. Он подвергал резкой критике Марина как типичного сирийского негодяя, который уничтожил декурию империи, разорил налогоплательщиков, обогащаясь сам, поразил префектурный суд мелкими делами и довел до нищеты его подчиненных. Как один из тех подчиненных из семьи декуриона, Иоанн был лично эмоционально поражен. Он искал пост где-нибудь в другом месте как один из имперских секретарей, но потерпел неудачу в приобретении его. К счастью для Иоанна экс-префект Зотик оставался его другом. Как предложение Аммиана, Зотик нашел Иоанну жену, о ком Иоанн говорит, что она имела хороший разум и приданное в сто фунтов золота (7200 номисм), несмотря на то, что она вскоре умерла и он никогда не упоминает ее имя[2]. Поле того, как Марин покинул пост, Иоанн имел лучшее мнение о следующих двух префектах, Сергии и Апионе, и удерживал, работая добросовестно как хартулярий, надежды на продвижение. Вероятно Иоанн стремился стать префектом сам, с тех пор как он говорит, что Анастасием начат подбор образованных мужей для этого поста.

Потом фортуна Иоанна взяла другой поворот к худшему. В 519 г. Марин недолго стал префектом снова, и после этого Иоанн не имеет ничего хорошего сказать о префектах в следующие тринадцать лет. Он критикует Демосфена, кто служил дважды как префект между 519 и 530 гг. и больше всех Иоанна Каппадокийца, кто стал префектом в 531 г. Лид обвиняет Каппадокийца в жадности, жестокости, развратности, обжорстве, грубости, наглости и незнании ла-

---

[1] Иоанн Лид, *О магистратах* III.27.

[2] Иоанн Лид, *О магистратах* III.46 и 49 (о Марине) и III.27-28 (о карьере Иоанна), и *О месяцах* IV.89 (о смерти его жены); M. Maas, *John*, pp. 32-33, кажется, неправильно понял ἠπειγόμην в конце *О магистратах* III.27, имея в виду, что Иоанн не только ожидал, но и получил пост среди судебных секретарей. Марин был, вероятно, префектом на 6 ноября 512 г., когда толпа сожгла его дом; ср. *PLRE* II, Marinus 7, и Malalas XVI.19 (где «экс-префект» - по-видимому ошибка вместо «префект», так как Марин не был префектом прежде 512 г.).

тыни. Наиболее отмечаемое из этих обвинений, что он урезал гонорары своим подчиненным, включая Иоанна Лида, который дошел до ненависти к своей работе. То, что такое вознаграждение могло рассматриваться как форма коррупции, кажется, никогда не приходит ему на ум[1].

Иоанн теперь проводил большую часть своего времени за чтением литературы и написанием поэзии, с тех пор как Юстиниан также стал известен как благоволящий к ученым. В течение восстания «Ника» в начале 532 г. император заменил Иоанна Каппадокийского новым префектом Фокой, кто любил Иоанна Лида. Иоанн хвалит Фоку по очереди за его воздержанность и великодушие. Но Юстиниан снова назначил Каппадокийца как префекта позже в тот же год. Еще около того же времени вероятно по рекомендации Фоки, Юстиниан имел доставленной от Лида торжественную речь в восхваление императора, вероятно, на латыни, к какому-то посещению сановников из Рима.

Как только Иоанн удовлетворительно преподнес свой панегирик, Юстиниан поручил ему написать официальную историю недавней войны с Персией от битвы при Даре 530 г. до Вечного мира 532 г. Эта потерянная история была, очевидно, настолько незначительной работой, что даже Иоанн только лишь упоминает ее, но когда она была завершена около 533 г., это очевидно понравилось Юстиниану. Император написал городскому префекту, хваля Иоанна за его литературные достижения и присвоив ему звание и должность профессора в Константинополе, которую он занимал одновременно с должностью хартулярия[2].

Хотя Иоанн Лид однажды путешествовал на Кипр как представитель преторианского префекта, вероятно в 536 г., чтобы перенести его управление в другой отдел, только созданный Юстинианом, главной ролью Иоанна теперь стало то, что он ученый под начальством городского префекта, вместо того, что он чиновник под начальством преторианского префекта. Иоанн особенно любил Гавриила, городского префекта от приблизительно 542 г. до 547 г., и посвятил

---

[1] Иоанн Лид, *О магистратах* III.28 и 66 (об иоанновой карьере), III.29 (о поэзии Иоанна), III.50 (о назначениях Анастасия), II.21 и III.20 и 50 (о Сергии), III.17 (об Апионе), III.42 (о Демосфене), а также II.17 и 20-21 и III.38 и 57-69 (об Иоанне Каппадокийском). Ср. *PLRE* II, Sergius 7, Apion 2 и Demosthenes 4; и PLRE III, Ioannes 11 (Каппадокиец).

[2] Иоанн Лид, *О магистратах* III.28-29 (об иоанновой карьере) и III.72-76 (о Фоке); ср. *PLRE* II, Phocas 5. Сановники из Рима возможно были отправлены Амаласунтой в 532 г. достигнуть договоренности по ее рейсу в Константинополь (Procopius, *Wars* V.2.23; ср. Stein, *Histoire* II, pp. 333-34). M. Maas, *John*, pp. 34-35, полагает, что письмо было адресовано преторианскому префекту, а не городскому префекту (хотя Иоанн конкретно упоминает городского префекта в конце III.29), и предположительно датирует иоанново назначение 543 г. (хотя Иоанн кажется описывающим это как награду за написание своей истории). C. Kelly, *Rulling*, p. 13, считает, что звание и должность профессора были «в латинском языке и литературе», но не дает доказательств для этого. Иоанн, вероятно, преподавал, как бы он ни желал обратного, незначительную номинальную дисциплину своего кресла.

ему сохранившиеся трактаты *«О месяцах»* и *«О знамениях»* вместе с другими работами, которые сейчас утеряны. Судя из сочинений Иоанна, другим его другом был магистр оффиций Петр Патрикий.

Иоанн продолжал занимать обе должности и получать оба их жалованья, но он сознается, что его обязанности были легкие. После сорока лет и четырех месяцев в префектуре и около восемнадцати лет как профессор, он ушел в отставку на Рождество 551 г. в возрасте шестидесяти одного года с рангом графа (комита). Он был в хороших личных отношениях с последующим преторианским префектом Гефеста, кого он описывает как потомка Гефеста, первого короля Египта, цитируя Диодора как свой источник. В церемонии отставки Гефест оффицально вручил теплую рекомендацию, выражая надежду, что Иоанн Лид будет продолжать свою литературную работу и в дальнейшем награждаться императором[1]. Иоанн, кажется, был одним из наиболее образованных, трудолюбивых и честных членов в общем невежественной, ленивой и коррумпированной бюрократии.

В отставке Иоанн написал свою единственную сохранившуюся историческую работу, *«О магистратах римского государства»*, в трех книгах. Оно сохранилось в единственном манускрипте, который имеет утерянными страницы из Книг I и III, Иоанн указывает, что он закончил первые две книги в 554 г. и написал Книгу III позже. Другой пассаж в Книге III кажется быть написанным в продолжении течения персидской войны с 557 по 561 гг. Еще Книга III производит впечатление не только неполной, но и незаконченной. Оглавление каталогизирует главы Книги III как часть Книги II, как если бы Иоанн видоизменил текст, чтобы отделить Книгу III от Книги II без соответствующего изменения в оглавлении. Хотя даже оглавление не упоминает подчиненных некоторых должностных лиц, но лишь преторианского префекта, предисловие Книги III обещает включить другие отделы. Оглавление говорит, что последняя глава, сейчас утерянная, была о внезапном появлении чумы в 541 – 542 гг. Если Иоанн Лид напоминал о чуме из-за ее возвращения в 558 г., его работа могла быть незаконченной, потому что он был среди ее многочисленных жертв[2].

«О магистратах» открывается коротким введение, провозглашающим, что это будет история всех гражданских магистратов Рима. После оглавления Книга I начинается с Энея и Ромула. Иоанн обсуждает титулы царя, Цезаря и императора, но зовет Ромула тираном, сравнивая его с Диоклетианом и даже

---

[1] Иоанн Лид, *О магистратах* III 29-30 (о карьере Иоанна и Гефеста), III.38 (о Габриэле) и II.25-26 (о Петре); ср. Stein *Histoire* II, p. 838 (о поездке Иоанна на Кипр); Suda I 465 (об иоанновых работах, посвященных Габриэлю); и *PLRE* III, Gabrielius 1, Longinus 2 (предшественник Гавриила до 541/2 гг.), Thomas (преемник Габриэля с 547 г.) и Hephaestus. О дате иоанновой отставки см. п. 106 выше.

[2] Иоанн Лид, *О магистратах* I.2, III.1 и III.55. См. Bandy, *Ioannes*, pp. xxxix-liv (о манускрипте) и xxxiii-vi (о дате работы), цитирующее Stein, *Histoire* II, pp. 838-40. О чуме 558 г., см. Malalas XVIII.127, Agathias V.10 Stathakopoulos, *Famine*, pp. 304-306.

более поздними императорами. Большая часть книги описывает главные должностные ранги, которые существовали при власти царей и Республики, в предполагаемом порядке их создания. Первый – магистр конницы, кого Иоанн ухитряется отождествлять с преторианским префектом, несмотря на то, что признает, что Август изобрел этот титул. Второй ранг есть патриции, кого Иоанн отождествляет с сенаторами. Он возводит происхождение городского префекта и к децемвирам – четвертому рангу, и к преторам – восьмому рангу. Занимательно, что Иоанн верит, что после «мрака» под властью царей Республика дала римлянам «свободу», однако атака Юлия Цезаря на сенат была «губительной для Республики»[1].

Книга II, о периоде империи, начинается с нелестной оценки Юлия Цезаря, отчасти более благоприятного мнения об Августе и описания инсигний, носимых обоими. Затем Иоанн обсуждает преторианскую префектуру, замечая что Август сделал ее уступающей только императорской канцелярии по важности, но что Константин лишил ее военных функций и более поздние императоры допустили ее упадок в дальнейшем. После описания префектских инсигний, подчиненных и резиденции Иоанн оплакивает унижение префектуры под властью презренного Иоанна Каппадокийца. Книга завершается более краткими обсуждениями магистра оффиций (о ком Иоанн отсылает своих читателей к работе Петра Патрикия) и некоторых новых магистратов, введенных Юстинианом.

Книга III, которая длиннее чем другие две книги, сложенные вместе, имеет свое собственное введение, объясняющее, что после написания о ведущих магистратах Иоанн решил присоединить их основных подчиненных. Естественно, он начал со штата преторианского префекта, описывая его основные службы, их обязанности и ослабление их могущества и привилегий. Обсуждение упадка префектуры позволяет Иоанну подвести итог своей собственной карьере, затем проследить ухудшение префектуры Востока от времени ее создания Константином. Иоанн отводит много упреков беспринципному префекту Аркадия Руфину, императорам Льву I, Зенону, и Анастасию за расточение богатств префектуры, и в особенности порочным префектам Марину Сирийцу и Иоанну Каппадокийцу. Наш манускрипт внезапно прерывается на середине панегирической оценки префектуры Фоки в 532 г.; но оглавление показывает, что текст продолжался до записи о благотворительности императрицы Феодоры, вероятно, когда Иоанн Каппадокиец был изгнан в 541 г., и внезапном появлении чумы в 541–543 гг. Будь книга завершенной, она, по видимому, прослеживала бы историю префектуры до времени написания, затем кратко описывала отделы других главных служб.

«О магистратах», конечно, была наиболее претенциозной работой ее автора, с стилистическим цветением неравномерного изящества и учеными ал-

[1] Иоанн Лид, *О магистратах* I.5-6 (О тирании Ромула и Диоклетиана), I.14-15 (о преторианском префекте), I.34 (о городском префекте; ср. краткое изложение лакуны в I.48 в таблице содержания I.13), I.29 (о римской свободе) и I.38 (о Юлии Цезаре).

люзиями на грани педантизма. То, что Иоанн написал Книги I и II в 554 г. подсказывает, что он надеялся соперничать с Прокопием, чьи «Войны» начали появляться в 551 г. и заслужили широкое приветствие в 553 г. Уже в стиле, композиции и анализе *«О магистратах»* много ниже, даже если мы допустим, что она не завершена и суть бюрократии - менее интересный объект, нежели ведение войн. Фотий описывает стиль Иоанна безошибочно как небрежное смешение аттицизма и обычного греческого (означающей *койнэ*)[1]. Иоанн постоянно путает общественные интересы со своими собственными, и часто позволяет своим отступлениям и навязчивым идеям превращать свой трактат об имперской администрации в диатрибу против мужей, которые по общему мнению погубили префектуру Востока. Он был намного менее искусен, нежели Прокопий, в обращении горечи в памятную историю.

Иоанн был, вероятно, среди тех, кто критиковал Прокопия за делание слишком малого количества классических аллюзий, и, конечно, побеждал его по ссылкам на греческую и римскую литературу. Иоанн не только цитирует, но кажется, действительно консультируется с работами Диона, Диодора, Светония, Варрона и других авторов, редко читаемых в это время. Иоанн делает чудесно мало исторических ошибок при обсуждении римской Республики и ранней Римской империи, и его сочувственное осмысление Республики показывает историческую перспективу, редкостную в Поздней Античности[2]. По причине всего его критицизма имперской системы, Иоанн также восхваляет Юстиниана много более тепло, чем Прокопий делает это в *«Войнах»*[3]. Еще Иоанн никогда не зарабатывает Прокопиева сенаторского ранга, очевидно, потому что император предпочитал достоинства Прокопия Иоанновой лести. Другие читатели кажутся согласными с этим, так как *«О магистратах»* никогда не могло иметь найденным близкое к столь многому числу читателей, как *«Войны»*.

Конечно, *«О магистратах»* не может рассматриваться как неудача только потому, что оно проиграло равняясь с величайшей историей этого времени. Хотя Петр Патрикий предшествовал Иоанну в написании бюрократической истории, Иоанн вероятно написал это лучше, оживляя то, что могло стать сухим перечнем фактов, введением своего собственного мнения и жизненного опыта. Если обрезать его отступления *«О магистратах»* было бы более аккуратным но менее читабельным и информативным. Очевидно, не будучи другом Прокопия, Иоанн дает убедительную поддержку многому из того, что Прокопий говорит об Иоанне Каппадокийце и порочности администрации под властью

---

[1] Photius, *Bibliotheca* cod. 180.

[2] См. Bandy, *Ioannes*, pp. xxxii-xxxv (о скрупулезности Иоанна) и 445-446 (Index V, «Греческие и римские работы», указывающие Диона как “Cocceius”. О критике Прокопия, см. выше, с. 189 и п. 78.

[3] По восхвалению Иоанном Лидом Юстиниана, см. *О магистратах* II.15 и 28 и III.55-56, 57 и 69.

Юстиниана[1]. Такой критицизм указывает, что высокое мнение, которое Лид выражает о своем императоре, было менее чем искреннее.

Религия Иоанна Лида[2]
Antony Kaldellis

Новый рост интереса к Поздней Античности и ее появление как более или менее связной научной дисциплины имел далеко идущие последствия. Археологи, филологи, историки, и ученые-патрологи сейчас санкционируют - и нуждаются – в том, чтобы поместить свои работы в контекст дискуссии, более широкой, чем те, что проистекают из их узких областей. Также, поэтому начал освещаться период древней истории, находящейся в пренебрежении у классиков и историков древности. Благодаря объединению “классического” и “позднеантичного”, однажды может стать возможным вернуть единый взгляд на античность, поддерживавшийся византийцами[3], или в действительности всеми гуманитариями до викторианского предубеждения и германского национализма, разработавших ограниченные датировки для классической истории, которые сейчас идейно устарели, но до сих пор широко приняты (грубо - эпоха Александра для Греции и Тацита для Рима).

И прогресс уже весьма резко распространился. Тогда как некоторые периоды до сих пор остаются в темноте (например, восточная империя после царствования Аркадия), другие получают много внимания (например, религиозное противостояние в IV в., или расселение варваров в западных провинциях в V в., которые иногда известны по названию проекта “Трансформация Римской Империи”). Авторы VI в., такие как Иоанн Лид, были в пренебрежении, как и культурная динамика его эпохи. Часть доводов для этого - редко обсуждаемый факт, что мало ученых длительно работают с непереведенными текстами. Только один из трех трактатов Лида был переведен[*] - *“О магистратах Римского государства”* - и не ранее, чем в 1971 г. И этот текст разрабатывали как источник информации скорее, чем изучали в его собственном нормальном состоянии. Две других работы Лида *“О небесных знамениях”* (лит. *“О знамениях от Зевса”*) и

---

[1] Kaldellis, “*Identifying*”, строит гипотезу о «дружбе» между Иоанном и Прокопием на основании сходства между иоанновой работой и *Тайной историей*; но это доказательство кажется очень слабым, чтобы предполагать, что Прокопий отваживался показывать свою взрывную работу литературному сопернику, даже если оба разделяли неприязнь к Юстиниану, что было очевидно не необычно.

[2] *Kaldellis, Anthony.* The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix. Vol. 57. No. ¾. Autumn - Winter, 2003. P. 300-316.

[3] Treadgold 1984: особ. 95-96.

[*]Имеется в виду, на английский язык, и далее везде

“О месяцах”, еще не переведены* и даже их наиболее позднее издание – более, чем столетней давности[1].

Не из-за лености в изучении наследия Лида, а из-за других затруднений, которые были вызваны направлением, в котором развивалось научное поле и (обычно непризнаваемыми) философскими пристрастиями. Большинство ученых поздней античности первоначально интересовались религией и стремились верить, что их объекты видели мир в значительной степени или полностью в религиозных выражениях. Этот современный интерес не происходит от философского скептицизма Гиббона. Некогда популярный, его полемический рационализм оставлен в пользу психологии и анализа религиозных патологий. Например, это влечет двойное отклонение от рационализма: ученые больше не стремятся опровергнуть догмы и дискредитировать чудо, позитивное развитие; но роль, которую разуму позволено играть в рамках религиозного опыта, уменьшена, если не исключена. Сейчас было бы значительным анахронизмом искать “современную” логику в структуре позднеантичного религиозного почитания. В факте малого рефлексивного и самосознающего отношения ученые более привлекательно избегают поиска, который фокусируется на “поведении и чувствах людей”[2]. Ницше здесь также одержал победу над Просвещением. Позвольте мне поспешить добавить, что ныне освещены многие аспекты позднеантичной жизни, которые в предыдущем плохо понимали, но это может быть более подходящим для одних текстов, нежели других.

Эта гипертрофированность религиозного дискурса имеет другие искажающие результаты. Язык и концептуальный аппарат сейчас не существуют для рассмотрения людей, которые ценили другие вещи более глубоко, чем свою веру, на примере их жизни или карьеры. Трудно дискуссировать - в текущем контексте “духовности” и “священного” – о людях, которые подчиняли религию политическому продвижению, или своим любовным увлечениям. Не легко для кого-либо пишущего по следам Питера Брауна обсуждать даже христиан подобно Вигилянцию, который старался сдерживать религиозный энтузиазм своих современников введением некоторых доводов, в которых он несомненно убеждал, что религия - царствование предрассудков. Это скорее истерия Иеронима, который отвечал ему, которая более привлекательный объект для ученых, ищущих “значение и авторитет”[3]. Даже когда такие авторитетные фигуры как Августин предлагают киническую перспективу, на которой строятся неоспоримые аспекты утверждаемого позднеантичного “мировоззрения”, их свидетельство

---

* Переводы А. Бэнди вышли в 2013 г.

[1] Lydos On the Magistracies of the Roman State (впредь Mag.; изд., пер. Bandy 1983; предш. пер. Carney 1971); On the Months (впредь Mens.; изд. Wuensch 1898); On Celestial Signs (изд. Wachsmuth 1897). Только одно исследование фокусируется на культурном контексте: Maas 1992.

[2] Например, Van Dam 1985: 1, 195-196.

[3] Van Dam 1985: 138-139.

иногда отвергается, как будто они были современными учеными, которые не поняли сути вопроса[1].

Лид никогда не делает провозглашение веры, никогда не цитирует Новый Завет, и никогда не обсуждает христианскую доктрину. Фотий, византийский классицист, который позже стал патриархом, читал его работы и делал следующее заключение: "В значении религии он кажется неверующим. Он уважает и почитает эллинистическую веру; он также почитает нашу веру, не давая читателю какого-либо легкого пути решения, есть ли такие почитания истинные или притворные"[2]. Уважение к языческой вере является открытым в сочинении *"О месяцах"* и *"О небесных знаках"*. В целом корпусе сочинений Лида нет ни одного отрывка, который отражал бы самый небольшой кусочек почитания или интереса к христианской вере. Однако эти две работы плохо сохранились, с разночтениями в рукописях, простые фрагменты которых сложены византийским редактором, и чей порядок часто неточен. Возможность изменений, пропусков, и дополнений высока. Похоже, что в отрывке, ныне утерянном, возможно, из предисловия, Лид исповедовал свою веру в Христа. Действительно, данные, которые Фотий высказывает, должны иметь основание, иначе он бы не имел резона во всем думать, что Лид мог быть христианином. Но как Фотий знал, публичное исповедание и вера - разные вещи. Лид непрямо записывает в сочинении *"О магистратах"*, что каждому человеку нужно "быть посвященным в священные таинства Православной веры" в порядке занятия публичных должностей, как он делал в течение 40 лет (3.12). Если бы даже он не верил в учение Церкви, он бы имел хороший резон притворяться, особенно как автор книги, которая показывала как минимум степень благоговения перед язычеством.

Но возможность религиозного утаивания кажется вычеркнутой учеными, которые внимательно изучали вопрос религии Лида. Хотя немногие, они заметны, и их взгляды заслуживают внимания. Майкл Маас и Эверил Камерон просто предполагают, что Лид был христианином, если возможно, необычным. Маас даже отвергает Фотия "за непонимание юстиниановой культурной сцены"[3].

До сих пор нет доказательства, предложенного в поддержку мнения, что Лид был христианином, которое перевесило бы все противоположные доказательства. Кроме того, отклонение подозрения Фотия отражает господствующую веру, что религия в поздней античности - всегда наивная и чистая. Никто не предполагает, что люди поздней античности замаскировывали свою веру из-за нерелигиозных доводов, и это облегчает гомогенизацию комплекса культур в монолитный менталитет и освобождает нас от бремени и опасности близкого чтения. Все индивидуальности, не имеющие образа странных, должны быть типичным продуктом своей эпохи, "людьми своего времени". Лида предполагают

---

[1] Например, MacCormack 1981: 1-2.

[2] Phot. Bibl. 180 (пер. Wilson 1994: 170; изд. Henry 1960: 187-188).

[3] Maas 1992: 3-4; по Лиду как христианину, см. также Stein 1949: 733; Av. Cameron 1996: 246-247.

христианином просто из-за его времени и места, где он жил. В действительности огромному числу позднеантичных писателей придавали ортодоксальные политические и религиозные взгляды на *априорной* почве, часто с малым вниманием к тому, что они действительно говорят про себя. Современная ученость создала единство, которое не могли создать все усилия Юстиниана.

Позвольте нам взглянуть на эти вопросы кратко в обратном порядке. Мы знаем, что было еще весьма много нехристиан около VI века, включая платоников, высших чиновников при дворе и администрации, и сельских общинах в каждом регионе империи, чтобы позволять случайное допущение, что все жители империи уже были христианами. В действительности, определенно, что некоторые интересы и политические взгляды Лида на заднем плане делают его в наибольшем риске быть "эллином". Это особенно правильно всякий раз, когда он ухитряется обходить тему христианства, как будто бы ее не существовало и осторожно прячет свои собственные религиозные верования, так что они непрозрачные даже ученейшему патриарху Византии, который имел гораздо лучшее издание его работ, чем мы. Как бы Фотий понимал или не понимал VI век, его мнению должно быть позволено иметь некоторый вес в религиозных материях.

Я бы действительно поспорил, что в человеческой истории без вопросов всегда была гомогенная интеллектуальная культура, такая, какая постулируется многой новейшей научной мыслью поздней античности. Идея тотального мировоззрения отражает апогей историзма XIX века в его наибольшей амбициозности, но наименьшем правдоподобии. Последний, кто пытался сделать это на большой хронологической шкале, был Люсьен Февр в *"Проблемах неверия в XVI веке"*, который доказывает, что религиозные образы, символизм, язык, учение и практика были так распространены и глубоко укоренены, что сама вероятность скептицизма или рассуждения может быть исключена. Предпосылки Февра полностью опровергнуты, так как проявлены всевозрастающим списком исключений[1]. В поздней античности ли, в западном средневековье, или Византии, но всегда было место скептицизму, странности и рассуждениям.

Во-вторых, религиозное утаивание – обильно засвидетельствовано в поздней античности и в течение средневековья среди нехристиан или еретиков, тех, которые хотели сделать карьеру в суде или заработать какие-либо другие преимущества в ортодоксальном обществе. Константин не скорее обратился, чем Евсевий записал с отвращением, что "был непередаваемый обман со стороны тех, кто вскальзывал в Церковь и принимал лживый фасад христианского имени"[2]. Юлиан, например, притворялся в течение ряда лет после своего обращения к платонизму христианином - одиннадцать, по его счету - и историк Аммиан записал, что пока Юлиан был кесарем в Галлии, "он только показывал, что

---

[1] Febvre 1982; *contra:* Wootton 1983: особ. 3, 134; Zagorin 1990: особ. 289-330; Rahe 1994.
[2] Euseb. Vit. Const. 4.54 (пер. Av. Cameron и Hall 1999: 174); ср. 3.66 для «притворяющихся» еретиков, которые вернулись в Церковь

следует христианской религии” и даже ходил в церковь[1]. Позже в IV веке, когда насилие христиан обострилось, Либаний предостерегал Феодосия I в работе *“В защиту храмов”*, что те обращения в христианство “есть мнимые, не реальные. Обращенные не изменились действительно, они только говорят, что это так”. Он продолжает объяснять, как они “разыгрывали” власти (τούτους πεφενακίσθαι)[2].

Многочисленны случаи арестов в VI веке. Юстиниан сам ссылается в одном из своих эдиктов на тех, кто притворяется христианином для занятия имперского ранга[3], и гонения, которые он проводил, подтверждают его подозрения. Прокопий дает много примеров религиозного притворства в *“Тайной истории”* - где он, кажется, защищает его как политику - и другие тексты открывают, насколько много[4]. Политика или страх были не только стимулом: Амвросий жаловался, что некоторые притворяются христианами чтобы подцепить христианских девушек[5], и противоположное, возможно, также случалось. Фотий имел основания, и мы ошибемся, проигнорировав его предостережение. Возможно, он знал больше о религии в поздней античности, чем мы. Так, вместо высказывания, что Лид “формально придерживался христианской веры”[6], мы можем сказать, что он как минимум *публично исповедовал* ее в порядке исполнения закона.

Согласно историку Сократу (7.17), епископ Павел Новациан использовал чудо, чтобы показать обманчивость иудейской веры. Современный писатель не имеет такого средства. Свидетельства о Лиде возможно, не очевидно вдали от сомнений, но очень сильно стремятся указать, что он был нехристианин как минимум в значении своей веры, которая находит выражение в трех трактатах. Полное отсутствие противоположных доказательств дополняет это подозрение.

Во-первых, есть круги, которых Лид придерживался. Муж, который получил высокую похвалу в сочинении *“О магистратах”* - Фока, преторианский префект и также начальник Лида в 532 году (3.72-76). Лид хвалит его свободу, самоконтроль, сострадание, ученость, благочестие. Фактически он употребляет религиозные термины более густо здесь, чем где-либо еще, приписывая правление Фоки божественному провидению. Справедливо, что Фока был язычник, который попал под подозрение как минимум в двух случаях и в конце совершил самоубийство при антиязыческих гонениях Юстиниана 545–546 гг. Лид даже еще хвастается, что Фока “любил меня больше, чем других” (3.73). Маас спра-

---

[1] Julian Ep. 47 (434d) К александрийцам (пер. Wright); Amm.M arc.2 1.2.
[2] Lib. Or. 30.28-29 (пер. Norman 1977: 124-126).
[3] CJ 1.5.18.5 (пер. Krueger 1895).
[4] По Прокопию и другим, см. Kaldellis 1999: 238-241.
[5] По этой и другим жалобам, см. Ando 1996: 201-205. Еще не каждая жалоба может быть рассмотрена как случай нехристианского притворства. Например, автор «Жизни Порфирия» говорит, что «многие, кто занимал имперский пост, только притворялись, что были христианами» (51), но это может значить, что они были не настолько «жгучими» для веры, насколько был Кинегий, который согласился преследовать язычников (Gre΄goire and Kugener 1930).
[6] Maas 1992: 30.

ведливо заключает что Лид "выбрал ассоциацию себя в своей книге с мужем, который пал от гонений власти и умер в подозрительнейшей и позорной форме", которая "разоблачала политическую установку в несогласии с политикой Юстиниана"[1]. Это беспристрастно, но полагается умеренно.

Это ценная идея, что Лид, который должен бы знать, что Фока был язычником, идет своим путем, представляя его поднятие в должности преторианского префекта как работу провидения - хотя без специфичного божества, - и восхваляя благочестие. Он даже записывает, что Фока одаривал христианские филантропические институты и пожертвовал на постройку Святой Софии, которая началась в течение его префектуры. Это хорошие примеры разновидностей вещей, которые язычники в высоком ранге должны были делать со времен Константина. Также много людей обозначались как христиане, на основе этого рода доказательств строятся исследования о религиозных изменениях среди аристократии и стандартные просопографии. Но одаривание церквей и поддержка филантропических проектов имеет малое значение как доказательство религиозной *веры* в обществах с официальной религией, это правда и за пределами христианской империи поздней античности. Историк XI века Михаил Атталит осмеивал монахов своего времени, но, тем не менее, он основал монастырское учреждение по экономическим и семейным мотивам[2]. В начале IX в. Осман Али паша Иоаннид притворялся обращенным в христианство, чтобы добиться поддержки греков, и даже строил церкви[3]. Я сам знаю греков, которые являются атеистами или презирают церковь, но, тем не менее, строят или одаривают церкви, из политических или семейных соображений, или добавляют молельни к своим домам в порядке требования юридических привилегий. Эти проблемы конечно поднимают вопросы о том, что это значит, быть христианином и ортодоксом: социальная идентичность может противоречить теологическим верованиям, но они не менее важны из-за этих доводов. Я сам иногда совершенно терялся, давая честный ответ, когда я задавал себе вопрос, следую ли я Греческой Православной Церкви, - так как намного больше вещей, чем только теологическая вера попадают под эту категорию, (включая культурную и национальную идентичность). Но в случае Лида, вера это все, что мы можем принять за пределами того, что мы можем заключить об обрядовой практике из законов его времени, и моя цель здесь идентифицировать религиозную принадлежность его работ, насколько характерной она может быть. Кроме того, теологические взгляды важного интеллектуала в эпоху таких культурных и теологических изменений обладают внутренним интересом сами по себе. Возвращаясь к эпохе Юстиниана,

---

[1] По хорошей дискуссии о Фоке, см. Maas 1992: 78-82. Ср. PLRE 2.881-882. Caimi (1984: 263-266) исследовал, действительно ли кумир Лида был язычником-самоубийцей, но не имеет доводов и позже изменил свое мнение (1988: 214, n. 4); Ср. также Maas 1986: 223.

[2] По монахам см. Michael Attaleiates, History 61 (пер. Polemis 1997: 120-123); по основаниям учреждений, см. Lemerle 1977: 65-112.

[3] Fleming 1999: 66-69.

то, что язычник Фока мог быть первым назначенным распоряжаться конструкцией Святой Софии – ирония, которую искусство историков не записало как сарказм Аристофана, с которым Прокопий хвалит здания в его сочинении *"О постройках"*[1].

Другой муж, кого Лид хвалит, и кто имел еще большее влияние на него, чем он допускает первоначально, - это Агапий, платоник и студент великого Прокла. В автобиографической части *"О магистратах"* Лид говорит, что учился Платону и Аристотелю под его началом в 511 г. Он знает и хвастается связью своего учителя с Проклом (3.26). Агапий был также студентом под началом ученика и биографа Прокла Марина. Хотя они могли иметь христианских студентов - и что Агапий, который учил в Константинополе, конечно, делал - Прокл и его студенты составляли сердце философского сопротивления христианству. Агапий был арестован властями при Зеноне, и особенно восхищал Дамаския, также студента Марина и главы Академии Платона в Афинах, когда Юстиниан принял меры против нее в 529 г.[2] Он не смог бы найти больших антихристианских кругов, чем там.

Марин сообщает в своей биографии Прокла, что великий муж покинул Афины из-за времени "тифонических" атак - одно из кодовых слов, которыми платоники обозначали христиан. И все же, Афины были центром антихристианской мысли, и Прокл - наиболее ярким представителем. Марин говорит нам, что его учитель отправился в Лидию практиковаться в доктрине пифагорейцев "проживи незаметно". Это было около 450 г.[3] Это значит, что одно место, где он остановился, был родной город Лида Филадельфия, потому что позже он записывает "с гордостью провинциала" в своем трактате *"О месяцах"* (4.58), что "последователи Прокла называют город "маленькие Афины", из-за великой любви, что здесь наполняет к Афинам" и также из-за религиозных фестивалей и языческих храмов[4]. Знал ли он этот факт как филадельфиец или как платоник? Что это могло бы быть, в другом месте в том же трактате он записывает в дискуссии о римском боге Янусе, что "даже в моей родной Филадельфии след древности (ἔτι καί νῦν ἴχνος τῆς ἀρχαιότητος) дожил до этих дней", поскольку двуликая бога статуя до сих пор используется в процессиях (4.2). Этот отрывок дает больше, чем просто бросает свет на религиозную обстановку в которой он вырос. Важно отметить, что ссылки Лида на "античности" здесь идут в ходе

---

[1] Ср. Prokop. Aed. 1.1.61 с Ar. Nub. 225-228. По новому исследованию о Прокопии, см. Kaldellis 2004.

[2] См. Dam. Isid. = The Philosophical History fr. 107 (изд. и пер. Athanassiadi 1999: 257 и . n. 278, чье распознавание я принимаю, *pace* Saffrey и Segonds 2001: xxii-xxiii, n. 3). There is considerable uncertainty surrounding the "dosing of the Academy" by Justinian: for what may have happened in 529 and 532, see Al. Cameron 1969: 14-30; Hallstrom 1994: 141-160. О Дамаскии как лидереэтой группы см. Agathias H ist. 2 .30-31 (ed. Keydell1 967: 80-82).

[3] Marinos Proklos или On Happiness 15 (изд.. Saffrey и Segonds 2001: 18); по кодовым словам, см. Saffrey 1975. Для дат и контекста, см. Siorvanes 1996: 22.

[4] Гордость: Caimi 1984: 8; ср. Maas 1992: 30-31: "нежно".

дискуссии о религиозном ритуале, вследствие того, что античность имела для него нормативную ценность. Антиквarианизм Лида не просто академический, но показывает осознанное усилие сохранить вещи, находящиеся под угрозой от христианской империи Юстиниана. Например, в сочинении *"О магистратах"* 3.11 он употребляет очень похожий язык горевания о "затухании большинства, возможно, всех, следов разумной древности" (τῶν ἰχνῶν ἀπαλιφέντων τῆς ἔμφρονος παλαιότητος), обвиняя в следующей главе Daimon.

Сочинение Лида *"О месяцах"* обнаруживает, что Агапий имел глубокое влияние на Лида. Платон и Аристотель - наиболее цитируемые авторы. Различные досократовские философы также приводятся, как и большинство платоников-мыслителей поздней античности, и больше всех Прокл, но также Плотин, Порфирий, Явмлих, Аммоний и Сириан. Лид даже цитирует одно из писем императора Юлиана, и Маас подозревает, что он брал идеи от Дамаския и его ученика Симпликия[1]. Только один христианский автор среди 160 источников перечисленных в индексе издания Вюнша - Ориген, кого Юстиниан осудил как еретика. Так даже интеллектуальный мир Лида строго языческий. Он никогда не дает самых незначительных намеков, что заинтересован в христианской теологии, хотя он был, без сомнения, осведомлен о ней. Какие "возвышенные мысли" он ни притязает иметь в *"О магистратах"* 3.29, ссылаясь на свой учительский пост в университете столицы, они вероятно, целиком производное от его интереса в платонической идее. Даже в этом трактате политические доводы поддерживаются аристотелевской онтологией, хотя всегда в контексте неоплатонической космологии[2].

По другой важной философской проблеме Лид занимает позицию, которая не может легко примириться с традиционной христианской верой. Следуя основному потоку эллинской мысли, особенно форме, которую она принимала в попытках многих философов определить и прояснить учение Платонова *"Тимея"*, Лид верил что "аморфная материя" предшествовала Творению и была поддерживаема Богом (или "Демиургом"), чтобы придать форму миру. Отсюда материя сама не была создана из ничего (*ex nihilo*), как практически все христиане верили[3]. В обсуждении этого вопроса важно отличать его от другого - о вечности мира, который обсуждался между и иногда вместе языческим и христианским лагерями, хотя две проблемы были очевидно связаны[4]. Относительно рассматриваемого вопроса, с одной стороны, главные течения христианской мысли

---

[1] См. Maas 1992: 97-104, passim, по хорошему обсуждению о Лиде и философах.
[2] Mag. 2.23, 30; ср. Maas 1992: 88-89, 97-99, предполагающее что эти философские выражения изображали сознательный отказ от традиционного языка панегирической реставрации.
[3] Mag. 3.71; ср. 2.23 и Mens. 3.1, 3.8.
[4] См. Sorabji 1983: 196; также Westerink 1962: xvii-xxiii. Споры о вечности мира не все были языческо-христианской полемикой. Lang и Macro (2001: 1-16) показывают, что Проклово сочинение «О вечности мира» было нацелено на других нехристианских мыслителей.

отражены в работах Августина и александрийского мыслителя Иоанна Филопона, современника Лида, которые оба защищали творение из ничего. Платоники, с другой стороны, допускали, что Бог не нуждается в пресуществующей материи в порядке создания мироздание, но недвумысленно отрицали, часто в атаках на христианские понятия, что что-нибудь создано из ничего[1].

В оставшихся фрагментах *"О месяцах"* Лид не показывает каких-либо признаков смущения или защитного поведения, цитируя Платона и платоников, так, как будто они излагали известную доктрину. Он случайно называет Демиурга Платона "Бог"[2]. Все рассматриваемые вещи дают всевозможные доводы полагать, что мы делаем вместе с автором, что он принадлежит, как минимум, по его собственному мнению, к тем платоническим кругам VI века, которые отвергают христианство. Допустив, что "неоплатонизм сам по себе не монолитен, но содержит много вариаций, включая взгляды, которые противоречат один другому"[3], я тем не менее сомневаюсь, что дальнейшее исследование будет способно уточнить лояльность Лида с большей определенностью, даваемой эклектичным выбором источников и фрагментарным выживанием его работы. Что важно касательно его религии - это его предпочтение нехристианских учителей и учений.

Конечно, трудно знать, когда Лид пишет как ученый и цитирует различные взгляды ради скрупулезности, и когда он пишет как толкователь, дающий свои собственные взгляды. Мы должны предполагать первое в достаточной степени, потому что он часто дает противоречащие объяснения этимологии для религиозных слов, практик, и традиций. Но он уже *никогда* не позволяет христианскому отношению или доктрине вступать в его работу, даже когда он, обсуждает верования, что христиане не могли принять. Это положение - серьезная проблема для тех, кто верит, что он писал для христианской аудитории, так как тогда они должны доказывать что *"О месяцах"* не отражает каких-либо авторских верований, только как будто это было настольной книгой по древнеримской религии, написанной современным ученым, который мог быть христианином по его или ее личным убеждениям. Лид не дает указания, что его работа может быть взята в таком гипотетическом смысле, хотя она сохранилась в фрагментарной форме, и некоторые заявления, возможно, в предисловии, должны приводить Фотия к вере, что Лид может почитать христианскую веру. Но проблема остается: когда Лид говорит в *"О месяцах"* 4.45, что согласно египтянам Исида есть податель здоровье так же, как "мы" говорим подобно об Асклепии, кто эти "мы"? Есть ли мы эллины или как Маас бы аргументировал, есть ли мы постэллинские христиане, которые наслаждаются выгодами классического образования? Уже по моим знаниям, нет христианского автора первых шести веков, кто писал бы в таком нейтральном ключе: все делали уверенное разоблачение

---

[1] По ссылкам и дискуссиям, см. Sorabji 1983: 248-249, 268, 313-314.
[2] Например, Mens. 1.17.
[3] Lang и Macro 2001: 12.

своего теологического положения по отношению к языческим богам и культам, которые они обсуждали. Все из них бы сказали: “как эллины (ошибочно) говорят об Асклепии”.

Но проблема даже более сложная, так как неявно, что Лид помещает себя среди эллинов здесь. И в работе может различаться более глубокая идентичность. Хотя текст кратко изложен и, возможно, испорчен, верования, которые атрибутируются к “нам” кажутся принадлежащими сфере философской экзегезы скорее, чем доступной веры, как цитата работы Плутарха *“Об Исиде и Осирисе”* в конце указывает. “Мы” может быть отнесено к философам скорее, чем только к грекам. Это согласно с обычаем Лида: в качестве эллинов он всегда подразумевает приблизительно тех же, как делают современные ученые, то есть, людей с их собственной историей и религиозными традициями, наравне с египтянами, фракийцами, иудеями, и т.д. Другими словами он не употребляет “эллины” как делали его современники-христиане, чтобы обозначить “язычники”.

Эта интерпретация подкреплена выжившими фрагментами *“О месяцах”* 4.159-160, исследованием о природе материи, элементах, и аллегорическим толкованием греческих мифов. Лид цитирует некоторые верование “греков” относительно бога Диониса, но тогда говорит, что те верования недостаточные, так как кто-либо объясняющий их не знает, что философия говорит о богах. Лид, по этой причине не принимает христианское определение “эллинов”, отделяет мифографов и поэтов от философов и, несомненно, помещает себя на сторону последних. Это обнаружение ментальности стоит в конфликте с его христианскими современниками и вполне мелодично с его неоплатоническими воспитателями.

Какая бы точная пропорция платонического толкования и антикварного изыскания ни была, Лид делает такое число положений, которое не может быть легко приписано христианину - такие как его включение, что материя не была создана из ничего, - и иногда делает их в связи с темой, близкой к его сердцу. Например, он поддерживает оракул, данный Ромулу и цитируемый позднереспубликанским *понтификом* Фонтеем Капитом, согласно которому Фортуна покинет римлян, когда они будут забывать свой родной язык. Он занимает оборонительную позицию, цитируя его в “О магистратах” (2.12, 3.42), но до сих пор ручается за его правду, связывая его с недавним оставлением латинского как официального языка штата префектуры претория. То была тема, по которой Лид имел стойкие взгляды, и это впечатляюще, что он мог поддерживать их оракулом, данным Ромулу и записанным римским священником. Он цитирует тот же оракул снова в *“О месяцах”* (фр. 7)[1].

Лид утверждает даже более ошеломляющий оракул в *“О месяцах”* 4.145. Там он цитирует пророчество Сивиллы о том, что римляне будут сохранять свое господство так долго, как они будут продолжать заботиться об *amalgata*, священных статуях их города. Лид тогда говорит своим собственном голосом, что

[1] По Фонтею, см. Weinstock 1950: 44-49.

это действительно произошло, из-за того, что когда Авит правил (в 455-456 гг.), он осмелился переплавить их, и так имперская власть ушла из Италии. Важно отметить, что Лид утверждает истинность этого оракула и не просто цитирует его из ученой любознательности. Его позиция близка позиции Зосима, который около 500 г. написал историю поздней Римской империи, доказывая, что ее упадок был соответствующим пренебрежению языческих культов христианскими императорами. Это точно соответствовало взгляду, который Августин, написав его в своем *"Граде Божием против язычников"*, опровергает. Связь с Зосимом будет рассматриваться далее ниже.

В *"О месяцах"* 4.47 Лид воспроизводит список десяти Сивиллиных оракулов, составленный его любимым авторитетом Варроном[1]. Лид дополняет Варрона информацией, найденной в поздних источниках, которые отождествляли первую Сивиллу, персидскую, которая предсказала войны Александра Великого, с еврейским Самбезе, предположительно, потомком Ноя. В частности, пролог к коллекции Сивиллиных предсказаний, написанный христианами около 500 г. точно соответствует тексту Лида здесь. Этот автор также имел список Варрона, хотя только через вторые руки, через Лактанция, которого он цитирует[2]. Так Лид случайно встречает одинаковую информацию дважды. Еще он также датирует некоторые из Сивилл эпохой Судий, которую анонимный пролог не делает, и поэтому вероятно Лид имел дополнительные источники. Также далеко от источников, известных нам, он старается объяснить, почему Сивиллины оракулы так неясны. Любой из "скорописцев" кто их записывал, не был достаточно быстр или они не отвечали требованием подготовки в филологии. В любом случае, Лид постулирует, что это произошло из-за божественного "провидения", то есть, разумного управление материей, с тех пор как Бог не захотел многие и презренные знать оракулы. Интересно, что его объяснение по неясности Сивиллиных предположений дано в терминах, употребляемых многими христианами, чтобы объяснять Божественный план для человеческого спасения[3]. Поэтому, было ли оно его собственным или базировалось на других источниках, это доказательство было написано тем, кто полностью верит, что Сивилла была божественно вдохновленной.

Здесь есть запись, в которой Лид делает свои собственные ссылки на Христа. После перечисления девяти других Сивилл он возвращается к первой иудейской и записывает, что он нашел на Кипре копию ее книги, которая предсказывала что Бог бы воскрес как мудрый муж, который написал о войне героев и восхвалил отважнейших среди них. Лид взял, что это была очевидная ссылка

---

[1] Мнение Варрона (из «Божественных древностей») было также воспроизведено в Lactant. Div. Inst. 1.6. По знаниям Лида из первых рук и заботливому использованию Варрона, см. Flintoff 1976: 365-377.

[2] Текст в Geffcken 1902: 1-5; пер. и обсуждение J..J. Collins в Charlesworth 1983: 1.327-329; по Сибиллам, см. 317-324.

[3] По краткому изложению значения oikonomia, см. A. Papadakis в ODB 1516-1517.

на Гомера. Книга также предсказала пришествие Христа и события, которые бы случились впоследствии в конце мира: Антиохия была бы разрушена войной и Кипр был бы затоплен под волнами. Линия, которую Лид цитирует для Антиохии и Кипра, выживает в *“Сивиллиных оракулах”* 4.140-144, которые, кажется, были иудейским дополнением ранней эллинистической работы[1]. В сохранившихся оракулах не упоминается что-либо о воскресении Гомера или какой-либо языческой фигуры в Аду[2]. Лид также цитирует стих о Кресте, взятый из *“Сивиллиных Оракулов”* 6.26, который действительно не оракул совсем, но гимн Христу, написанный перед 300 годом н.э., который каким-то образом найден этим путем в Сивиллиных текстах[3]. Лид приписывает все эти предсказания книге, которую он нашел на Кипре, и говорит, что они были сделаны две тысячи лет назад до Христа.

Неясно, что нам следует делать с этой частью *“О месяцах”*, которая, возможно, не сохранилась в своей оригинальной форме, делая Лида таким же трудным для интерпретации, как Сивиллы. Возможно, византийская эпитома пропустила пророчества, записанные Лидом к другим Сивиллам, оставив только те, которые относились к Христу и концу мира. Нелегко сказать, верил ли Лид этим пророчествам, и даже если он делал так, это бы не было свидетельством чистоты его веры. Спасение Гомера и Бог, который делает предсказания о войне Трои и Александра Великого через языческую Сивиллу не точно соответствует Никейскому Собору. И мы должны всегда подозревать сокрытие у Лида части, так как он также верит, что языческие Сивиллы были истинными, как засвидетельствованные его верой, что западная империя пала, когда римляне прекратили почитание статуй богов[4].

Также любопытно, если верить что Лид был христианин, что он никогда не использует ортодоксальных источников, когда обсуждает Ветхий Завет. Он в 4.47 *“О месяцах”* цитирует Филона о Моисее и еврейском языке, и мнения, которые он цитирует относительно природы иудейского Бога в 4.53, есть тех из “египтян”, “греков”, к тому же (среди других) Варрона, Ливия, Юлиана (языческий император!), Оригена (еретик), Порфирия, и многих других неоплатоников. Нет веяния, что авторитетные Отцы Церкви сказали.

Подобно многим неоплатоникам Лид верит в оракулы. В дополнение, его работа *“О небесных знамениях”*, которая начинается объяснением событий с малым количеством или без ссылок на божественное провидение, показывает, что он верил также в астрологию. Фотий признается, со своей стороны он не

---

[1] Текст в Geffcken 1902: 99; пер. J.J. Collins в Charlesworth 1983: 381-389. Антиохийские стихи одни были использованы позже (возможно, иудейским) автором Sibylline Oracle 1 3.12-126, относясь к событиям III в. н.э. (ibid. 453-458).

[2] Ср. Trumbower 2001: 52, 94-95. Интеллектуал XI в. Иоанн Мавропод молился Христу от лица Платона и Плутарха: Epigram 43 (de Lagarde 1882: 24).

[3] Текст в Geffcken 1992: 132; пер. J.J. Collins в Charlesworth 1983: 406-407.

[4] Mens. 4.145; ср. также 4.8.

может указать разницу между этой работой и чистым "мифом". Автор *"Тактики"* император Лев VI достиг одинакового заключения в X веке, отвергая работу как очень бледную по отношению к Церкви[1]. Возможно, он также "не понимал" культурный фон VI века. Но даже Маас соглашается, что "астрологическое объяснение Вселенной" работы – "языческого происхождения"[2].

В дополнение, комментарии Лида об определенных героях и исторических личностях ни в чем не соответствуют традиции христианского дискурса. Эней, о ком он говорит в первой главе *"О магистратах"*, - "старейший и наиболее почитаемый из всех мужей", был "тот, в кого верили, что он был сыном кого-то большего, чем человек за счет красоты и мощи его души и тела". Он не показывает теологический дух против этой веры, отражая скорее героические ценности Гомера, чем Нового Завета. Брут, о ком Лид сообщает позже без какого-либо признака скепсиса или научной отчужденности, искал совета бога в Афинах о том, как изгнать римских царей, и *daimonion* объяснил ему точно, что он должен делать[3]. Высокопоразительное также мнение в сочинении *"О месяцах"* о войне императора Юлиана против Персии. Лид не искажает факта, что Юлиан был обманут (и порицает его вслед за неупоминаемым им Геродотом, который рассказывает подобную историю о самопокалечившемся двойном агенте), но тем не менее отмечает, что император сражался храбро перед кончиной (4.118 *arista*).

Взгляд Лида на недавнюю имперскую власть также показывает некоторую близость с Зосимом, другим бюрократом в столице и автором антихристианской истории римского имперского правления. Два мужа могут даже знать друг друга, так как датировка Зосима не известна надежно: его "История" в общем, определена второй половиной царствования Анастасия, и поэтому ничто не устраняет возможность, что он был до сих пор жив в течение, говорю, восстания "Ника"[4]. Оба мужа республиканцы, поэтому они стремятся дать обзор монархии, и особенно римской имперской власти как потенциальной тирании[5]. Но Зосим также критикует христианство из-за падения Рима и обвиняет Константина, в частности, в отмене ритуалов, которые обеспечивали божественную благосклонность, и убийстве своего сына и жены. За эту позицию он был атако-

---

[1] Leo VI, Taktika, epilogue 67 (Migne, PG 107, 1092). По мыслителям от царствования Льва, чьи разрушительное лицемерие стремилось заместить Православие эзотерической астрологией и философией, см. Magdalino 1997.

[2] Maas 1992: 107-108: "Он не настаивал на нравственной правде. В его схеме причинно-следственных отношений активны безличностные силыI". Ср. также Carney 1971: pt. 2, 10-11.

[3] Mag. 1.31. По использованию Агафием, предположительно христианином, истории об Артемиде, чтобы доказать свой экзотерических тезис о божественной справедливости, см. The Histories 2.10.3; по его философским взглядам, см. Kaldellis 1999.

[4] По всестороннему обзору, см. Paschoud 2000: vii-xx.

[5] Zos. 1.5, Paschoud 1975. По изучению политических убеждений Лида, см. Kaldellis будущее.

ван в конце VI в. церковным историком Евагрием как “проклятый и нечистый эллин”[1]. В то же время Лид, конечно, не занимается религиозной полемикой в этом виде, хотя признаки этого могут быть видны в его согласии с оракулом, который предрекает, что Рим падет, когда римляне перестанут платить уважением статуям своих богов. Также еще много вещей, которые он говорит о Константине, берут начало у Зосима или как минимум в очень сходной традиции. Оба автора указывают, что император демилитаризовал фронтир на Балканах, позволяя варварам свободно грабить земли, и значительно повысил налоги - что Лид в другом месте дает как уверенный признак тираннии[2]. Оба, он и Зосим, заинтересованы в истории римских должностей и истоках языческого культа. Возможно, главное идеологическое различие между ними, именно отсутствие явной религиозной полемики у Лида, может быть объяснено изменением обстановки под властью Юстиниана и возможностью, что Лид надеялся на широкую и более привлекательную публику для своей работы, чем партизанская полемика Зосима, постоянно укрывавшаяся бы в христианской империи.

Маас описывает связь между Зосимом и Лидом и признает, что позже “в конце стоит, постепенно ослабевая, языческая полемика против христианства… Мы слышим в его политических выражениях эхо разгневанной традиции” (49)[3]. Большее эхо может, возможно, быть перекрытым. Лид разделяет с Прокопием антипатию ко всем “нововведениям”. Это, возможно, единственная наиболее важная атака, направленная против Юстиниана в *“Тайной истории”*, и в *“О магистратах”*. Лид связывает нововведения с тираннией в его дискуссии об императоре Домициане: “он был тщеславный и любил нововведения, так как это есть характеристика тиранов переворачивающих древностью установленные обычаи”[4]. В *“О месяцах”* Лид утверждает, что Феодосий II “ввел новшество” когда вычеркнул Олимпиады из системы датировок (хотя точно неясно, к какому событию это относится)[5]. Его заинтересованность в сохранении древних обычаев также отражается в его гордости, что двуликая статуя Януса была до сих пор используема в процессиях в его родной Филадельфии: “след древности дожил до этого дня”[6]. И в своем обсуждении Домициана он пишет, что один из сановников того императора убрал традиционные инсигнии префекта, включая пострижение винограда в честь бога Диониса, “который некогда был почитаемым”; к сожалению, обсуждение этих событий в *“О месяцах”* утеряно[7]. Но ясно,

---

[1] Zos. 2.29-38; Evagrios HE 3.40-41 (Whitby 2000: 186-192).

[2] Mag. 2.10, повторяет дословно в 3.31, 3.33, 3.40 (это повторение взято как признак незаконченного состояния работы), тиранния: 1.4 (в связи с Диоклетианом); ср. 3.47, хвала Анастасию за снижение налогов.

[3] Maas 1992: 86-87 по Константину; ср. 48-52 по Зосиму.

[4] Prokop. Anec. 6.21, 8.26, 11.2, 13.33, 21.24, 26.11, и passim; Mag. 2.19; по нововведениям Домициана, ср. также 1.49; по тираннии, ср. определение в 1.3.

[5] Mens. 4.103, не исследовано Grumel (1958: 191-192, 211-212).

[6] Mens. 4.2.

[7] Mag. 2.19 (сейчас считается как Mens. 1.40).

что Лид реагировал негативно на отмену или изменение какого-либо религиозного обычая. Поэтому распространение его работы было мотивировано заинтересованностью кругов, подобных кругу Прокла и Зосима, которые оба были очень консервативные, когда новшество входило в традиционные церемонии. Лид знал, что античность, которую он поддерживал, вызывала возражения многих христиан, относительно чего он дает пример, когда отмечает, что Церковь отвернула людей прочь от фестиваля Брумалий, хотя даже их языческий характер был уже полностью подавлен[1]. Многозначительно, что это только один раз, когда он упоминает Церковь как институт, - также, как существенно, что он упоминает Христа только в дискуссии о Сивиллиных оракулах.

В восточной империи философская альтернатива христианству продолжала достаточно процветать в VI веке. Прокл и его студенты определили форму платонической традиции в течение следующих 1300 лет, через Пселла, Плифона, Виссариона и Фичино. В ранней части своей жизни, как минимум, Лид мог найти широкий круг людей, которые оставались лояльными более старым традициям, включая Агапия, Зосима, Дамаския и его студентов, и префекта Фоку. Там были без сомнения другие неизвестные нам, мишени Юстинианова закона против притворного христианства. Наиболее образованные люди эпохи, включая юриста Трибониана и историка Прокопия, подозревались в принадлежности этим группам, и сейчас их следует классифицировать как нехристиан[2]. Подобным образом также являлись историки Агафий из Мирины, Гесихий из Милета родившиеся в 520-530-х. языческая интеллигенция была в империи VI века, и многое из этого брало начало или сохранялось в традиционных центрах греческой философии, Афинах и на западном побережье Малой Азии. Эти люди были очень восприимчивы к идеям Лида. Они были не обязательно враждебны христианству, хотя Юстинианово царствование террора, вероятно, заставляло замолчать их на этот счет. До сих пор, всегда были способы распространить их влияние, как Прокопий открывал в *“Тайной истории”*, как император допускал к своей досаде в своих собственных законах, и как Фотий открывал позже, когда он старался расшифровать религию Лида.

Новое познание правильно протестует против изображения такого сильного контраста между язычниками и христианами в поздней античности. В некоторых случаях эти две идеи слишком неопределенные и широкие, чтобы допускать строгую идентификацию, даже если говорить, что они “не взаимно исключающие”, как делает Маас, идущий гораздо далее[3]. Принимая во внимание, что был определенный уровень преемственности в религиозной практике и вере в поздней античности, невзирая на специфичные секты, которые владели люд-

---

[1] Mens. 4.158; ср. обсуждение у Maas 1992: 64-65.

[2] Они будут изучены в отдельном исследовании (см. Kaldellis 2004). По Tribonianos, см. интересные открытия Lanata (1984 и 1989).

[3] Maas 1992: 4.

ской лояльностью[1]. Но если мы не принимаем, что Юстиниан, Дамаский, Симпликий, Зосим и Фока рассматривали христианство и философский эллинизм как взаимно несовместимые, мы не можем начать понимать значение их действий. Их выбор значит *что-то* для них, особенно для платоников[2]. Почему, иначе, они тогда не обратились, когда было так много стимулов делать это, как позитивных, так и негативных (и особенно негативных)?

Тяжесть доказательств лежит целиком на тех, кто утверждает, что Лид верил в Христа, и данные доказательства кажутся маловероятными, так как они могут быть легко отброшены. Говорить вместе с Маасом, что он был "христианин с двусмысленными связями с христианством" действительно двумысленно, особенно когда тот же ученый говорит что "мы знаем мало о верованиях отдельных лиц, которые тайно исповедовали культ в Константинополе"[3]. Астрология *"О небесных знамениях"* нашла бы читателей в каком-нибудь веке, христиан и каких-либо других[4], но присутствие в Юстиниановом Константинополе таких христиан в качестве заинтересованных в материале, который Лид предлагает в *"О месяцах"*, было уже продемонстрировано. Такие группы бы точно не включали людей подобных Роману Сладкопевцу, Косьме Индикоплову, или дьякону Агапиту, каждый из которых своим собственным способом представлял христианскую империю. Мы знаем мало о префекте Габриеле, кому Лид посвятил работу, не говоря о том, что он сочинял двулинейную поэму об Эросе[5]. Мы не знаем ничего о религиозных верованиях огромного большинства жителей Константинополя, и, кажется, что даже те, кто имеет написанными трактаты, классифицируются неправильно. Именно в это время официальная культура империи начала отменять классические парадигмы и принимать чудотворные образы[6]. Но мы до сих пор не можем даже догадаться, как много интеллектуалов приняло бы тайное языческое традиционное знание, что приводило в восторг Лида и его друзей.

Мне бы хотелось закончить обращением внимания на второстепенный комментарий, который Лид делает в *"О магистратах"*, который, может быть, кажется сперва не имеющим значения, но который может потенциально определить его отношение к религии более сильно, чем какое-либо прямое положение его по предмету - если только мы имеем правильное средство, чтобы расшифровать его точное культурное значение. Страх неизбежного вторжения в Италию Александра Великого заставлял римлян выбирать военачальников и трибунов и назначать авгуров и понтификов. Позже Лид со вниманием комментирует: "для

---

[1] van Uytfanghe 1993, цитирующий предшествующую библиографию.
[2] Ср. Ando 2001: 373, по латинским антикварам.
[3] Maas 1992: 72.
[4] См. Wachsmuth 1897: xxxix-xlii.
[5] PLRE 3.498; ср. Anth. Pal. 16.208.
[6] См. Av. Cameron 1981. По реакции современников против такого развития, см. Kaldellis 2003.

тех, кто обращается к молитвам во время войны, явно ожидается поражение" (1.38). Этот хитрый комментарий походит на безрелигиозный, но в некотором случае это целиком противоречит надежде, выраженной Юстинианом во многих его эдиктах, что молитвы могут принести победу. Ни один, кто делает такой комментарий, не может принадлежать миру позднеантичной "духовности", которая пленяет многих ученых. Это принимает циничный взгляд о молитвах и насмешки над их государство-поддерживаемыми вариациями.

Это может быть точка, в которой христиане и некоторые философы частично сходятся. Континуум может быть не полным, и это позиция, которую принимают во внимание, но не доктрина. Высшая важность молитв для военной победы заявляется в каждой христианской дискуссии на предмет, известный мне[1]. Но сравним у Плотина: "это бы не было правильно для бога сражаться персонально из-за нерасположения к войне; закон говорит, что те, кто сражаются храбро, не те, кто молится, приносят спасение от войны; так же как аналогично, это не те, кто молится, но те, кто заботится о своей земле, получают жатву"[2].

Более раннее учение бы назвало это доводом. Сегодня мы нуждаемся в формулировке для этого. Общее чувство возможно? Это есть проблема Вигилянция еще раз. Как мы объединим эти позиции с оракулами, знамениями, астрологией и платонической метафизикой? За этим, кажется, и находится религия Иоанна Лида[3].

Библиография:

Ando, C. 1996. "Pagan Apologetics and Christian Intolerance in the Ages of Themistius and Augustine,"Journal ofEarly Christian Studies 4: 171-207.

- 2001. 'The Palladium and the Pentateuch: Towards a Sacred Topography of the Later Roman Empire," Phoenix 55: 369-410.

Armstrong, A. H. ed. and tr. 1967. Plotinus 3. Cambridge, MA.

Athanassiadi,P . ed. and tr. 1999. Damascius: The Philosophical History. Athens.

Bandy, A. C. ed. and tr. 1983. loannes Lydus: On Powers or The Magistracies of the Roman State. The American Philosophical Society. Philadelphia, PA.

Caimi, J. 1984. Burocraziae diritto nel De magistratibus di Giovanni Lido. Milan. - 1988.

- "Una citazione da Pomponio in Lido mag. I 48," Diritto e societa nel mondo Romano 1: 212-237.

---

[1] Источники у McCormick 1990: 237-252, к которым много больше может быть добавлено.

[2] Plotinos Enn. 3.2.8.36-39 (пер. Armstrong 1967: 3.71). Ср. P1. Leg. 709b-c; Epiktetos Discourses 2.16.13-14; Psellos Chronographia 6. 133.

[3] Я хочу поблагодарить John Fine, Chris Lillington-Martin, и пару анонимных читателей журнала, всех, чьи предложения и исправления улучшили эту статью.

Cameron, Al. 1969. 'The Last Days of the Academy at Athens," PCPS 195: 14-30.

Cameron, Av. 1981. "Images of Authority: Elites and Icons in Late Sixth-Century Byzantium," in M. Mullett and R. Scott (eds.), Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, AL. 204-234. - 1996.

- Procopius and the Sixth Century. London and New York.

Cameron, Av. and S. G. Hall (trs.). 1999. Eusebius: Life of Constantine. Oxford.

Carney, T. F. 1971. Bureaucracyin Traditional Society: Romano-Byzantine Bureaucracies View ed. from Within. Lawrence, KA.

Charlesworth, J.H. ed. 1983. The Old Testament Pseudepigrapha. New York.

Febvre, L. 1982. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais. Tr. B. Gottlieb. London and Cambridge, MA.

Fleming, K. E. 1999. The Muslim Bonaparte: Diplomacy and Orientalism in Ali Pasha's Greece. Princeton.

Flintoff, E. 1976. "Varroi n the Works of John of Lydia,"Atti del congresso internazionale di studi varroniani 2. Rieti. 365-377.

Geffcken, J. ed. 1902. Die Oracula Sibyllina. Leipzig.

Gregoire H., and M.-A. Kugener (eds. and trs.). 1930. Marc le Diacre: Vie de Porphyre eveque de Gaza. Paris.

Grumel, V. 1958. La chronologie. Paris (= P. Lemerle [ed.], Traite d'etudes byzantines1 [Paris 1958]).

Hallstrem, G. af. 1994. 'The Closing of the Neoplatonic School in A.D. 529: An Additional Aspect," in P. Castren (ed.), Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens A .D. 267-529. Helsinki. 141-160.

Henry, R. ed. and tr. 1960. Photius: Bibliotheque 2. Paris.

Kaldellis, A. 1999. 'The Historical and Religious Views of Agathias: A Reinterpretation," Byzantion 69: 206-252.

- 2003. 'Things Are Not What They Are: Agathias Mythistoricus and the Last Laugh of Classical Culture," CQ N.s. 53: 205-300.

- 2004. Procopius of Caesarea: Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia.

forthcoming. "Republican Theory and Political Dissidence in Ioannes Lydos," Byzantine and Modern Greek Studies.

Keydell, R. ed. 1967. Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque. Berlin.

Krueger, P. ed. 1895. Corpus iuris civilis 2. Berlin. de Lagarde,P . ed. 1882. lohannis Euchaitorum Metropolitae quae in Codice Vaticano Graeco 676 supersunt. Gottingen (reprint,A msterdam 1979).

Lanata, G. 1984. Legislazionee naturan elleN ovellegiustinianee. Naples.

- 1989. "L'immortalita artificiale. Appunti sul proemiod ella Novella 22 di Giustiniano," Serta Historica Antiqua 2. Rome. 259-263.

Lang, H. S. and A. D. Macro (eds. and trs.). 2001. Proclus: On the Eternity of the World (De Aeternitate Mundi). Berkeley and London.

Lemerle, P. 1977. Cinq etudes sur le xi siècle Byzantin. Paris.

Maas, M. 1986. "John Lydos," CR 36: 221-223.

- 1992. John Lydus and the Roman Past: Antiquarianisma nd Politics in the Age of Justinian. London and New York.

MacCormack, S. G. 1981. Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley and London.

Magdalino, P. 1997. "In Search of the Byzantine Courtier: Leo Choirosphaktes and Constantine Manasses," in H. Maguire ed., Byzantine Court Culture from 829 to 1204. Washington, DC. 141-165.

McCormick, M. 1990. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge.

Norman, A. F. ed and tr. 1977. Libanius: Selected Works 2. London and Cambridge, M A. ODB = The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. A. P. Kazhdan. 3 vols. New York and Oxford. 1991.

Paschoud, F. 1975. "La digression antimonarchique de preambule de l'Histoire Nouvelle," in idem, Cinq etudes sur Zosime. Paris. 1-23.

- ed. and tr. 2000. Zosime: Histoire Nouvelle 1. Paris.

Polemis, I. D. ed. and tr. 1997. Michael Attaleiates: Historia. Athens.

Rahe, P. A. 1994. Republics Ancient and Modern 2: New Modes and Orders in Early Modern Political Thought. Chapel Hill, NC.

Saffrey, H. D. 1975. "Allusions antichretiennes chez Proclus, le diadoque platonicien," Revue des sciences philosophiques et theologiques59 : 553-563.

Saffrey,H . D. and A.-P. Segonds (eds. and trs.). 2001. Marinus: Proclus ou sur le bonheur. Paris.

Siorvanes, L. 1996. Proclus: Neo-Platonic Philosophy and Science. New Haven, CT and London.

Sorabji, R. 1983. Time, Creation and the Continuum: Theories in Antiquity and the Early Middle Ages. Ithaca, NY.

Stein, E. 1949. Histoire du Bas-Empire 2: De la disparition de l'empire d 'occident a la mort de Justinien (476-565). Paris (reprint, Amsterdam 1968).

Treadgold,W . 1984. "The Macedonian Renaissance", in idem (ed.), Renaissances Before the Renaissance: Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages. Palo Alto. 75-98.

Trumbower, J.A. 2001. Rescue for the Dead: The Posthumous Salvation of Non-Christians in Early Christianity. Oxford.

van Uytfanghe, M. 1993. "L'hagiographie: Un 'genre' chretien ou antique tardif?,"AnalBoll 111: 135-188.

Van Dam, R. 1985. Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley and London.

Wachsmuth, C. ed. 1897. loannis Laurentii Lydi Liber de ostentis. Leipzig.

Weinstock, S. 1950. "C. Fonteius Capito and the Libri Tagetici,"P SBR 18: 44-49.

Westerink, L. G. ed. and tr. 1962. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy. Amsterdam.

Whitby, M. tr. 2000. The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus. Li verpool.

Wilson, N. G. tr. 1994. Photius: The Bibliotheca. London.

Wootton, D. 1983. Paolo Sarpi: Between Renaissance and Enlightenment. Cambridge.

Wright W. C. ed. and tr. 1923. The Works of the Emperor Julian 3. London and Cambridge, MA.

Wuensch, R. ed. 1898. Ioannis Laurentii Lydi Liber de mensibus. Leipzig.

Zagorin, P. 1990. Ways of Lying: Dissimulation, Persecution, and Conformity in Early Modern Europe. Cambridge, MA.

СТАТЬИ[1]

Хронология и периодизация в произведении Иоанна Лида «О магистратах римского государства»

Тема данной работы связана с исследованием хронологической составляющей и рассмотрением периодизации в произведении Иоанна Лида «О магистратах римского государства».

Эта тематика недостаточно разработана в историографии, как и исследование указанного произведения Иоанна Лида в целом. В основном, оно изучается в контексте общих работ, посвященных администрации и бюрократии Римского государства, среди них из зарубежной историографии следует выделить статьи R. Scott, C. Trispanlis, J. Caimi и др., а также фундаментальную монографию C. Kelly “Rulling the Later Roman Empire”. Конкретно комплексное исследование творчества Иоанна Лида проведено лишь в одной монографии - M. Maas “John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian” - здесь дается наиболее глубокий анализ его произведения «О магистратах» и наиболее подробно характеризуется хронологическая составляющая этого трактата. Среди отечественных исследований комплексного характера по данной тематике можно выделить только работы З. Удальцовой. Из них наибольший интерес представляет статья «Из византийской хронографии VII в.», так как здесь затрагивается хронологический аспект сочинения «О магистратах».

Основным источником является трактат «О магистратах римского государства», в качестве дополнительных – нарративные сочинения его современников или близких по времени писателей Зосима, Прокопия Кесарийского, Иоанна Малалы. Основными методами являются: историко-системный, историко-сравнительный, метод анализа, метод аналогии.

Трактат Иоанна Лида «О магистратах римского государства» определяется учеными как историко-административное сочинение. Рассматривая данное сочинение, как историю административного устройства Римского государства, исследователи характеризуют его хронологию линейно, приближая данное произведение к жанру исторического нарратива, хронографии. И периодизацию дают очень обобщенно, выделяя три больших периода: царского периода и республики, империи, современного автору времени, - беря за основу временные рамки каждой из трех книг-частей данного произведения. Но это представляется недостаточным, так как характер этого сочинения не является однородным, его нельзя рассматривать как историю или хронографию наподобие современных Иоанну Лиду историй Зосима, Прокопия Кесарийского или хронографии Иоанна Малалы, которые строятся на четкой временной шкале. Проблематика данной темы связана с неоднородностью и неравномерностью вышеуказанного тракта-

[1] Все статьи опубликованы М.М. Синицей.

та, в результате чего хронология и периодизация представляются запутанными и неопределенными. Первая часть трактата разбита на главы, представляющие ряд не связанных между собой фрагментов, каждый из которых описывает зарождение и развитие определенного магистрата или инсигнии власти. Вторая часть посвящена наиболее важным магистратам эпохи империи, характеризуются их изменения в эпоху гражданских войн и первых цезарей, затем описываются реформы начиная со времен Константина Великого до современности. Третья часть посвящена самому главному по мнению автора магистрату – Префектуре Претория, дается ее комплексная характеристика с частыми экскурсами в прошлое.

В начале трактата автором дается периодизация, в основу которой положен принцип изменения государственного устройства Римского государства и связанное с этим изменение значения и функций различных магистратов: первый период – отсутствие суверенного государственного образования; второй период – формирование римского государства, основанного на монархической форме власти; третий период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят консулы (республика); четвертый период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят цезари (принципат); пятый период – во главе римского государства стоят императоры, тип государственной власти, современный автору (переход от принципата к доминату и неограниченной монархии). Всю римскую историю Иоанн Лид делит на следующие периоды:

1) от прибытия в Италию Энея до основания Города – 439 лет по Катону Старшему и Варрону, 417 лет по Кастору, Африкану и Памфилу
2) от основания Города до изгнания царей – 243 года
3) от консулов до первого Цезаря – 465 лет, 466 лет по другим источникам
4) от Цезаря до Константина – 375 лет
5) от Константина до смерти Анастасия – 224 года и 7 месяцев, внутри выделяется подпериод: от основания Константинополя – 215 лет и 7 месяцев.

Всего получается 1746 лет и 7 месяцев: 1746+7/12=439+243+375+224+7/12 - в этих хронологических рамках проводится дальнейшее исследование.

Несмотря на стремление к наибольшее точности в датировках, не понятно, какой хронологической эрой пользуется писатель, скорее всего разными, из-за этого он допускает грубейшие ошибки – в результате смерть императора Анастасия приходится на 554 г. н.э. На протяжении своего трактата писатель также не следует какой-либо определенной эре.

Количество лет в каждом периоде посчитано с большой точностью по хроникам различных писателей, как языческих, так и христианских. В общем плане Иоанн Лид пытается следовать своей периодизации, но неоднородность содержания делает это несколько затруднительным. Хронология нарушена – при характеристике отдельных магистратов автор широко использует прием аналогии, повествование нередко нарушается вставками, характеризующими совре-

менное состояние описываемого объекта или его состояние в прошлом, часты этимологические экскурсы в древнейшие времена. Дав вначале строгую хронологическую периодизацию, Иоанн Лид больше к ней не возвращается. Точные временны́е индикаторы используются очень редко и бессистемно – всего дважды упоминается год от основания Рима, всего один раз счет по Олимпиадам, и их использование скорее всего связано с источниками, которые применяет писатель. Также при описании какого-либо магистрата Лид пользуется разными источниками, у каждого автора своя система изложения и в частности своя хронология, поэтому и содержание отдельных глав первой части получается неоднородным. В одних случаях он пренебрегает строгой хронологией, а в других – наоборот, очень точен: описывая царскую власть автор практически не пользуется временными индикаторами в лучшем случае указав время чьего-либо правления, а при описании института диктаторов – наоборот очень подробно, следует строгой временной системе – отсчитывая года от начала консульской власти и указывая имена консулов бывших в это время, также фамилии диктаторов, сколько они правили, уточняя по сопряженным событиям.

Наиболее распространено в трактате, особенно во второй и третьей частях, указание на время правления какого-либо императора или исполнения должности каким-либо префектом. Первая часть рассматривает еще более обширные периоды: мифические времена до основания Рима, период царей, период консульской власти, республики до начала принципата… В то же время ряд эпох попросту выпадает из поля зрения писателя, что приводит к дискретности трактата. Но при этом Иоанн Лид широко пользуется различными историческими произведениями, ссылки на которые обильно представлены в трактате, отсылая читателей уточнять временны́е параметры в них. Восприятие времени писателя цикличное, что характерно для античного времени, а не христианского средневековья, где распространена линейная концепция, чем в большей степени можно объяснить достаточно беспорядочную и произвольную в хронологическом плане структуру текста.

Хронологические нарушения в трактате Иоанна Лида “De Magistratibus Populi Romani”

Тема работы связана с проблемами хронологии в трактате «О магистратах римского народа» ранневизантийского писателя Иоанна Лида (490–565?). Актуальность и научная новизна исследования заключаются в полном отсутствии работ по Лиду в отечественной историографии, а также в первой попытке анализа «византийских искажений» исторической реальности как характерном явлении письменной традиции того времени. Исследование хронологических несоответствий у Лида составляет цель нашей работы. Методология: теория локальных цивилизаций. Основные методы: историко-хронологический, историко-системный, статистический. Источником является сам трактат Лида. В качестве

дополнительных привлекаются синхронные аутентичные хроники Марцеллина Комита и Иоанна Малалы.

Этот трактат представляет собой историко-литературное сочинение, посвященное проблемам общественной и идейной жизни империи, написанное образованным и талантливым чиновником центральной имперской администрации Иоанном Лаврентием Филадельфием Лидом. Данное сочинение является очень важным историческим источником по истории формирования римских институтов власти, об их основных признаках, изменениях, происходивших с ними с течением времени; ценность трактата «О магистратах» увеличивается еще тем, что многие аналогичные произведения античности не дошли до настоящего времени; также данный трактат является ценнейшим источником по внутренней политической и социально-экономической истории Восточной Римской империи в VI в., так как автор являлся очевидцем событий и знатоком реальной организации центрального и провинциального управления империей[1].

Трактат «О магистратах» большинство исследователей определяют как историческое сочинение специального характера, которое фокусируется на истории римской администрации, так как является историей римского государства с определенной точки зрения – с позиции чиновника[2]. Да и сам автор в предисловии заявляет целью продолжить труд древних историков[3]. Еще одним подтверждением исторического характера работы «О магистратах» служат даваемые в начале трактата комплексная периодизация всей римской истории и ее хронологические рамки, в русле которых будет идти дальнейшее повествование.

По источнику:

«Совершаются итак от Энея в Италию прибытия до основания города Рима лет 9 и 30 и 400 по Катону Старшему и Варрону, римлянам; по Африкану же и Кастору и Памфилу - лет 7 и 10 и 400.

От основания города же до изгнания царей пробежало лет 3 и 40 и 200.

Такие же от консулов до Кесаря первого годы: 5 (или по некоторым 6) и 60 и 400.

От Кесаря до Константина проходило лет 370 и 5; от него же до Анастасия царя кончины лет 224, сверх того 7 месяцев.

Из них если бы кто 9 вычел лет, тех на священный Рим [Константинополь] случилось царствование Константина.

Собирается же от основания счастливого города этого 5 и 10 и 200 лет, сверх того 7 месяцев.

---

[1] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54-65.

[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 72.

[3] Ioan. Lyd. De mag. I. Preface.

Собрал бы итак кто-либо от Энея до Анастасия доброй кончины всех лет - 6 и 40, сверх того 700 и тысячу, сверх того 7 месяцев, что эллинами предполагается на всяком из двух языков авторами...»[1]

В основу периодизации положена определенная форма государственной власти: первый период – отсутствие суверенного государственного образования; второй период – формирование римского государства, основанного на монархической форме власти; третий период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят консулы (республика); четвертый период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят цезари (принципат); пятый период – во главе римского государства стоят императоры, тип государственной власти, современный автору (переход от принципата к доминату и неограниченной монархии).

Для каждого периода автор дает строгую хронологию, стараясь как можно точнее определить протяженность каждого периода: для этого он пользуется различными работами авторитетных авторов – ссылается на произведения Марка Порция Катона Старшего (III-II вв. до н.э.), Марка Теренция Варрона (II-I вв. до н.э.), Кастора Родосского (II-I вв. до н.э.), Секста Юлия Африкана (II-III вв. н.э.), Евсевия Памфила Кесарийского (III-IV вв. н.э.).

Всю римскую историю Иоанн Лид делит на следующие периоды:

1) от прибытия в Италию Энея до основания Города – 439 лет по Катону Старшему и Варрону, 417 лет по Кастору, Африкану и Памфилу

2) от основания Города до изгнания царей – 243 года

3) от консулов до первого Цезаря – 465 лет, 466 лет по другим источникам

4) от Цезаря до Константина – 375 лет

5) от Константина до смерти Анастасия – 224 года и 7 месяцев, внутри выделяется подпериод: от основания Константинополя – 215 лет и 7 месяцев.

Всего получается 1746 лет и 7 месяцев: 1746+7/12=439+243+375+224+7/12 - в этих хронологических рамках проводится дальнейшее исследование. То есть, от основания Рима до конечной даты – 1307 лет и 7 месяцев.

Хронология построена по эре ab urbe condita - использование даты основания Рима, как начальной точки отсчета, несмотря на много споров вокруг этой даты[2], характерно для произведений именно классических античных авторов, в то время как христианские историки пытались соотнести историю с библейской хронологией. И для современного времени Иоанн Лид предлагает «новую эру» - от основания Константинополя, по образцу древней римской истории. При использовании дат предпочтение также отдается классическим древним римским писателям перед более поздними, в том числе христианскими хронографами.

---

[1] Ioan. Lyd. De mag. I.2

[2] *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1975. С. 65-73.

Несмотря на стремление Иоанна Лида дать точную датировку всем периодам, при ближайшем рассмотрении сразу бросается в глаза достаточно большое несоответствие самых поздних дат общепринятым. Если взять как опорную точку 753 г. до н.э. – общепринятую дату основания Рима[1], то получится следующее:

- прибытие Энея в Италию – 1185 г. до н.э. или 1170 г. до н.э.
- изгнание царей – 510 г. до н.э.
- появление первого Цезаря – 45 г. до н.э. или 44 г. до н.э.
- время Константина – 330 г. н.э.
- основание Константинополя – 339 г. н.э.
- смерть Анастасия – 554 г. н.э.

Если первые даты примерно совпадают с общепринятыми, и Иоанн Лид даже указывает источники, из которых он взял их, то последние достаточно сильно расходятся с ними, что вызывает серьезное удивление, так как они относятся к самому недавнему для автора времени, тем более странной является его ошибка, тем более, что он проводит уточнение до 7 месяцев. При этом и в самом исследовании автор выходит за первоначально данные хронологические рамки, охватывая время царствования императора Юстиниана. Эти противоречия вызывают серьезные дискуссии у ученых. Исследователи по-разному пытались объяснить несоответствие в последней дате: порчей текста, ошибкой переписчика, небрежностью и невнимательностью самого Иоанна Лида… Английский исследователь Таммо Валлинга изучает наиболее комплексно ошибку в последней дате[2]. По его мнению, ошибка является следствием неправильных вычислений самого Иоанна Лида, он считает это характерным явлением для VI в. н.э. в Восточной Римской империи. В качестве доказательств он приводит несколько предисловий к Дигестам Юстиниана, где допущена аналогичная ошибка, когда от основания Рима до смерти императора Анастасия проходит больше 1300 лет. В то время, как при датировке основания Рима 753 годом до н.э. - до начала царствования Юстиниана проходит лишь 1279 лет. Валлинга поэтому предполагает наличие одинакового неправильного источника, которым могли пользоваться и составители Дигест, и Иоанн Лид. Также исследователь проводит сравнение изучаемого отрывка из трактата «О магистратах» Иоанна Лида с отрывком из «Хронографии» его современника Иоанна Малалы, относящегося примерно к рассматриваемой дате, в котором этот писатель не допускает подобной той, которая у Лида, ошибки[3]. Действительно, отрывок из «Хронографии» Иоанна Малалы, посвященный датировке царствования Юстиниана, во многом параллелен датировкам Лида - автор рассматривает в нем не только промежутки времени до начала царствования Юстиниана от сотворения мира, но и от вступления Августа на престол, от основания Города, добавляя при этом число лет, прошедших

---

[1] Там же. С. 165.
[2] *Wallinga T.* The date of Joannes Lydus' De magistratibus // RIDA. 39. 1992. P. 359-380.
[3] Ibid.

от основания Константинополя; но при этом гораздо более точен и предостерегает от возможных ошибок, которые могут возникнуть при неправильном подсчете дат правящих императоров:

«Полный период от вступления Августа Октавиана императора к моменту завершения второго консульства императора Юстиниана в 7 индикте есть 559 лет… Так от основания Рима до второго консульства священнейшего Юстиниана там было 1280 лет более или менее; от основания Константинополя к консульству упоминаемого выше Юстиниана и завершению 7 индикта - 199 лет. Никто не должен добавлять сверху года ранних императоров согласно числу, упоминаемому выше в течение их царствования, потому что двое обычно царствовали в одинаковое время; равно отцы венчали своих детей от младенчества и правили с ними. Летописец должен таким образом записывать как много лет каждый император правил, но читатели хроник должны обращать внимание просто на сумму лет, которые проходят в случае правления всех императоров, упомянутых выше…»[1].

Следует сопоставить данные Малалы с каким-нибудь контемпоральным ему произведением, в качестве примера удобно взять хронику Марцеллина Комита. По хронике Марцеллина Комита 7 индикт и 2-е консульство императора Юстиниана (впрочем, Комит относит его к 6 индикту) приходится на 528 г. н.э., а завершение 7 индикта – к 529 г. н.э.[2], официальной годом основания Константинополя считается 330 г. н.э., этот год указан в хронике блаженного Иеронима Стридонтского[3], таким образом, при вычислении даты практически совпадают. Датой основания Рима получается 752 г. до н.э., что также соответствует распространенной датировке основания Города, так как его возраст оставался спорным[4].

Таким образом, Малала достаточно точен в своих вычислениях, по мнению Валлинги, это свидетельствует о том, что хронологические ошибки не были характерным явлением для VI в. в работах ранневизантийских писателей. С другой стороны, он отмечает, что предостережение Малалы относительно неправильного вычисления дат скорее всего связано с бытованием в обществе в то время неправильного источника с такими подсчетами. С этим исследователь связывает ошибки допущенные Иоанном Лидом и составителями введений к Дигестам. Поэтому он отвергает возможную испорченность текста у Лида, считая, что он просто скомпилировал неправильную хронологию[5]. Утверждение о целиком компиляторском и плагиаторском характере работы Иоанна Лида кажется немного преувеличенным. Наоборот, автор стремится дать как можно больше ссылок на различные источники в своем произведении – Удальцова при-

---

1 Jo. Mal. XVIII. 428-430.
2 Marc. Com. Chron.
3 Jerom. Chron.
4 Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II. LXXIV.
5 *Wallinga T.* The date of Joannes…

водит около 30 авторов, используемых в трактате «О магистратах»[1]. Поэтому если Иоанн Лид не приводит источник, из которого он взял ту или иную дату, то, скорее всего это связано с его самостоятельными вычислениями, хотя исключать возможность компиляции из неправильного источника для новейших дат нельзя.

Но автор должен был бы знать дату основания Константинополя – официально установленного праздника в Восточной римской империи, - или год смерти императора Анастасия; следовательно именно эти точки необходимо считать опорными для уточнения хронологической составляющей периодизации «О магистратах». Не рассматривая более подробно, можно взять опорными 330 г. н.э. и 518 г. н.э. Следовательно:

330+215=545 г. н.э. – год смерти Анастасия, что на 27 лет больше 518 года по эре от Рождества Христова. Эта ошибка могла возникнуть, (если, конечно, текст не был испорчен или изменен) именно в том случае, на который указывает Иоанн Малала – если неправильно посчитать годы совместного и единочного правления императоров.

По Галльской хронике 452 года[2] Грациан правил 6 лет после смерти Валента (379-384), совместно с Феодосием, после его смерти Феодосий правил еще 11 лет (379-395). По Галльской хронике 511 года[3] после смерти Грациана совместно с Феодосием еще 8 лет правил Валентиниан II, единоличное правление Феодосия – 3 года, правда, следует учесть, что Валентиниан II никогда не был самостоятельным правителем, скорее находясь под защитой Феодосия, Марцеллин Комит даже не упоминает год начала его царствования, поэтому годы его правления можно считать как единоличное правление Феодосия.

По хронике Марцеллина Комита[4] время правления императоров распределено следующим образом по годам н.э.:

Одиночное:	*Совместное:*
Феодосий I (384-395)	(379-395) = 17 лет на 6 лет больше
Аркадий (396-408) = 13 лет	(383-408) = 26 лет на 13 лет больше
Феодосий II (409-450) = 42 года	(402-450) = 49 лет на 7 лет больше
Маркиан (451-457) = 7 лет	
Лев Старший (458-474) = 17 лет	
Лев Младший (474) = 1 год	
Зенон (475-491) = 17 лет	(474-491) = 18 лет на 1 год больше

---

1 *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии…
2 Chron. Gall. 452.
3 Chron. Gall. 511.
4 Marc. Com. Chron.

Василиск, Зенон (476) = 1год

Анастасий (491-518) = 27 лет

Разница между единоличным и совместным правлением составляет 27-28 лет, примерно такую же находим и у Иоанна Лида. Таким образом, можно понять, откуда могла взяться ошибка у Лида при пересчете новейших дат. Также можно сделать вывод, что датировка по правлению императоров неточна. Следовательно, опорной точкой лучше всего взять именно дату основания Константинополя – 11 мая 330 г. н.э.[1], так как определение правления императоров слишком ненадежное.

Правление императора Константина на 9 лет ранее =321 г. н.э. По хронике Иеронима[2] в этот год император Лициний был изгнан из своей резиденции, таким образом, он может оправдано считаться годом начала единоличного правления императора Константина.

Время Кесаря на 375 лет раннее = 55 г. до н.э.

По хронологическим таблицам, приведенным Бикерманом, этот год является временем II консульства Помпея и Красса, а также законодательного определения полномочий триумвиров. Сам триумвират сформировался в 60 г. до н.э., I консульство Гая Юлия Цезаря состоялось в 59 г. до н.э., I диктатура Цезаря – 49 г. до н.э., II консульство Цезаря – 48 г. до н.э., II диктатура Цезаря – 47 г. до н.э., 46 г. до н.э. – II и III диктатура, III консульство Цезаря, 45 г. до н.э. – III и VI диктатура и VI консульство Цезаря, 44 г. до н.э. – пожизненная диктатура и V консульство Цезаря[3]. Если исходной датой взят именно 55 г. до н.э., то почему - определить трудно. Вообще этот промежуток является самым спорным в отрывке. Цифровые обозначения именно с него становятся неоднородными. Цифры в тексте обозначаются не 3 отдельными буквами, как предыдущие, а двузначной цифрой в десятичной системе, как и все последующие за ним[4].

При этом древние исторические даты (кроме мифологических), которые дает Иоанн Лид, отличаются высокой точностью. Дата основания Рима может считаться второй опорной точкой, так как для нее Лид даже указывает источники, в которых основание Города было важным временны́м ориентиром. Промежуток от основания Города до изгнания царей и начала консульской власти у Лида практически совпадает с общепринятыми. По мнению Бэнди, если Лид считает годом основания Рима 753 г. до н.э., то это соответствует 510 г. до н.э., учреждение консульство должно тогда случиться с 1 января 509 г. до н.э., - то-

---

[1] *Васильев А.А.* История Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2000. С. 49-50.

[2] Jerom. Chron.

[3] *Бикерман Э.* Хронология древнего мира… С. 278-280.

[4] Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae Impensis Ed. Weberi. 1837. P. 122.

гда он абсолютно правильно высчитывает пожизненную диктатуру и дату смерти первого Цезаря – 44 г. до н.э.[1]

Дальнейшие подсчеты дают несоответствия. Это может быть связано с тем, что писатель мог неправильно пересчитать даты правления императоров от Цезаря до Константина. Например, по хронике Иеронима этот период занимает 354 года, учитывая и правление первого Цезаря[2]. В любом случае, ошибки, которые допускает Лид, начинаются именно для более новых дат, здесь автор отступает от эры от основания Рима и пользуется эрами от правления кесарей, но какой год является опорной точкой – понять сложно.

Неточность Лида еще более оттенена на фоне хронологической строгости Иоанна Малалы. Но в то же время необходимо различать разноплановость и разнохарактерность произведений Иоанна Малалы и Иоанна Лида. Для Малалы было важно дать как можно более точную и строгую хронологию, так как он в принципе писал погодную хронику, и необходимо было максимально точно уточнить, в каком году произошло то или иное событие. Для Иоанна Лида же хронологический аспект произведения не столь важен, его восприятие времени цикличное: «то, что приходит в бытие, не всегда существует, но из поколения в поколение приходит в упадок, чтобы потом опять прийти в бытие, возвратившись к собственной сути…»[3] - при такой философии категория времени играет второстепенную роль, что приводит к игнорированию строгого соблюдения дат. Поэтому во всем трактате в дальнейшем хронологический принцип не всегда соблюдается, сочинение составлено скорее по тематическому принципу – лишь в общем плане исследователи выделяют эпохи республики и империи, также современности автора[4]. После изучаемого отрывка во всем трактате больше практически не встречается ни одной точной даты. В то же время, в отличие от Малалы, писатель не прибегает к какой-либо библейской эре для уточнения взятой даты, отклоняясь от общей христианизирующей тенденции VI в.

Так как Иоанн Лид был очень образованным и эрудированным автором, являющимся преподавателем в университете и позиционирующим себя как представителя научной исторической мысли VI в., то его ошибки являются характерным свидетельством упадка античной науки в VI в. Начиная с IV в., когда христианство стало господствующей религией, начала складываться новая христианская идеология, которая отказалась от эллинско-эллинистической культурной и научной мысли, а взяла за основу многовековую библейскую традицию, где рационалистические идеи уступали место божественному откровению, ко-

[1] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983. Introduction. P. 26.
[2] Jerom. Chron.
[3] Ioan. Lyd. De mag. II.23.
[4] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии…

торое не может быть подвергнуто сомнению[1]. Это все способствовало догматическому восприятию любого знания. С одной стороны, свобода мысли, необходимая в процессе научного познания, исчезает, заменяется толкованиями и интерпретациями догмы. С другой стороны, к VI в. вся картина мира уже строится на основе христианской философии и космологии, светская наука вытеснена на периферию. Кроме того, кризис IV – V вв. не прошел даром – в результате общественно-политических потрясений резко упал уровень культуры, научных знаний, образованности… Новых идей не вырабатывается, а те, кто старался реанимировать античную научную мысль, в итоге замыкаются в компиляциях «догм» античных ученых. Главным для письменной традиции того времени было показать знание возможно большего числа древних источников, чтобы продемонстрировать свою эрудированность, хотя и достаточно относительную. Это же видно на примере Иоанна Лида и его хронологии: писатель мог бы ограничиться и самой общей периодизацией, но его стремление составить как можно более «научный» трактат, блеснуть своими познаниями, подражание древним авторам заставили его дать уточненную по различным источникам хронологию. Несмотря на это, некритическое отражение времен правления императоров приводит его к грубейшим ошибкам…

Таким образом, трактат Иоанна Лида «О магистратах» является одним из вариантов историй, несмотря на свою многоплановость. Поэтому в нем дана периодизация. Сделав попытку комплексно изучить хронологические аспекты периодизации Лида, рассмотрев ее основные принципы и проверив точность всех дат, даваемых писателем, мы делаем следующие выводы. Иоанн Лид, создавая периодизацию римской истории, допускает серьезные ошибки в датировках. Возможно несколько причин допущенных им ошибок: 1) неправильный пересчет дат правления некоторых императоров, 2) неточность и относительность дат, связанная с использованием Лидом различных источников, 3) путаница в эрах, 4) ахроничная философия писателя. Но, кроме того, имеет место фундаментальное «византийское искажение» исторической реальности, в том числе, хронологии, связанное с упрощением понимания сложных событий, медиевизацией менталитета и интеллектуальной жизни в целом.

Геополитическое положение Рима и проблемы интерпретации римской истории в труде интеллектуала VI в. Иоанна Лида

В начале VI в. во внешней политике Римской империи получили приоритет три основные проблемы: постоянная опасность от Персии, угроза со стороны вандалов в Северной Африке и нестабильная ситуация на северной (дунайской)

---

[1] *Аверинцев С.С.* Судьба европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью. // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 17—64.

границе. Это прямым образом было связано с геополитическим положением империи.

Исследуя этнополитическую карту, сформировавшуюся к началу VI в., можно отметить, что Римская империя контролировала лишь восточные провинции. Западные провинции находились под контролем варварских королей. Целью внешней политики римлян (ромеев) того времени было - поставить под контроль или сделать союзниками наибольшее количество приграничных народов и государств, обеспечив, таким образом, буферные зоны безопасности[1].

Империя по суше непосредственно граничила с различными государствами и народами на севере, востоке и юге. На севере от Среднего Дуная до Дона распространялись три группы племен: восточно-германские, гуннские и славянские. Из германских племен гепиды занимали территории Трансильвании, а герулы и лангобарды располагались к северо-западу от гепидов, из гуннских – булгары заняли территории Бессарабии и Валахии, кутригуры – степи от Дона до Днестра, утигуры – восточное побережье Азовского моря. Здесь северным форпостом империи был город Херсон на Крымском полуострове, позволяющем сохранять влияние римлян в этом регионе и обеспечивающем взаимовыгодную торговлю римлян с северными народами. Славянские племена граничили с булгарами, занимая территории Валахии по Нижнему Дунаю. Область их расселения в целом простиралась от Эльбы до Днепра[2]. Данные группы племен находились на стадии разложения родового строя и военной демократии, поэтому был очень высок уровень военной агрессии[3].

На востоке главным соперником империи была Персидская держава Сасанидов, а границы между двумя государствами проходили через Закавказье, Северную Месопотамию, Сирию и Левант, к северу от Колхиды до Черного моря, к югу – через город Киркесий на Евфрате, пересекая верхнее течение Тигра, Евфрата и северо-запад Аравийского полуострова по Сирийской пустыне до Красного моря. На севере восточной границы размещалось клиентское царство Армения, разделенное между двумя державами и обеспечивающее буферную зону. В южной части восточной границы империя соприкасалась с территориями пустынь Южной Месопотамии, заселенными набатейскими арабами (сарацинами), ведущими кочевой образ жизни, они часто вторгались на экономически развитые римские территории с целью грабежа. Территории их кочевий входили как в состав Римского, так и Персидского государств, в результате различные рода сарацин являлись союзниками римлян или персов[4].

---

[1] *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908. С. 376-386.
[2] *Bury J.B.* History of Later Roman Empire. From the death of Theodosius I. To the death of Justinian. In 2 volumes. New York, 1958. V.I-II. P. 293, 302, 303.
[3] *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011, С. 173.
[4] *Bury J.B.* History of Later... V.I. P. 93-95.

К северу от Армении у Черного моря лежала Колхида, имеющая исключительно важное стратегическое положение, так как из-за горного рельефа создавала непреодолимую преграду для кочевников Причерноморья, а с юга преграждала выход Персии к Черному морю, поэтому она находилась в сфере особого интереса Византии. Территории Восточного Причерноморья между Колхидой и Римской империей были населены независимыми племенами, их империя стремилась превратить в союзников. К востоку и северу от Колхиды (Лазики) жили племена, зависимые от лазов, в результате чего попадавшие в орбиту влияния римлян. На востоке – скимны и сваны, на севере– апсилы, мисимиане, абасги, зихи, сагиды[1]. В регионе севера Кавказской цепи к югу от мест обитания утигуров расселялись аланы, восточнее сабиры, на южном берегу Гипаниса – зихи, южнее абасги и апсилы[2]. Гунны-сабиры играли важную роль, так как занимали два прохода (Каспийские ворота), в результате чего по своему произволу могли открывать дорогу для нашествия северных племен на территории Рима и Персии, поэтому оба государства стремились сделать их дружественными себе. На юго-востоке Колхида граничила с Иверией, также попавшей в сферу влияния Рима[3]. В целом, в Закавказье Римская империя обеспечила свое влияние, но важное стратегическое значение региона делало ее постоянным источником напряженности в римско-персидских отношениях.

На юге империя граничила с территориями под контролем племен нубиев и блеммиев, которые соприкасались с границами Египта. Далее к востоку в верхнем течение Нила лежало дружественное Риму эфиопское царство Аксум, через которое шли торговые пути в Восточно-Центральную Африку. Через Красное море оно соединялось с государством химьяритов в Южной Аравии[4], этим путем империя обеспечивала торговлю с Индией и Китаем. Здесь под ее контролем находился остров Йотаба, закрывавший вход в залив Акаба в северо-восточной части Красного моря[5].

На западе империя омывалась Средиземным морем, поэтому важную роль играл контроль над его прибрежными зонами. На территориях средиземноморского побережья возникли следующие политические образования. В Испанию еще в V в. вторглись группы вандалов, свевов, аланов, для борьбы с которыми правительство Западной Римской империи привлекло вестготов, в результате там возникли королевства вестготов (центр) и свевов (северо-запад), вытеснив вандалов из региона, которые направили свою экспансию в Африку[6]. Северную Африку захватили вандалы, которые развязали вражду с мавритано-

---

[1] *Диль Ш.* Юстиниан... С. 389-391.
[2] *Bury J.B.* History of Later... V.II, P. 313.
[3] *Диль Ш.* Юстиниан ... С. 391-392.
[4] *Bury J.B.* History of Later... V.II. P. 318.
[5] *Диль Ш.* Юстиниан ... С. 542, 545.
[6] *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984, С. 57.

берберскими племенами, обитавшими на западе этого региона[1]. Они проводили агрессивную внешнюю политику, объектом их экспансии стали территории Западного Средиземноморья[2], что не могло не вызывать тревогу Восточноримской империи, которая становилась уязвимой с запада. Северная и центральная Галлия находилась под контролем салических и рипуарских франков, они достаточно успешно боролись за господство в Центральной Галлии с алеманнами, занимавшими территории несколько южнее в верхнем течении Рейна и Дуная и вторгавшимися с них в Галлию. К северу от них обитали племена ютов, англов и саксов, направивших свою экспансию в Британию. В южной Галлии существовало королевство вестготов, протянувшееся от Пиренеев до северной Италии, на юго-востоке Галлии в долине реки Роны – королевство бургундов. В Италии после смещения римского императора Одоакр во главе скиров и ругиев управлял Италией до 493 г., затем по приказу восточноримского правительства был разбит остготами Теодориха, образовавшего на территории Италии остготское королевство[3]. И франки, и остготы признавали номинальную власть Восточной Римской империи и первенство константинопольского императора, и не вели экспансию на ее территории.

В географическом аспекте империя VI века фактически охватывала лишь восточную часть бывшей Римской империи IV в. (с некоторыми дополнением в виде различных анклавов в Причерноморье, Центральном и Западном Средиземноморье): Балканский полуостров, Анатолия, западное Закавказье, Левант, Северная Месопотамия, Египет[4]. С геополитической точки зрения эти территории во многом были уязвимы извне из-за природно-географических условий. Балканский полуостров, хотя и омывался с запада востока и юга морями, был уязвим с севера, так как Динарское нагорье, Балканская гряда и горы Родопы, расположенные на севере, были достаточно проходимыми[5]. В то же время, далее на север и северо-восток простирались огромные степи – область, благоприятная для кочевников, что создавало реальную угрозу с этой стороны[6]. Более предпочтительным было положение Анатолии, которая, в основном, представляла собой возвышенность – плато; с запада, севера и юга оно омывается морями, Понтийские и Таврские горы защищали его с северо- и юго-востока, хотя и создают препятствие скорее при движении с севера на юг, чем с востока на запад. Далее на восток идут территории Закавказья, расположенные между плато Анатолии и Иранским плато, которые еще менее уязвимы из-за горного ланд-

---

[1] *Сиротенко В.Т.* История международных отношений во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975, С. 145.

[2] *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель... С. 75.

[3] *Haldon J.* The Palgrave Atlas of Byzantine History. Palgrave Macmillan, 2005. P. 20.

[4] *Уиттоу М.* Географический обзор / Политическая география византийского мира // Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Оксфордское руководство по византинистике. Харьков, 2014, С. 223.

[5] Там же. С. 224.

[6] Там же. С. 226.

шафта. С севера они защищены Кавказскими горами, на западе – Черным морем, на востоке – Каспием[1]. Территории Северной Месопотамии с севера ограничиваются горами Тавра и Антитавра, лежат к востоку от Евфрата и представляют собой открытую равнинную местность, удобную для вторжений извне и стратегически уязвимую. Гораздо более предпочтительно положение Леванта, находящегося немного юго-западнее данного региона: защищенного с севера Таврскими горами, а с запада морем; с юго-востока регион ограничивается огромной бесплодной Сирийской пустыней, продолжающейся еще более огромной Аравийской пустыней, неудобными для скопления большого числа войск, на юго-западе простирается до Синайской пустыни и Красного моря; горные цепи Ливан и Антиливан являются очень удобными для защиты от вторжений с востока, где также тянутся пустынные местности. Под контролем римлян находились наиболее плодородные части, которые входили в так называемый исследователями «Полумесяц Изобилия» - наиболее экономически благоприятные сельскохозяйственные территории, протянувшиеся дугой от Египта через Левант (по берегам рек) до территорий современного Ирака и Персидского залива; Левант и Северная Месопотамия формировали север и запад полумесяца, которые в отличие от его юго-восточных частей в гораздо меньшей степени зависели от сложной ирригационной системы[2]. Достаточно благоприятное геостратегическое положение занимал и Египет – его центр находился в долине Нила и обеспечивал экономическое процветание[3]; с севера регион омывается Средиземным морем, а с запада и юга защищен огромными Ливийской и Нубийской пустынями. На востоке естественным препятствием были воды Красного моря, а также территория Синайской пустыни[4].

Итак, с географической точки зрения на суше наиболее уязвимыми были границы на Балканах и востоке империи, причем опасность нарастала от севера к югу. Что касается морских рубежей, неподконтрольность империи прибрежной полосы западной части Средиземного моря создавала потенциальную угрозу всем регионам империи. Морские рубежи играли очень значительную роль для империи, так как протяженность ее морских границ в десятки раз превышала протяженность сухопутных границ. Флот имел огромное значение для обеспечения ее безопасности. В целом, на всем протяжении истории Восточно-Римской империи упадок государства совпадал с упадком флота[5].

Таким образом, геополитическое положение империи VI в. оказывается определяющим для римской внешней политики. Основные интересы империи в

---

[1] Там же. С. 227-229.
[2] Там же. С. 229-230.
[3] Там же. С. 231.
[4] *Haldon J.* The Palgrave Atlas... P. 2.
[5] *Литаврин Г.Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII – XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001. С. 12-13.

VI в. лежали в Средиземноморье. Именно туда в эпоху Юстиниана осуществлялась внешняя экспансия, в то время как на востоке велись оборонительные войны, и предпочтение отдавалось методам дипломатии[1]. Это было связано с историческим развитием империи. Она сформировалась и развивалась как средиземноморское государство. Завоевательная политика и внешняя экспансия Рима на протяжении истории в целом определялись геополитическими задачами. Рим начал свое существование как один из многих городов-государств, вначале борясь за выживание, потом за локальную гегемонию в Центральной и Южной Италии. Установив контроль над этими землями, Рим вступил в борьбу с Карфагеном за преобладание в Средиземноморье. Победив Карфаген, римляне установили контроль над Западным Средиземноморьем, подчинив Испанию и Северную Африку[2]. Расширение на юг[3] было связано с защитой данных территорий. Геополитический принцип предполагает установление гегемонии на всем ограниченном пространстве воды или суши, поэтому в этом аспекте Риму необходимо было установить контроль над Восточным Средиземноморьем. И действительно, интересы Рима повернулись на восток. Во II в. до н.э. была побеждена Македония, установлено прямое римское правление в Греции, одно за другим эллинистические государства Малой Азии, а затем и Египет, так или иначе, оказались под контролем римлян[4]. Анализируя первое вмешательство римлян во внутригреческие дела в I римско-македонской войне, исследователи отмечают, что Рим отнюдь не стремился к захвату территорий, а хотел установить свое влияние к востоку от Адриатики[5]. В результате все средиземноморское побережье было покорено римлянами, Средиземное море стало называться Mare Nostrum, теперь главная цель состояла в защите этих территорий от посягательств с суши, чем были логически обусловлены войны в Галлии, на севере Балкан и на востоке. Наиболее уязвимым с суши было положение Италии, которой не могли служить естественной границей Альпы, так как кельтские территории лежали по эту сторону Альп и выступали плацдармом для галльских вторжений. После побед Цезаря была образована провинция Нарбонская Галлия, которая прикрывала Северную Италию на севере и северо-западе[6]. В результате завоевания Галлии Рим столкнулся с германскими и дакийскими племенами, жившими по берегам Рейна и Дуная, создававшим постоянную угрозу римским провинциям[7]. Для обеспечения безопасности Северной Италии на северо-востоке важным был

---

[1] *Диль Ш.* Юстиниан ... С.134.

[2] *Хизер П.* Падение Римской империи. М., 2011. С. 23-24.

[3] *Никитин А.Н.* Этапы развития африканского лимеса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. 16, С. 50-54.

[4] *Хизер П.* Падение... С. 24.

[5] *Кащеев В.И.* Первая римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. 6. Саратов,1986. С. 42-57.

[6] *Хизер П.* Падение... С. 24-25.

[7] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае I-IV вв. н.э. М., 2000. С. 27.

регион Иллирика[1]. Выход к берегам Рейна и Дуная осуществился при Августе. По этим крупным рекам установилась граница Римской империи. В дальнейшем на протяжении римской истории она практически не менялась, за исключением кратковременной экспансии Траяна в Дакию[2].

В конце правления Августа была сформулирована концепция о том, что империи не следует переходить за пределы этих рек, установленные самой природой, хотя римские войска порой доходили до Эльбы[3]. Защитой дунайской границы во многом определялась экспансия в Западном и Северном Причерноморье – огромное значение для этой цели имели города Тира и Ольвия, являвшиеся форпостами римского влияния в варварском мире, но и она была связана с возросшей активностью задунайских племен и угрозой их нашествия на римские территории[4]. Завоевание Траяном Дакии было обусловлено помимо все прочего возросшей активностью задунайских племен и стремлением императора прикрыть север и северо-восток империи обширными пространствами[5]. Но успехи Траяна в Дакии критиковались уже последующим поколением римлян; император Адриан даже намеревался оставить дакийские территории, открытые с трех сторон для варварских вторжений[6]. Надо отметить также войны в Британии: их причины лежали в том, что юг Британии населяли племена, генетически связанные с кельтами, создававшими угрозу римской Галлии[7]. Что касается отношений на Востоке, то Рим впервые столкнулся с Парфией во время войн с Митридатом VI Евпатором, с ней были установлены дипломатические отношения, основной вопрос состоял в контроле над Арменией, вопрос о границах между государствами был второстепенным[8], что доказывает, что вначале Рим не планировал расширяться на Восток. Но с течением времени политика Рима изменилась. Выход Парфии к Евфрату создал угрозу контролируемым Римом территориям, усиление военно-политического соперничества в регионе привело к многочисленным римско-парфянским войнам[9]. Но при этом приоритетной задачей было установление римской гегемонии в кавказско-прикаспийском регионе, а не завоевание самой Парфии. Именно поэтому крупные военные успехи императора Траяна, покорившего Месопотамию и даже занявшего парфянскую сто-

---

[1] *Колобов А.В.* Далматийский лимес как один из прототипов военно-стратегических систем Римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. 16. 2006. С. 35-40.

[2] *Хизер П.* Падение... С. 26-28.

[3] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир... С. 70-71.

[4] Там же, С. 62, 65-67.

[5] Там же. С. 72.

[6] Там же. С. 74.

[7] *Широкова Н.С.* Кельтская Британия и Рим после походов Цезаря // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 6. 2007. С. 151-174.

[8] *Смыков Е.В.* Рим и Парфия (путь к договору) // Античность: общество и идеи. Казань. 2001. С. 118-129.

[9] *Беликов А.П.* Рим и Парфия: истоки взаимного неприятия // Античный мир и археология. 11. Саратов, 2002. С. 51-52.

лицу Ктесифон, нивелировались при следующем императоре, вернувшем все захваченные территории на Востоке лояльным Риму режимам[1]. Римско-парфянские войны при Марке Аврелии были спровоцированы соперничеством двух держав в Армении; после захвата Месопотамии и занятия Ктесифона, лежащего на Тигре, римляне прекратили экспансию[2]. Судя по всему, именно стремление к обеспечению безопасности границ Анатолии за счет контроля над горными районами Закавказья и Месопотамии за счет выхода к ее крупным рекам и определяли задачи внешнеполитической экспансии Рима на Восток.

Ситуация не изменилась и с образованием Персидской державы Сасанидов в III в. Войны Рима III в. не расширили границы империи по сравнению с предыдущими эпохами, они велись для удержания уже контролируемых Римом территорий от внешних угроз и сепаратизма[3]. В первой половине IV в. инициатива в войнах перешла к Персии, Рим стал вести оборонительную политику. Поход императора Юлиана второй половины IV в. был последним всплеском римской активности на Востоке, но и он сосредоточился в районе рек Евфрата и Тигра, окончился неудачно и имел катастрофические последствия: римляне утратили существенную часть своих восточных защитных крепостей, а Армения оказалась в сфере влияния персов[4].

Вторая половина IV – V вв. стали временем резкого сокращения размеров империи и приобретения ею формата восточноримской. С 376 г., после катастрофы под Адрианополем, когда дунайские, а затем и рейнские границы оказались открыты для варварских вторжений, Римская империя стала терять одну за другой свои территории. В течение V в. варварская экспансия оказалась направлена преимущественно на Запад, где, отторгая территории, различные народы стали образовывать на них свои королевства; западноримское правительство, пытаясь сохранить господство над территориями, занятыми варварами, и борясь с сепаратизмом, стало привлекать на них других варваров и натравливать разные народы друг на друга, заключая союзы попеременно то с одними то с другими: вестготов, франков, бургундов для борьбы с вандалами, аланами, свевами; гуннов и вандалов для борьбы с вестготами; вестготов, франков и гуннов для борьбы бургундами; вандалов, аланов и свевов для борьбы с вестготами… В результате западная часть Римской империи к концу V в. была подчинена варварам…

---

[1] *Телепень С.В.* Траян: идеология и практика римской экспансии в Иран // Современная научная мысль. 4, 2014. С. 15-26.

[2] *Телепень С.В.* Римско-парфянская война 162-165 гг. в контексте римской геополитики // Современная научная мысль. 5, 2014. С. 6-13.

[3] *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999.

[4] *Дмитриев В.А.* Борьба Римской (Византийской) империи и Сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III – VII вв.). Псков, 2008. С. 32-44.

В целом, внешнеполитический аспект всегда играл одну из главных ролей для развития Рима. Исследователи определяют несколько ключевых моментов в истории развития римского государства, где главным является внешнеполитический фактор: 1) кризис роста - обретение независимости и выход из зоны этрусского влияния (римско-этрусские войны), начало борьбы за выживание (войны с соседями – эквами, вольсками, сабинами) и социальные потрясения; 2) кризис перелома – победа в Пунической войне и подчинение наиболее цивилизованных регионов Средиземноморья превратило Рим в державу, в результате чего возникло противоречие имперской новизны с полисно-республиканской традицией; 3) кризис упадка – внутренняя структура Рима не соответствовала новым размерам империи, в результате возник кризис III в., характеризующийся внешним давлением и сепаратизмом; 4) кризис краха – проникновение варваров на территорию империи, что завершилось падением Западной Римской империи[1].

Эта ориентированность развития римского государства на внешнеполитический аспект и Средиземноморье нашла отражение в идеологии римского мира. Несмотря на геополитическую ситуацию, сложившуюся к VI в., картина восприятия окружающего мира в уцелевшей части Римской империи отражала универсальные концепции, сложившиеся в период ее расцвета и расширения. Эта картина представляла собой идеологию римского империализма, возникшего в конце эпохи республики, когда Рим вел активные завоевательные войны, постепенно трансформируясь в глобалистическую идеологию, когда идея империи приобретает общемировой характер, исключая соперников, а также показывает взаимовыгодность завоевания для обоих – завоевателя и завоевываемого[2].

Сущность этих концепций заключалась в следующем. Рим мыслился как вечное, связующее начало мира, прежде всего, начало властное. «Вечность» Рима переносилась на империю, которая мыслилась как Рим, расширившийся до вселенских пределов. Римлянами империя мыслилась как Pax Romana – мир, существующий и функционирующий на основании договора, в более фундаментальном смысле – закона, обретшего форму вселенской власти – imperium. Империя больше чем обычное государство, она имеет свои интересы и сферы влияния вне своих пределов[3]. Идеи универсализма начали развиваться у Полибия, который писал, что после победы над Карфагеном римлянами совершено самое главное для завоевания всего мира, и в результате история становится единым целым. Дальнейшее развитие они получили в работах Цицерона, который обосновывал вмешательство римлян в дела других государств: он отмечал, что иско-

---

[1] *Егоров А.Б.* Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. 12. СПб., 2013. С. 346-365.

[2] *Егоров А.Б.* Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 5. СПб., 2006. С. 151-174.

[3] *Уколова В.И.* Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО Университета. 2, 2008. С. 3-10.

ни в обычае римского народа сражаться вдали от крова, чтобы обеспечить благо союзников. Затем у Тита Ливия имперские идеи приобретают сакральное значение, он вкладывает в уста Ромула слова о том, что это угодно богам, чтобы Рим стал главой всего мира. Наконец, Флор уже проецирует эти идеи на конкретно-историческую ситуацию, говоря, что именно при Августе покорены все народы на западе и на юге, на севере, между Реном и Данувием, и на востоке, между Киром и Евфратом[1].

С развитием Римской империи происходит дальнейшая универсализация имперской идеи. Важным в этом плане стал эдикт Каракаллы 212 г., даровавший права римского гражданства всем подданным империи, в результате чего возможность «вхождения» в «римский мир» расширялась[2]. С распространением христианства и поддержкой его римскими императорами смысл имперского универсализма очень скоро «перетек» в доктрину христианской церкви – из него образовалась идея о более совершенном единении человечества – Pax Christiana[3]. Но при этом империя имела определенное социальное пространство, центр, от которого как бы исходят импульсы[4]. Таким пространством для Римской империи было Средиземноморье, Pax Romana была сосредоточена именно здесь, и поэтому велика была роль лимеса, границы, отделявшей римский мир от остального. Исследователи отмечают такую роль особенно заметной для приевфратского лимеса. Граница между миром Римским и миром Восточным была как бы священна, нарушать ее – значит, преступать закон[5]. В Поздней империи с усилением могущества Персии эта граница приобрела еще большую важность, стремление к Средиземноморью определило как бы разделение мира на две сферы влияния: запад контролировал римский император, а восток – персидский, в официальных письмах и посланиях персидский царь назывался «братом» римского государя, а персидские послы при дворе римского императора получали особо почетный прием[6].

Понятие границы между «римским» и «неримским» мирами было очень четким в VI в. Это особенно отмечается исследователями применительно к произведениям Прокопия Кесарийского и Иоанна Лида. Территории восточной части Римской империи, протянувшиеся от Триполитании и Иллирика до пределов

---

[1] *Егоров А.Б.* Последние планы...

[2] *Пантелеев А.Д.* Жертвы глобализма: эдикт Каракаллы и положение христиан в начале III в. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 5. СПб., 2006. С. 151-174.

[3] Уколова В.И. Империя...

[4] Там же.

[5] *Маргарян Е.Г.* На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 10, 2012. С. 5-33.

[6] *Чекалова А.А.* Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 2001. С. 81-93.

Кавказа и Евфрата, Прокопий называет «римская земля» («наша земля»). В пространственном отношении «римская земля» имеет установленные границы: на юге – «…от города Аксума до пределов Римской державы в Египте, где находится город, называемый Элефантина…», на востоке – граница проходит по реке Боа-Фасис для подвластной римлянам Армении (причем эта река отделяет как бы два мира – «римский» берег – европейский, а «персидский» - азиатский), далее «…все местечки и укрепления на границе в Евфратисии…», «…укрепления на границе у реки Евфрат в Месопотамии…». Несколько сложнее ситуация на западе. В качестве границы римского мира, по мнению исследователей, ранневизантийский писатель подразумевает Рейн, но, учитывая современную политическую ситуацию, он вносит некоторые коррективы: границей между имперскими землями, захваченными варварами и собственно имперским территориями, никогда не выходившими из-под контроля римлян, он обозначает Рону и Альпы, деля земли на лежащие «по эту сторону Роны»: Сицилия, Корсика, Сардиния, Италия, Галлия по эту сторону Роны, - и «по ту сторону Роны», управление которых варварами узаконено с помощью договоров: Испания, Галлия по ту сторону Роны. Территории за Рейном как бы «выпадают» из круга интересов Прокопия, информация о них скудна и неточна[1]. В целом, благодаря опоре на имперскую и христианскую идеи для империи этого времени было характерно непризнание своих территориальных потерь[2] и стремление вернуться к границам Pax Romana периода своего наибольшего территориального расширения, в результате все войны, которые вело римское государство в понятиях ромеев были «справедливыми», так как империя просто возвращала утраченное[3].

На идеологии не могла не отразиться восточноримская специфика VI в. Жители Ранней Византии считали себя римлянами (ромеями), которые живут в Римской империи, четко отличали себя от «варваров», и главное отличие заключалось в культурном превосходстве, сохранении культуры «римской старины» (в ее универсальном контексте, включающем эллинскую культуру, с признанием ее превосходства над типично римским); римское прошлое не просто продолжается в VI в., но и определяет культуру и идентичность современников; «римскость», принадлежность к римскому миру определяется теперь не только владением латинским языком, но также сохранением римского культурного наследия, прежде всего государственности; происходит дифференциация понятий «римляне» и «италийцы». Италийцами ранневизантийские писатели называли жителей западной части средиземноморского мира, которые хотя и говорили по-латыни, не были «римлянами» в политическом плане[4]. Это связано с идеей trans-

[1] *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. 43 (68). 1982. С. 64-73.
[2] *Чекалова А.А.* Византия между... С. 97.
[3] *Литаврин Г.Г.* Геополитическое... С. 17.
[4] *Dmitriev S.* John Lydus and His Contemporaries on Identities and Cultures of Six-Century Byzantium // Dumbarton Oaks. Trustees for Harvard University. Vol. 64. 2010. P. 27-42.

latio империи, сформировавшейся к VI в.[1] Основание новой столицы Константином в духовном плане перенесло Рим на новое место, Константинополь был не просто столицей, а «Новым Римом». Старый Рим скоро утратил и свое административное значение – императорский двор и правительство были переведены в более укрепленную и безопасную Равенну. Наиболее ярко переосмыслена история римского государства и показано его геополитическое развитие к моменту VI в., а также ярко видна трансформация имперской идеологии применительно к современным реалиям того времени, в произведении Иоанна Лида «О магистратах».

Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид (последние два имени являются этнонимами) являлся достаточно талантливым писателем эпохи правления императора Юстиниана I, он происходил из провинции Лидия, родился примерно в 490 г. Он был очень образованным чиновником среднего уровня в Восточной префектуре претория, затем получил место преподавателя в Константинопольском университете, кроме того, был ученым, активно занимавшимся научными изысканиями преимущественно антикварного характера, а также литературной деятельностью[2].

«О магистратах» - это наиболее позднее и значительное его произведение, посвященное истории римской администрации и бюрократии, описывающее эволюцию внутренней структуры римского государства в промежутке от мифических времен Троянской войны до времени автора, включая правление императора Юстиниана I[3]. Поэтому оно представляется интересным для изучения взгляда интелликтуала VI в. на римское государство и формируемую им цивилизацию на протяжении истории. Интерес к римскому прошлому Иоанна Лида был связан с несколькими факторами: христианизация империи и дисконтинуитет с античным прошлым, который автор стремился преодолеть, «связав разорванную временем древность», что проистекало из с традиционной классической системы образования[4]; еще одним фактором являлась потеря города Рима, который был под контролем готов в VI веке, в результате чего на государственном уровне распространилась идея восстановления империи. Император Юстиниан позиционировал себя как преемник Августов, стремясь восстановить Римскую империю и превратить Средиземное море снова во внутреннее море римлян; господство варваров на утраченных римских территориях рассматривалось как временное недоразумение, также широко культивировалась идея духовной преемственности старого и нового Рима; это было важно также и с той точки зрения, чтобы сохранить идею империи и величие римского государства среди

---

[1] *Чекалова А.А.* У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2007. С. 46.

[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 24-25.

[3] Ibid. P. 72.

[4] Ibid. P. 1-7.

других народов, так как фактически произошло смещение центра государственности на Восток, из Рима в Константинополь. Культурная основа Римской империи была теперь греческой, необходимо было это обосновать, преодолев высокомерие латиноязычного Запада и утвердив Восточную Римскую империю в качестве преемницы всего римского мира, поставив ее на центральное место в ойкумене[1], что и отражено в сочинении «О магистратах».

Произведение «О магистратах» Иоанна Лида построено по проблемно-тематическому принципу более, нежели по хронологическому. Оно исследует историю римского государства с точки зрения структурных изменений, происходящих в римской государственной системе, и акцентирует внимание на ключевых моментах римской истории, совершенно опуская из вида незначительные на взгляд автора. Показывая взаимодействие римской цивилизации с различными соседними народами, Иоанн Лид выделяет те из них, которые играли решающую роль для формирования и развития римской цивилизации в каждый конкретный период [Ioan. Lyd. De Mag.].

В русле идеи о переносе центра римского мира на восток Иоанн Лид пытается переосмыслить значение римского элемента государственности. Он утверждает идею привнесенности извне основных типично римских черт: вооружение – от галлов, государственное устройство – от этрусков. Он пишет: «Жрецами были прежде те, кто после - правители государства римского, в чем ни одному среди всех не быть в неведении, - тирренами, на запад из Лидии переселившимися, кого тогда этрусками прозвали (народ же был сиканский), лидийским мистериям учившим; их за жертв наблюдение с тусками объединили переименовав. …Инсигнии правителей от тусков перенимающий, царь Нума в государстве ввел, как и оружие, с которым трудно бороться, от галлов» [Ioan. Lyd. De Mag. Prefat.].

Принижая значение римской культуры, он говорит что и латинский язык является производным от эолийского диалекта эллинского языка, коренное население называя варварами: «и ведь не не знал Ромул, или те, кто с ним, что появляется с того времени элладская речь, эолидская говорю, как подтверждает и Катон в «Римских древностях», и Варрон многоученейший во вступлении к «Помпейону», им написанному, от Эвандра и других аркадцев в Италию пришедших, когда и эолийская варварам распространялась речь» [Ioan. Lyd. De Mag. I.5].

Негативно воспринимает он и божество римской общины Квирина, выводя это от греческого κύριος, резко критикуемого им – уподобляя сам этнос римлян деспоту, так как квириты – самоназвание римлян.

Более того, он отказывает римлянам в самостоятельности возникновения их законов, подчеркивая, что за хорошими законами римляне посылали послов в Афины – к афинянам за установлениями ездил Брут, где ему открыл оракул свергнуть тираннию, за правильными установлениями туда же посылали послов

[1] Ibid. P. 11-12.

децемвиры, и сословное деление для службы в армии у римлян было аналогично афинскому, которое ввел Солон, переняв это у египтян, аналогично от афинян и деление на трибы. Он пишет: «Афинянам ведь во всем римляне подражали» [Ioan. Lyd. De Mag. I.47].

Доказывая, что язык римлян и их законы взяты от эллинов Иоанн Лид утверждает эллинское культурное превосходство над римским. Аналогично он утверждает и превосходство Константинополя (бывший эллинский Византий) над Римом, говоря о том, что как монада – исходная сущность, и единица ее выражение, так и Константинополь – выражение Рима (то есть, подчеркивая, что есть только один центр) [Ioan. Lyd. De Mag. II.30].

Обосновывая превосходство Константинополя над Римом, он оперирует понятием обоготворение (κωνσεκρατίω, освящение), что Новый Рим не имеет греха (в отличие от прежнего Рима, при основании которого автор подчеркивает совершение убийства Рема Ромулом [Ioan. Lyd. De Mag. I.5]), за который должен получить наказание, и могуществом затмевает первый. Это же он подчеркивает и в своей периодизации. Он выделяет следующие периоды в римской истории:

1) мифические времена до основания Города,
2) эпоха царей,
3) эпоха республики с консульской властью,
4) эпоха цезарей (от Цезаря до Константина),
5) новая эпоха (от Константина и основания Константинополя) [Ioan. Lyd. De Mag. I.2] - от основания Константинополя, с новой эрой от основания Нового Рима.

Также особо он выделяет латиноязычных жителей Западной части империи, называя их «италийцы» в противовес «эллинам», когда объясняет происхождение какого-либо латинского термина, хотя часто также употребляет общий этноним «римляне»[1].

Преимущество новой цивилизации (с центром в Константинополе) перед прежней он видит в Божественной помощи христианского Бога: «римляне владели прежде только Италией, но сейчас Господь, будучи нашим вождем, дал им контролировать одновременно и каждую землю, и каждое море» [Ioan. Lyd. De Mag. II.24].

Утверждая эллинскую основу для римской цивилизации, Иоанн Лид подчеркивает превосходство и необходимость латинского языка, несколько раз приводя оракул о том, что Фортуна римлян оставит, когда они забудут латинскую речь: «тогда римлян судьба оставит, когда бы они родной язык забыли» [Ioan. Lyd. De Mag. II.12, III.42], связывая его исполнение с реформой Кира Египетского, который ввел греческий язык в делопроизводство на уровне провинциального управления. Это связано с латинским языком как универсальным, органично впитавшим в себя множество слов из других языков: «…в книге пя-

---

[1] *Dmitriev S.* John Lydus...

той «О римском языке», в которой разделяется, какое какое-нибудь слово есть эолийское, какое же галльское, и что одно – тусков, другое же – этрусков, которыми смешавшимися владеет ныне римская речь» [Ioan. Lyd. De Mag. II.13].

Таким образом, язык римлян представлен универсальным, равно как и римская цивилизация в целом, которая также впитывает традиции других народов. Лид показывает заимствования римлян: титул Кесарь идет по родовому имени по примеру египетской традиции от Фараонов и Птолемеев, а монархическая передача власти по наследству – от персов, от латинов – инсигнии царя, трон и трабея, трабею же изобрел сицилийский тиран Агатоклей, от эллинов круглые щиты клипеусы и анкилии, от скифов продолговатые щиты пармы, от Энея – платье римского войска: медный шлем, кольцевидный панцирь, широкий усеченный меч, тканные черные наголенники, сандалии; от сарацин переняли одежды из шкур глубы, от персов и савроматов – хитоны патрициев парагоды, а их обувь кампаги – от тусков; патриции совершали торжественный выезд на повозках из коринфской меди; тройное имя римлян – связано с объединением с сабинянами, надгробный плач нения от эллинов, а также трагедии с греческим содержанием крепидата и комедия паллиата – первые комедии записали эллины-пифагорейцы, жившие в великой Элладе, плащ префекта претория из косской ткани, а пламенно окрашенная ткань (для плащей императоров) – называется парфика от парфян, а застежки пояса префекта полностью - картамера, от галлов [Ioan. Lyd. De Mag.].

Иоанн Лид показывает здесь открытость и синкретичность римской культуры, принимающей многое от обычаев и традиций других народов – чем обуславливается ее универсализм и претензии римского государства на господство над всей ойкуменой.

Наиболее интересно одно из важнейших привнесений – должность префекта претория, вытекающая из должности магистра конницы. Показывая ее преемственность, он оперирует греческими словами - магистр конницы – ἵππαρχος по-гречески, откуда ὕπαρχος, ἔπαρχος (префект) [Ioan. Lyd. De Mag. I.15, II.6], хотя на латыни это абсолютно несхожие понятия (magister equitum – praefectus praetorio, - а на тот момент, когда возник префект претория при Августе, господствующим языком в империи был латинский). При этом Иоанн Лид указывает, что сама конница изначально не присутствовала у римлян, а привнесена извне: «извне конница римлян, и ауксиларии, и коорталии, и турмалии, и из других сил – потом появилось же и чужестранное» [Ioan. Lyd. De Mag. III.3], таким образом, главный институт римской власти в VI веке, на котором, по мнению писателя, базируется процветание римского государства, имеет иностранные корни!

На основе универсальности римской цивилизации Иоанн Лид развивает имперскую идею: он гордится тем, что в отличие от древности, когда римляне владели Италией сейчас они контролируют «и каждую землю и каждое море» [Ioan. Lyd. De Mag. II.24], восхваляет императора Юстиниана за то, что он присоединил Ливию, объединив запад и восток под римской властью, освободил

Рим от уз и варварского господства и восстановил римские территории, а также приобрел территории противника [Ioan. Lyd. De Mag. III.1]. Кроме того присутствует ярко выраженное противопоставление римлян варварам.

Рассматривая развитие геополитических отношений Римской империи на протяжении истории, следует выделить географические районы, которые вызывают интерес писателя на разных этапах римской истории, а также этнополитическую ситуацию там.

Иоанн Лид выделяет следующие географические районы: части света - Север, Запад, Восток, не выделяя Юг совсем; причем Север и Запад он считает варварскими, например, описывая гражданскую войну между Цезарем и Помпеем, он пишет следующее: «племена же из всех, какие были на восходе солнца, - к Помпею, а из варваров всех, какие на закате солнца и севере обитали, - к Кесарю вместе с солдатами присоединились» [Ioan. Lyd. De Mag. II.1].

К Востоку он относит Азию, которая включает Кавказ, Колхиду, Лазику, Нижнюю Азию, в ней области Каппадокию, Лидию, Галатию, Карию и Кипр с ионийскими островами (которые потом были присоединены к префектуре Скифия), также Сирию, Палестину, Аравию, Египет стоит особняком; на Востоке также персидские земли, Гиркания (прикаспийские земли).

К Западу он относит Италию, Ливию, также горы Реции, Кельтику, Галлию и Германику на северо-западе, на Западе река Мозус впадает в залив Британского моря, гранича с Северным Океаном.

К Северу он относит придунайские провинции Скифию и Мезию (Иллирик), Паннонию и Фракию; на Востоке Севера - прикаспийские территории, которыми в прошлом владели римляне, но которые они утратили в царствование Иовиана; весь регион к западу от придунайских территорий включительно он также называет Европа.

Другие территории не попадают в его поле зрения.

Этнополитическая ситуация меняется на протяжении истории римского государства, для разных периодов Иоанн Лид уделяет внимание различным народам, вступавшим во взаимодействие с римлянами.

1) В древнейшие мифические времена он упоминает взаимодействие с племенами и народами тусков, этрусков, сиканов, галлов, аркадцев, сабинян, латинов.

2) В эпоху царей - тусков, сабинов.

Отмечается влияние в эти эпохи: эллинов, сабинян, египтян, финикийцев, кельтов, амазонок, троянцев, скифов (обитавших к северу от Истра), сарацинов, аборигинов, коринфян. Говорится о том, что римские патриции приглашали всех чужестранцев, прибывших в Остию, к себе домой. Упоминаются скитания Энея по Ливии, Минос Критский, Эвандр Тегеец, сицилийский тиран Агатоклей.

3) В эпоху консульской власти: афинян, тирренов, тревиров (галатский народ), упоминается война с Вейями (этруски), война с союзниками Пирра Эпирота (южноиталийское население), предполагаемый, но несостоявшийся поход

Александра Македонского на Италию, нападение Ганнибала на Италию (карфагеняне).

Отмечается влияние в эту эпоху: эллинов, афинян, египтян, пифагорейцев, живших в великой Элладе (Южная Италия), галатов, упоминает евреев, ассирийцев, египетского царя Птолемея, племена трибаллов и бессов.

4) В эпоху цезарей: персов, гетов, египтян, фракийцев упоминаются:

- гражданская война между Цезарем и Помпеям, в которую вовлечены «все племена» на востоке (эллинистических государств Малой Азии и Ближнего Востока) и «из варваров все» на западе и севере (галльские племена),

- триумф Цезаря с триста пленными царями (галлы),

- гражданская война Октавиана Августа с Антонием и захват Египта,

- победа Октавиана Августа над Антонием и Клеопатрой в битве при Акции,

- постройка царем Иродом города Никополь в честь нее у Левкаты и бухты Акция (отчего Эпир называется Палестиной),

- арест каппадокийского царя Архелая императором Тиберием после коварного вызова в Рим и переименование Мазаки в Кесарию,

- нападения Корбула на персов через Колхию при императоре Нероне и захват Нисибиса римлянами,

- разведение осетров между Кампанским и Остийским морями, привезенных из Нижнего моря (Черное море) командиром карпатского флота Оптатом в правление императора Клавдия,

- война императора Траяна с гетами и захват их вождя Децебала и Скифии со многими богатствами,

- посольство Палладия и заключение мирного договора с персами в эпоху Галерия Максимиана.

Отмечается влияние: эллинов, персов, парфян, варваров вообще – с этим боролись Август и Тиберий, упоминается Косский остров.

5) В новое время: вандалов (германское племя), варваров обитавших за Истром, персов, сигамбров (франков), мавров, гетов, скифов, гепидов, фракийцев, эллинов, италийцев.

Упоминает:

- перемещение военных сил на Истре на восток и рассеяние их по территории Нижней Азии, после того как Константин покинул Рим (и перенес столицу в Константинополь), в результате чего были потеряны Скифия и Мезия и налоги от них из-за набегов придунайских варваров на Европу;

- переговоры между префектом Салютием и начальником персов Исдигердом о совместном строительстве форта у Каспийских ворот после неудачного похода императора Юлиана;

- оставление римлянами Артаксаты (Армения) и прилежащих ей территорий в правление императора Иовиана;

- строительство одними персами крепости Вирапарах у Каспийских ворот, в то время как римляне обеспокоены войнами на западе и севере;

- отправка посольства Споракия к персам с первой выплатой за охрану Каспийских ворот при императоре Феодосии Старшем для заключения мирного договора;

- планы Аттилы по нападению на Восточную Римскую империю в правление императора Маркиана (гунны);

- вторжение вандалов в Ливию через Пиренеи и Испанию с севера;

- разгром варварами (вандалами) огромного и очень дорогого флота с десантом под командованием Василиска в правление императора Льва;

- покупки мира у варваров при императоре Зеноне;

- постройка стратегически важной крепости Дара выше Евфрата при императоре Анастасии;

- войны с персами при императоре Анастасии по поводу выплат от римлян за охрану персами Каспийских ворот против персидских сил Кавада Старшего: первоначальные поражения римлян (из-за праздности, трусости и неопытности военачальников Ареобинда, Патрикия и Гипатия), захват крепости Амида персами, дальнейшие победы римлян, освобождение ими Амиды, мирные переговоры в Вирапарахе (под руководством магистра оффиций Келера), небольшие уступки Анастасия Каваду;

- землетрясение и уничтожение Антиохии Селевкии на Оронте в первой пол. VI в.;

- вторжение персов под предводительством Хосроя в Сирию через Аравию после смерти императора Юстина, захват им недавно восстановленной после землетрясения Антиохии, ее разграбление и сожжение, разграбление им Сирии;

- выплаты Юстинианом персам при Хосрое золота, начало войн с ними;

- атаки персов на Дару и поражение их в войне при императоре Юстиниане;

- возвращение Ливии и Рима при Юстиниане, триумф над вандалами и их королем Гелимером после присоединения Ливии, и обращение всех пленных вандалов в рабство, триумф над гетами и их королем Витигисом;

- разорение Хосроем Сирии;

- подавление восстания мавров;

- война с гетами на Западе;

- разорение скифами Колхиды и Кавказа;

- разорение Фракии (бесчисленными зверями);

- ежегодные затраты префекта Фоки на выкуп захваченных врагами пленников.

Отмечается влияние: эллинов, италлийцев, галлов, египтян, ливийцев - упоминаются префекты претория Кир Египтянин, Иоанн Каппадокиец, Гефастий – потомок «первого царя Египта» Гефеста, Марин из Сирии; патрикий Константин из Мазаки, поэт Клавдиан Пафлагонский; в географическом контексте: учреждение префектуры Скифии при Юстиниане и присоединения к ней Карии, ионийских остров и Кипра (Керастий), основание Константинополя при

Константине, образование пяти префектур: Италии, Ливии, Галатии, Иллирика, Востока; злоупотребления каппадокийца Иоанна Максиплюмбакиса в Лидии, доставка деликатесов для префекта Иоанна Каппадокийского из Геллеспонта, Эвксина, местностей Фасиса.

Таким образом, можно проследить, как у Иоанна Лида меняется этнополитическая ситуация на протяжении римской истории: в мифическую эпоху и эпоху царей он указывает на преимущественное взаимодействие с этрусскими племенами и сабинянами; в эпоху консулов акцент несколько смещается – усиливаются отношения с эллинами, галлами, продолжаются отношения с этрусками; в эпоху Цезарей происходит выход за пределы Италии – активизируются отношения с персами и жителями придунайского региона; в новую эпоху империя приобретает вселенское значение – происходит взаимодействие с народами по всей ойкумене – на севере с германцами, франками, в придунайском регионе – с готами (гетами), фракийцами, на востоке – с персами, на западе – вандалы, готы. Юг кажется не входящим в сферу имперских представлений Иоанна Лида. Основную угрозу он, кажется, видит с севера и запада, который он характеризует как населенный варварскими племенами.

В целом, можно сказать, что наибольшее внимание Иоанн Лид уделяет этнополитической ситуации в его время, нежели в более древние времена. Несмотря на имперские амбиции и позицию, что Римская империя лишь на время утратила свои территории на западе и севере, автор кажется обескураженным более поздними поражениями римлян – завершая свои рассуждения о международных отношениях описанием ситуации поражений на всех фронтах: «Так как он угрожал хранить бдительное око также на сигамбров (так живущие вокруг Рена и Родана зовут себя, в настоящее время франки после лидерства), снова Хосрой, как если ничего не имел недавно переговоренного, неожиданно устремился вперед по Сирии когда римские силы сражались и в Ливии, которая была взбудоражена маврами, и на протяжении целого запада, который был беспокоим гетами, и когда скифы беспокоили Колхиду и Кавказ, и бесчисленными зверями была беспокоима Фракия…» [Ioan. Lyd. De Mag. III.56].

Иоанн Лид видит причины поражений во внутренних проблемах империи, разорении налогоплательщиков, произволе чиновников, связанном с гибельными реформами в государственной администрации и умалении роли префектуры претория и ее судов…

В целом, произведение Иоанна Лида «О магистратах» дает достаточно целостную картину восприятия римского мира в прошлом и настоящем слоем ранневизантийской служилой интеллигенции. Подчеркивается связь и преемственность с римским имперским прошлым, развивается идея о римском мире как вселенской ойкумене, идеи восстановления максимальных границ империи, восхваляется внешняя политика императора Юстиниана, реализующая эту идею, в то же время, происходят изменения в понимании культурной основы римской цивилизации – происходит перемещение центра римского мира на восток, подчеркивается его эллинско-восточная (этруски - из Лидии) база, вторичность

римской культуры по отношению к эллинской, центром становится Константинополь, в прошлом эллинская колония Византий, его приоритет обосновывается Божественной санкцией – освящением, отсутствием греха, также противопоставляя римлян как носителей универсалистской идеи цивилизации непосредственно этносу римлян, утративших эту идею, называя их «италийцы».

Рассматривая взаимодействие римлян с другими народами, автор показывает универсальность римской культуры и латинского языка, которые вбирают в себя элементы культуры различных народов, этим утверждая господство римской цивилизации в мире. Отношения римлян с другими народами Иоанн Лид рассматривает через призму расширения территории римского государства и римской культурной ойкумены. Но эти идеи к VI веку стали утопичными и опасными для римского государства (идеи вселенской империи), что не может не заметить писатель, это его очень обескураживает, но причину этого он видит во внутренних проблемах – нарушении правильного функционирования римской административной системы.

Таким образом, к началу VI в. в регионе Средиземноморья сложилась новая геополитическая ситуация: Римская империя переместилась на восток, охватывая территории Балкан, Малой Азии и Закавказья, Восточного Средиземноморья и Египта (с незначительными локациями в Причерноморье и Италии), стратегически уязвимая на севере в районе Дуная, на востоке на границах Сирии и Месопотамии, а также в западной части Средиземного моря. Основные угрозы для империи исходили с востока от усилившейся Персидской державы, с севера и северо-запада - от многочисленных варварских народов и племен, с запада – от вандалов в Северной Африки. Иоанн Лид, в целом, верно отражает геополитические реалии своего времени, а также на протяжении истории, но неверно осмысливает приоритеты внешнеполитических направлений, следуя исторической традиции их осмысления. Историческое развитие Римской империи определяло западное направление приоритетов внешней политики, и имперская идеология первой половины VI в., ярко выраженная в сочинении ранневизантийского писателя, ученого чиновника Иоанна Лида, следовала этой традиции.

В работе Иоанна Лида «О магистратах» показана новая, сложившая в VI в., имперская идеология, опирающаяся на историю развития римского государства, но отражающая реалии этого времени, когда центр Римской империи сместился на восток, а основой стала греческая (эллинская) культура и христианство. Через призму этой идеологии писатель рассматривает современную геополитическую, а также историческую ситуацию, видя перспективы развития Рима на западе, наследуя традицию восприятия Средиземноморья в качестве центра империи. Эта идеология была характерным явлением для восточноримского общества первой половины VI в., в русле которой осуществлялась внешняя политика императора Юстиниана. Но изменение геополитических реалий (смещение центра на восток и восточные приоритеты Рима) и пренебрежение ими в контексте идеологии привело к страшным поражениям, что также нашло отражение в произведении «О магистратах» Иоанна Лида.

Сочинение Лида является ценным и важным для изучения проблем внешней политики римского государства на протяжении истории и ее осмысления в VI в., так как, нося светский и антикизирующий характер, оно опирается на огромную традицию античности, заложившую принципы объективности и историзма. При этом оно является уникальным в своем роде, не только давая обзор геополитического положения империи в современное автору время, как произведения Прокопия Кесарийского, но и отражая взгляды современников автора на историю государства в целом. Благодаря проблемному характеру сочинения «О магистратах», переосмысление римской истории делается на более высоком уровне, чем простое изложение фактов, столь характерное для аутентичных произведений этой эпохи. В сочинении «О магистратах» передана целостная концепция внешней истории Рима, характерная для 1-й пол. VI в., со всеми искажениями, специфичными для данной эпохи. Во главу угла здесь ставятся межкультурные взаимодействия, сформировавшие римскую цивилизацию, культурный пласт которой и переняло восточно-римское государство.

В более общем контексте это произведение позволяет понять, каким образом исторический процесс осмысливается (вплоть до современности автора) представителем эпохи с точки зрения, лояльной существующей власти и государству. В нем подчеркивается преемственность с прошлым, но при этом в нем акцентируются моменты, характерные для данного времени. Внешняя история рассматривается с учетом геополитических реалий данного периода. В центре цивилизации стоит государство, опорой которого является власть, кто бы ни был ее носителем. Подчеркивается превосходство над остальными того культурного типа цивилизации, который генетически связан с ныне действующим государством, обществом и культурой. Современная власть воспринимается позитивно, приводится идеологическое обоснование правильности существующего режима. Поэтому и внешняя политика считается правильной и оправданной, прежде всего, исторической традицией.

Древняя история в изображении Иоанна Лида: состав и содержание I книги «О магистратах»

«О магистратах» - историко-литературное произведение, написанное образованным чиновником (впоследствии учителем латинской словесности в константинопольском университете) VI века Иоанном Лидом[1] на смеси аттического языка и обычного греческого койнэ[2]. Оно посвящено истории и эволюции римских государственных учреждений от времени их возникновения до совре-

---

[1] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395–527). Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.

[2] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, UK, 2010. P. 263.

менной автору эпохи. Оно является наиболее поздним (написано примерно в середине 550-х гг.[1]) и значительным из всего творческого наследия Иоанна Лида. Считается историческим сочинением, но построенным в оригинальной форме, представляя собой «историю глазами чиновника»[2], акцентируя внимание не на событийном ряде, как в классическом варианте истории, а на изменениях в структуре государственных учреждений, которые как бы определяют вектор развития Римского государства.

Работа состоит из трех частей: 1-я часть охватывает период от становления Римского государства до эпохи принципата, 2-я – эпоху империи, 3-я посвящена одному из главнейших государственных учреждений в VI в. – Восточной Префектуре Претория, затрагивая также и современные автору проблемы внутри общества[3]. В начале трактата писатель дает введение, где определяет цель работы – изучить эволюцию власти в Римском государстве с течением времени: «остается о гражданских рассказать властях, и почему от жреческого устройства к гражданскому переросла форма»[4]. С целью связано и название работы, правда, в нем существуют разночтения: заглавие работы - περί ̓εξουσιῶν (de potestatibus, о властях), название 1-ой книги - περί ̓αρχῶν τῆς ῾ρωμαίων πολιτείας (de magistratibus rei publicae romanorum, о магистратах римлян государства)[5], а у патриарха Фотия в «Мириобиблионе» - περί ̓αρχῶν πολιτικῶν[6] (о гражданских властях).

Первая книга вышеуказанного сочинения представляется наиболее интересной, так как связана с антикварными изысканиями Иоанна Лида.

Иоанн Лид, как и многие интеллектуалы, воспитанный на античной культуре, остро и крайне болезненно воспринимал упадок и гибель античной цивилизации, имевшие место в VI в., связанные с необратимой трансформацией и перестройкой общества, сопровождавшейся разрушением традиционных систем. Античная, языческая в своей основе, культура вытеснялась на периферию общественного сознания набравшим силу христианством, подвергаясь забвению, заменяясь новой моделью, основанной на библейской традиции. В результате происходил дисконтинуитет с античной древностью[7]. Антикварианизм Иоанна Лида связан с попытками предотвратить эти процессы, в своих произведениях он стремится подчеркнуть связь и преемственность современного ему общества с античным, фиксируя реалии древности, дабы спасти их от забвения[8].

---

[1] The Prosopography of the Later Roman… P. 614–615.
[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 72.
[3] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54-65.
[4] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio.
[5] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.
[6] Φώτιος· Μυροβίβλιον· 180.
[7] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 4-5.
[8] Ibid. P. 6-7.

Ту же цель имеет трактат «О магистратах». Показывая возникновение и трансформацию институтов власти писатель непосредственно выводит современные ее формы из древних[1].

Древность является для писателя как бы образцом, идеалом, к которому надо стремиться[2]. Он тщательно собирает материал о первых магистратах у римлян, глубоко исследуя их корни. Во введении он подчеркивает сакральную основу возникновения магистратов, также их лидийско-этрусское происхождение[3].

В начале 1-ой книги дано оглавление. Книга включает 51 главу, каждая из которых описывает определенное явление или объект, связанные с магистратом или инсигнией (главы 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, по мнению А. Bandy, следует перегруппировать по сравнению с греческим текстом по смыслу в соответствии с содержанием: гл. 45 переходит в гл. 35, гл. 35 – в гл. 36, гл. 36 - в гл. 37, гл. 37 - в гл. 38, гл. 38 – в гл. 39, гл. 39 – в гл. 40, гл. 43 – в гл. 41, гл. 40 – в гл. 42, гл. 41 – в гл. 43, гл. 42 – в гл. 44, гл. 44 – в гл. 45[4]). Промежуток времени, который охватывает 1-ая книга включает время от прибытия в Италию Энея до начала правления первого Кесаря: время существования и функционирования магистратов до радикального изменения государственного строя, когда «Кесарь же, единовластвующий, прекратил все магистраты, всей силой властей препоясавшийся единственный»[5].

Всего книга по замыслу автора состоит из 14 частей (глав), каждая касается определенного магистрата или его инсигний; всего описывается 9 магистратов: должность магистра конницы, патрициат, квестуру, децемвират, диктатуру, цензуру, народный трибунат, претуру, должность ночного префекта; кроме того дается характеристика царской власти (там же и об императорской власти), рассказывается об устройстве римского войска и его командирах, о консульской власти, описываются должности эдилов и понтификов, префекта города[6]. Текст книги сохранился не полностью. В книге потеряно 2 листа, где описывалась должность преторов, раздел о преторах дошел во фрагментах[7]. Разделы расположены в зависимости от времени возникновения каждой власти (в том числе военной) в хронологической последовательности их возникновения.

Каждая часть представляет собой как бы отдельный рассказ, единство между ними практически отсутствует, они связаны только по общей цели работы. Описывая определенный магистрат, писатель прослеживает его эволюцию на всем промежутке времени, который охватывает первая книга, переходя к сле-

---

[1] Ibid. P. 46.
[2] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 278.
[3] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio.
[4] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 25.
[5] Ioan. Lyd. De Mag. I. 51.
[6] Ibid. Libri primi capita.
[7] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 25.

дующему, он снова возвращается к древним временам, поэтому хронологическая связь внутри текста получается нарушенной. Отсутствие четкой хронологической связи между отдельными частями делает текст дискретным, прерывистым, прошлое высвечивается отдельными несвязными кусками, показывая периоды образования или изменения какого-либо магистрата, автор совершенно опускает время их стабильного существования. Кроме того, он часто делает обширные этимологические отступления с экскурсами в прошлое или в позднейшие времена, касаясь происхождения каких-либо объектов он сопоставляет их с аналогичными в других странах в различные эпохи или отвлекается от предмета без должного логического перехода, что еще более усиливает бессвязность и неоднородность содержания текста. Кроме того, часто по ходу текста вставляются цитаты и отрывки из сочинений различных писателей, в основном, юристов. Зачастую также писатель повторяет одну и ту же информацию по нескольку раз[1].

Первая глава содержит указание на начальную точку отсчета римской истории – прибытие Энея и троянцев в Италию[2]. Там же автор дает периодизацию истории Римского государства, чем доказывается, что Иоанн Лид писал историческое сочинение. Основным критерием периодизации является изменение формы государственного устройства и связанное с этим изменение значения и функций отдельных магистратов. Автор делит историю на 5 периодов: первый период – отсутствие суверенного государственного образования; второй период – формирование римского государства, основанного на монархической форме власти; третий период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят консулы (республика); четвертый период – римское государство с формой власти, при которой во главе стоят цезари (принципат); пятый период – во главе римского государства стоят императоры, тип государственной власти, современный автору (переход от принципата к доминату и неограниченной монархии). Для каждого периода он дает строгие хронологические рамки:

1) от прибытия в Италию Энея до основания Города – 439 (417) лет

2) от основания Города до изгнания царей – 243 года

3) от консулов до первого Цезаря – 465 (466) лет

4) от Цезаря до Константина – 375 лет

5) от Константина до смерти Анастасия – 224 года и 7 месяцев, внутри выделяется подпериод: от основания Константинополя – 215 лет и 7 месяцев[3].

Первые три периода охватываются 1-ой книгой. В отличие от новейшего времени, датировка и хронологические рамки этих периодов тщательно выверены по различным источникам, как древним языческим, так и более современным христианским, и обладают высокой степенью точности[4]. Хотя основное

---

[1] Ioan. Lyd. De Mag. I.

[2] Ibid. I.1.

[3] Ibid. I.2.

[4] *Bandy A.C.* Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 26.

внимание 1-ой книги сосредоточенно на 2-ом и 3-ем периодах (продолжительность этого промежутка времени Иоанн Лид указывает в 706 лет[1], хотя согласно его периодизации должно пройти 708 лет), он часто перескакивает как на более раннее время, так и к позднейшим эпохам.

В следующих тринадцати главах дается характеристика каждому магистрату по определенному плану (наиболее полный вариант): название магистрата и его этимология, история происхождения и обстоятельства возникновения данного магистрата, основные инсигнии (платье, знаки власти, - дается их внешнее описание, раскрывается значение и символика), обряды, которыми почитается его власть, дальнейшая судьба и эволюция данного магистрата[2].

I период – догосударственный (мифический): глава 1

Вначале 1-ой главы говорится об Энее, его божественном происхождении, отсюда автор начинает римскую историю[3].

II период – царская власть: главы 2 – 8[4]

Вторая, третья и четвертая главы[5] исследуют самую древнюю и главную власть – царскую. Автор говорит о временах Ромула, исследуя истоки его власти, рассуждает о ее тираническом характере. Здесь же следует отступление, где автор изучает сущность монархической власти, сравнивая «правильную» монархическую власть с тиранией, а также с институтом императорской власти. Для легимитизации монархии Иоанн Лид использует иррациональное начало (что делает ее легитимность спорной). Затем он показыват эллинское (эолийское) происхождение латинского языка, поэтому выводит название Квирина – божества римской общины, из греческого языка: «Квирин наречен как если бы κύριος (имеющий силу, власть, властелин, господин, хозяин)». После этого Иоанн Лид описывает инсигнии царской власти: венок, жезл с орлом на вершине, тога с пурпурными полосами и трабея, котурны, трон solium; в конце описывает обряды для почитания царской власти: предшествование царю 12 секир, к которым с течением времени добавлены юбы - длинные копья с султанами на гребне и огненно-красные знамена фламуллы.

Затем следуют древнейшие государственные институты, созданные в течение царского периода.

Пятая часть[6] посвящена образованию армии – второго по древности государственного института. Здесь описывается создание войска Ромулом, его устройство: всего оно состояло из 3000 пехотинцев, разделенных на 30 манипул (по числу курий), возглавляемых центурионом, и 300 всадников, разделенных на 3 отряда, возглавляемых магистром конницы; из войска выделялось 300 скута-

---

[1] Ioan. Lyd. De Mag. I.51.
[2] Ibid. I.
[3] Ibid. I.1.
[4] Ibid. I.1-29.
[5] Ibid. I.1-8.
[6] Ibid. I.9-13.

риев для охраны царя. Затем об инсигниях войска - о вооружении и снаряжении: подробно исследуются отличия 3 видов щитов: scutum, clipeus, ancile; также о форме солдат, ее происхождении, внешнем виде, особенностях, эволюции, в контексте чего говорится об экскубиторах – стражах Палатиума, единственных сохранивших древнюю форму в новейшее время. Также о царской службе attentio.

Шестая часть[1] рассматривает первый по древности магистрат – должность магистра конницы. Говорится о ее значении и могуществе в древности, прослеживается ее трансформация в префектуру претория.

Седьмая часть[2] посвящена исследованию возникновения патрициата, который связан с созданием Сената (первоначально 100 старцев из всех курий). Рассматривая патрициат как должность, Иоанн Лид переносит в древность реалии VI в., когда титул патрикия являлся высшим званием, даруемым императорам[3], хотя в древности это обозначало знатность и не являлось должностью. Автор затем рассматривает происхождение титула patres conscripti (отцы приписанные) – в результате объединения римлян и сабинян и приписывания сабинской знати к Сенату, а также аналогично увеличение вдвое войска (6000 пехотинцев, 600 всадников). Затем он описывает инсигнии патрициев: хламиды с пурпурной полосой-латиклавием и золотой застежкой, хитоны-парагауды с пурпурной каймой и белыми рукавами, сандалии-кампаги; также обряды, которыми они почитались – они выезжали на колеснице из коринфской меди, украшенной рельефами, запряженной быками или мулами. Далее автор рассуждает о происхождении знатных фамилий (рассказывая о происхождении тройного имени римлян), о возникновении клиентеллы, дает расшифровку фамилий наиболее известных родов.

В восьмой части[4] исследуется квестура, Иоанн Лид рассказывает об этимологии слова, происхождении и функциях института квесторов, отличие их от квезиторов, изменении их функций с течением времени (судебная и финансовая сторона), делая отступление, говорит о кандидатах, также о quaestores parricidii (квесторы убийства). В 243 году консулов (267 – 266 гг. до н.э.) во время войны с союзниками Пира Эпирота были учреждены 12 (или 2, по данному вопросу разночтения[5]) quaestores classici (квесторы морские).

II период – республика: главы 9 - 14[6]

Далее автор переходит ко второму периоду своей истории – времени республики и власти консулов[7]. Он рассказывает о происхождении и сущности

[1] Ibid. I.14-15.
[2] Ibid. I.16-23.
[3] *Чекалова А.А.* Патрикиат в ранней Византии. // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 32-44.
[4] Ioan. Lyd. De Mag. I.24-28.
[5] Bandy A.C. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies… P. 101.
[6] Ioan. Lyd. De Mag. I.29-51.
[7] Ibid. I.29-33.

должности консула (от consilia – тайное совещание), о первых консулах – Юнии Бруте и Публии Валерии Публиколе, об инсигниях консульской власти: одежда – фелони и туники-колобы с пурпурными полосами, белая обувь-алута, белые льняные платки (маппы и фациолы); об обрядах: предшествовании им мужей с пучками, перевязанными пурпурными ремешками, и секирами, перенесение консулов, восседающих на троне из слоновой кости, на длинных жердях; функциях консулов (законодательство, ведение войн, управление).

Девятая глава[1] посвящена децемвирату – объясняются обстоятельства возникновения, их функции, автор рассказывает о возникновении должности префекта города, - им назначен первый из децемвиров, на нем лежала функция защиты города от врагов. Далее об инсигниях и обрядах почитания децемвиров: префекту города предшествовали 12 ликторов с пучками, остальным – только 1; они содержались богатыми собственниками – глебами. После того, как власть децемвиров перешла в тиранию, народ изгнал их. Сроки правления децемвиров: 3 года, на 60-м году консулов (449 г. до н.э.) их власть прекратилась. Далее рассказывается о периодах общественного замешательства:

50-летнем периоде интеррексов и военных трибунов (449 – 399 гг. до н.э.) и 5-летнем периоде анархии (в другой главе Иоанн Лид указывает этот промежуток: с 136-го года консулов (373 г. до н.э.) до начала 103-й Олимпиады (368 г. до н.э.)). Затем о реформах общественного управления, связанных с общественными смутами: об изменениях порядка избрания должностных лиц, о появлении новых должностей, о введении должности претора (в 263 году консулов (247 г. до н.э.) - избрание второго претора – для управления чужеземцами); об изменении обязанностей консулов; о происхождении должности эдилов; о смутах и правлении триумвиров.

Говоря о смутах в государстве, Иоанн Лид плавно подходит к характеристике диктатуры, которая призвана была эти смуты пресечь, хотя первые диктаторы появились в Риме значительно раньше, чем децемвиры. В десятой главе[2] автор объясняет происхождение магистрата, его название, полномочия (чрезвычайная временная монархия сроком на 6 месяцев, вводимая для того, чтобы «выпрямлялось бы то, что неуравновешенно»[3]). Далее говорится об инсигниях диктатора – это все царские инсигнии за исключением царского венца. Говорится о значении магистра конницы в период диктатуры (где сопоставление: диктатор / магистр конницы = император / префект претория), его инсигнии и обряды почитания и (ему предшествовали ликторы с пучками (фасциями) без грив), их эволюция (в новейшее время за магистром конницы несет пучки один копьеносец). Затем рассматривается история диктатуры, события в это время, там же перечисляются все, бывшие диктаторами (в порядке изложения у Иоанна Лида):

---

[1] Ibid. I.34-36.
[2] Ibid. – I.37-39.
[3] Ibid. – I.37.

- 1-й диктатор Тит Марций (Ларций) – консулы стали избираться на 1 год, магистром конницы назначен Спурий Кассий, консулы – Тит и Валерий, но они отказались от должности

- 17-й год консулов (492 г. до н.э.) – народное возмущение, введение должности народного трибуна и избрание 2 народных трибунов (Гай Ликиний, Луций Альбин)

- 23-й год консулов (487 г. до н.э.) – разделение власти на 3 части: консулов, городского префекта (здесь о нем же), народа

- 28-й год консулов (482 г. до н.э.) – диктатура Авла Семпрония – общественные смуты, назначение консулами Гая Юлия и Квинта Фабия

- 48-й год консулов (461 г. до н.э.) – диктатура Гая Мамерка

народное волнение, назначение 3 военных трибунов, диктатура Тита Квинтия

- 74-й год консулов (435 г. до н.э.) – война с тирренами, диктатура Марка Эмилия

диктатура Публия (16 дней)

назначение военных трибунов, вражда народа с Сенатом, диктатура Квинта (8 дней)

- диктатура Публия Корнелия Косса

- диктатура Квинтия

- 136 год консулов – начало 103 Олимпиады (373 – 368 гг. до н.э.) – пятилетняя анархия

- восстановление власти консулов: избрание 4 эдилов, 2 квесторов, 1 претора, легатов (помощников командующего), 12 военных трибунов

(угроза вторжения Александра Македонского)

- назначение диктатором Папирия Курсора, назначение авгуров и понтификов

- 263-й год консулов (246 г. до н.э.) – назначен второй претор – praetor urbanus peregrinus (после деления народа на 4 класса и 35 триб назначены еще 3 претора)

- 290-й год консулов (219 г. до н.э.) – вторжение Ганнибала - назначение диктатора и заместителя диктатора, магистра конницы и заместителя магистра конницы.

- диктатура Гая Юлия Цезаря, магистр конницы - Лепид.

Здесь можно наблюдать некоторые несоответствия. Тит Ливий не упоминает диктаторов в 28-й год консулов[1], в 48-й год было избрано 2 консула Публий Волумний и Сервий Сульпиций, а не диктатор[2], Мамерка Эмилия избрали диктатором в 72-м году консулов, а не в 74-м[3], 5-летний период анархии

---

[1] Тит Ливий. История Рима от основания Города. II.34 // Т.I. Отв. ред. Е. Голубцова. М.: Наука, 1989.

[2] Там же. III.10. (5).

[3] Там же. IV.16. (7).

длился с 375 по 370 гг. до н.э., а в 370-м и 369-м гг. до н.э. были избраны военные трибуны, в 368-м г. до н.э. Марк Фурий Камилл избран диктатором[1].

Одиннадцатая глава[2] посвящена должности цензоров. Указываются обстоятельства ее возникновения, функции (оценивать имущество, судить нравы граждан, наказывать распутников). Здесь Иоанн Лид делает отступление и рассказывает о происхождении римского театра, о видах театральных представлений, подробно о комедиях и трагедиях, об истории римской комедии. Подробно исследуется этимология слова nepos (1. потомок; 2. распутник).

Двенадцатая глава[3] рассказывает об учреждении должности народного трибуна: при каких обстоятельствах появилась, какими инсигниями и функциями обладали трибуны (издавать постановления, судить в народном собрании). Рассказывается о возникновении так называемого capita (общественные расходы на фураж) – в 365 году от основания Города, в консульство Луция Генуция и Квинта Сервилия, во время войны с Вейями. Далее Иоанн Лид повествует о составе и устройстве всенародного войска римлян (так как народные трибуны распоряжались возможностью набора в войско): основное войско из 6000 легионеров-пехотинцев, турмы из 500 конных лучников, илы из 600 всадников, также вспомогательное войско, вексилларии из 500 всадников, когорты из 300 щитоносцев; далее таблица с перечислением видов войск и подразделений у римлян, подробнее о адораторах, ветеранах, а также тиронах (самое непрестижное подразделение солдат самого низкого звания, вспомогательные войска), о военной повинности различных классов граждан, о военных званиях и должностях… (Далее текст утерян).

Тринадцатая глава[4], рассказывающая о преторах и префекте города практически вся утеряна, за исключением нескольких фрагментов, где подводятся итоги о судебных полномочиях магистратов Рима: 10 народных трибунов, 2 консула, 18 преторов, 6 эдилов исполняли судебную власть. Также подводя итоги развития этих магистратов, доводит их неизменное функционирование до времени правления императора Тита (не касаясь реформ Домициана и Каракаллы по этическим соображениям).

Четырнадцатая глава[5] завершает 1-ю книгу, она посвящена должности ночного префекта, автор не считает ее полноценным магистратом. Он рассказывает о ночном нападений галлов (начало IV в. до н.э.), послужившим причиной ее учреждения, также об обязанностях префекта и особенностях функционирования (защита от скрытых ночных нападений, поддержание внутреннего порядка и помощь при пожарах), об аналогичных функциях народных трибунов и эдилов. Первая книга завершается эпохой Гая Юлия Цезаря.

---

[1] Там же. VI.35-38.
[2] Ioan. Lyd. De Mag. I.40-44.
[3] Ibid. I.45-48.
[4] Ibid. I.48-49.
[5] Ibid. I.50-51.

Иоанн Лид был серьезным и старательным писателем, усердно собирающим и изучающим материал о древности, пытающимся докопаться до истоков того или иного явления, - в своей работе «О магистратах» он показывает себя очень прилежным и эрудированным знатоком древности, хотя и не очень талантливым автором[1]. Он достаточно слаб и поверхностен как историк, не доискивается до истинных причин того или иного явления, его труд в основном представляет собой несколько бессвязное компилятивное изложение фактов, взятое из произведений более древних авторов, не подвергаясь критическому осмыслению со стороны писателя[2], но это очень прилежная компиляция, ценность его работы заключается как раз в том, что он с тщательностью и прилежанием собирает материал о древности (как греческих, так и римских писателей), с точностью его воспроизводя[3], приводя по каждому вопросу точки зрения разных авторов, тщательно отбирая наиболее подходящий, интересный и истинный на его взгляд, и в результате как из конструктора собирая свое произведение, добавляя к нему различный занимательные факты. Несмотря на то, что он слепо следует источникам и зависит от них, из-за чего текст приобретает сильную неоднородность, его произведение нельзя назвать чистой компиляцией: о самостоятельном характере его произведения свидетельствует наличие достаточно большого числа ссылок на себя («я сказал», «мы исследовали», «нами записано» и т.д.) – в 1-ой книге 28 ссылок! [4] Кроме того, он проделывает большую работу и перерабатывает огромное количество материала, чтобы транслировать латинские политические и юридические понятия в греческие термины, переводя и приспосабливая древнеримскую государственную систему к греческим историческим реалиям. Первая книга опирается на огромнейший пласт источников, прежде всего сочинения антикваров, грамматиков и законоведов. Будучи сам очень компетентным чиновником и юристом - считается, что он участвовал в составлении Дигест (и в перечне составителей в Дигестах есть указание на некоего защитника в суде Центральной Префектуры Претория Иоанна[5]), Иоанн Лид активно привлекает и использует законодательные памятники и труды теоретиков политики, что ставит его работу в гораздо более выгодное положение по сравнению с его современниками-антикварами[6].

Литературный стиль его достаточно приятен, по мнению Фотия, его сочинение «содержит информацию, которая не лишена изящества, более того этот автор доставляет насыщение богато украшенными отрывками, несмотря на из-

---

[1] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 263-264, 278.
[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 7.
[3] Ibid. P. 46.
[4] Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio, I. 1, 2, 8, 14, 15, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 37, 43, 44, 47, 48, 49, 50.
[5] Дигесты Юстиниана. О составлении Дигест. III. 9 // Т.I. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002.
[6] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2002. С. 118-120.

лишнюю холодность в некоторых местах, пишет в должной и очаровательной манере», также отмечая, что в некоторых местах писатель поднимается до аттического слога, в других же – пишет небрежным и вульгарным языком (койнэ), хотя интеллектуал IX века критикует его за неравномерность произведения, небрежность в обращении с историческими фактами, идею и композицию произведения «О магистратах»[1]. Современные исследователи также упрекают Лида за многочисленные исторические ошибки, особенно в первой части этого произведения, достаточно низко оценивая его труд[2].

Список его источников, которые он использует для 1-ой книги «О магистратах», обширен и многообразен. Их можно разделить на группы:

1) законодательные памятники, сочинения законоведов и юристов.
Упоминаются римские авторы и их сочинения: Юний Гракхан «О властях»[3], Аврелий Аркадий Харисий (Лид называет его Аврелием[4]), Ульпиан «О должности квестора»[5], «Протрибуналии»[6], Гай «К законам 12 Таблиц»[7], Павел[8], Помпоний[9], Требатий[10], Фенестелла[11]. Также упоминается закон «О распутниках»[12].
Цитируются отрывки: Юний Гракхан «О властях» - отрывок о появлении квесторов в эпоху царя Туллия; отрывок о функциях квесторов в позднейшее время. Аврелий Аркадий Харисий - отрывок (из «Об обязанностях Префекта Претория») о возникновении должности префекта претория из древней должности магистра конницы и рассуждения о ее могуществе. Ульпиан «О должности квестора» - отрывок о квесторах Палатия, их функциях (повтор Гракхана). Гай «К законам 12 Таблиц» - отрывок о причинах возникновения квестуры, видах квесторов; отрывок о причинах и обстоятельствах появления децемвиров. Павел - отрывок о создании коллегии против пожара. Помпоний - отрывок о судебной власти в Риме. Считается, что эти отрывки писатель взял из «Дигест», на что он сам указывает во введении, так как некоторые работы не дошли до его времени[13].

2) военные сочинения.

---

1 Phot. Bibl. 180.
2 *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 7.
3 Ioan. Lyd. De Mag. Praefacio, I.24.
4 Ibid. I.14.
5 Ibid. I.24, 28.
6 Ibid. I.48.
7 Ibid. I.26, 34.
8 Ibid. I.50.
9 Ibid. I.48.
10 Ibid. I.24.
11 Ibid. I.24.
12 Ibid. I.44.
13 Ibid. Praefacio.

Упоминаемые римские авторы и их сочинения: Цельс[1], Паттерн «Тактики»[2], Катилина[3], Фронтин «О военных должностях»[4], Вегеций Ренат (Лид называет его Ренат[5]). Греческие авторы и их сочинения: Элиан[6], Арриан «Об Александре»[7], Эней[8], Онасандр[9], Патрон[10], Аполлодор «Полиоркетики»[11], император Юлиан «Механики»[12]. Цитируется отрывок из 1-ой книги «Тактик» Паттерна – об устройстве римского войска во времена Ромула.

3) сочинения поэтов.

Упоминаемые римские поэты и их сочинения: Вергилий «Энеида»[13], Персий[14], Ювенал[15]. Греческие поэты и их произведения: Софокл[16], Аристофан[17], Филоксен[18], Клавдиан Пафлагонский «Энкомий Стилихону»[19].

Цитаты: «Аякс» Софокла: ««имеет свой престол на близ моря находящемся Саламине»[20]; «Ахарнянки» Аристофана: «утоптанные старики, сражавшиеся при Марафоне, дубовые»[21]; неподписанная цитата из «Илиады» Гомера[22]: «не благо многовластье»[23].

4) Антикварные сочинения историков, грамматиков и схолиастов:

Упоминаемые римские авторы и их сочинения: Катон Старший «Римские древности»[24], Варрон[25], его сочинения «Помпеион»[26] и «Статуи»[27], Саллю-

---

[1] Ibid. I.47.
[2] Ibid. I. 9, 47.
[3] Ibid. I.47.
[4] Ibid. I.47.
[5] Ibid. I.47.
[6] Ibid. I.47.
[7] Ibid. I.47.
[8] Ibid. I.47.
[9] Ibid. I.47.
[10] Ibid. I.47.
[11] Ibid. I.47.
[12] Ibid. I.47.
[13] Ibid. I. 7, 12, 25, 50.
[14] Ibid. I. 19, 32.
[15] Ibid. I.20.
[16] Ibid. I.3.
[17] Ibid. I.10.
[18] Ibid. I.44.
[19] Ibid. I.47.
[20] Ibid. I.3.
[21] Ibid. I.10.
[22] Homerus. Ilias. II.204.
[23] Ioan. Lyd. De Mag. I.37.
[24] Ibid. I. 2, 5, 47.
[25] Ibid. Praefacio, I. 2, 5, 12.
[26] Ibid. I.5.
[27] Ibid. I.12.

стий «Первоначальная история»[1], Светоний «Об Августе» (Лид называет его Транквилл[2]), Фонтей[3], Капитон[4], грамматик Аспр[5], Лепид «О жрецах»[6], судебная речь Цицерона «На Вереса»[7]. Греческие авторы: Кастор[8], грамматик Диогениан Лексикограф[9], Дион Кассий (Лид называет его Коккейан[10]), Дексипп (Лид называет его Геренний[11]), Диодор «Библиотеки»[12]. Кроме того несколько раз ссылается на собственное антикварное сочинение «О месяцах»[13].

Цитируется: отрывок неизвестного автора – о цензуре Аппия Клавдия и обязанностях цензора[14].

Кроме того, многие источники Иоанн Лид использует из вторых рук. Исследователи отмечают влияние собраний схолиастов Аристофана Византийского, Афинея и других[15]. Исследователи подчеркивают и влияние латинских комментаторов, особенно Вергилия, на «Энеиду» которого наиболее часто ссылается писатель[16]. В разных местах 1-ая книга «О магистратах» коррелирует с энциклопедиями древностей - «Римскими древностями» Дионисия Галикарнасского (рассказы о временах правления первых царей[17]), «Историей от основания Города» Тита Ливия (рассказы о начальной эпохе республики, первый консулах, децемвирах, общественных смутах[18]), «Естественной историей» Плиния Старшего (рассказ о поведении скорпионов зимой[19]), «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия (рассказ о происхождении титула фараона[20]). Кроме того, прослеживается влияние работ современников автора: Петра Патрикия, первого написавшего бюрократическую историю о магистре официй[21], Гесихия Милетского, который составил биографический словарь языческих ученых и

[1] Ibid. Praefacio.
[2] Ibid. I.12, 34.
[3] Ibid. Praefacio.
[4] Ibid. Praefacio.
[5] Ibid. I.7.
[6] Ibid. I.17.
[7] Ibid. I.13.
[8] Ibid. I.2.
[9] Ibid. I. 5, 17.
[10] Ibid. I.7.
[11] Ibid. I.12.
[12] Ibid. I.47.
[13] Ibid. Praefacio, I. 8, 9.
[14] Ibid. I.41.
[15] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 46.
[16] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид…
[17] Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I. XXVI-XXX, XXXI, LIX; II. III, VI, VII, XII, XLVI, XLVI // Т.I. Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи XXI, 2005.
[18] Тит Ливий. История Рима от основания Города. I-X.
[19] Plinius, Naturalis Historia VII.17.
[20] Иосиф Флавий. Иудейские древности. VIII.6.2 // Т.I. М.: Ладомир, 2002.
[21] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 268.

писателей, Стефана Византийского, составившего географический словарь[1]. Также исследователи находят много параллелей в «О магистратах» с «Новой историей» Зосима[2], в частности, первая книга «О магистратах» является «археологией» для более обширной 3-й части, посвященной Восточной Префектуре Претория в эпоху империи, равно и первая книга Зосима является как бы «археологией» - кратко охватывая период греческой и римской истории от Троянской войны до 192 г. н.э. – конца царствования императора Коммода[3]. Но наибольшее влияние на Иоанна Лида оказали работы Марка Теренция Варрона. Собирая древний материал, писатель продолжает традиции своего великого предшественника[4]. Подражая Варрону, Лид стремится создать многостороннюю энциклопедию, также как и древний писатель проявляя интерес не только к древностям, но и грамматике, истории латинского и греческого языка, юриспруденции, государственному устройству, культуре, в частности, театру[5]. Кроме упоминаемых работ Варрона Иоанн Лид также использует информацию из его сочинений, особенно «О латинском языке»: тот же тематический принцип, по которому расположены римские термины, так же слово анализируется по глагольным формам, рассматриваются его значения в разных языках[6]; также «Древности дел человеческих и божественных», «О происхождении римского народа», «О жизни римского народа», где этот писатель-энциклопедист описывая культурно-историческое развитие, подвергает критике настоящее и поучает[7], что вслед за ним воспроизводит Лид, усваивая также симпатии к древности и республике[8]. Также необходимо сказать о работе «О месяцах», являющейся источником для 1-ой книги «О магистратах», которая как и последняя, основана на работах греческих и римских антикваров, языческих философов-пифагорейцев, Платона и Аристотеля, сочинениях философов-неоплатоников, космологических и астрологических сочинениях александрийских ученых, в том числе иудейских и христианских, в частности, Филона Александрийского[9].

5) христианские сочинения.

Упоминаются авторы: Секст Юлий Африкан (Лид называет его Африкан[10]), Евсевий Кесарийский (Лид называет его Памфил[11]) – используются их хроники,

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 46-47.
[2] *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos. // Phoenix, Vol. 57, No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.
[3] *Treadgold W.* The Early Byzantine… P. 111-112.
[4] *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид…
[5] *Альбрехт М.* История римской литературы. Т.I. М., 2002. С. 649-655.
[6] Там же. С. 650.
[7] Там же. С. 646-670.
[8] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium. 21. 2004.
[9] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 48-54.
[10] Ioan. Lyd. De Mag. I.2.
[11] Ibid. I.2.

пророк Даниил[1] (по «Септуагинте»[2]), Аристей[3] (по сочинению «Письмо к Филократу»[4]).

Использование христианских источников Иоанном Лидом представляется достаточно интересным. Религиозная принадлежность Иоанна Лида вызывает много споров среди ученых, начинающихся со времен патриарха Фотия, который не мог определить, какую религию исповедует писатель[5]. Одни считают его христианским писателем[6], другие отмечают языческую тенденцию его работ, пренебрежение к трудам христиан[7]. Поэтому возникает проблема использование христианских источников в 1-ой книге, посвященной римской старине, являются ли они первичными. С одной стороны, Иоанн Лид указывает на христианских писателей Юлия Африкана и Евсевия только в главе, посвященной периодизации, очевидно используя лишь их хроники, а пересказ событий о пророке Данииле и письмо Аристея содержится в работе Иосифа Флавия «Иудейские древности»[8], с которой автор очевидно знаком (см. выше). Но все же следует полагать глубокое знакомство Лида с «Септуагинтой», так как он рассуждает о том, что в книге пророка Даниила в «Септуагинте» употребляется слово ὕπατος[9] для обозначения знатных лиц, а у Иосифа Флавия в аналогичном месте - ὁι πρώτοι[10]. То есть Иоанн Лид должен был изучать «Септуагинту» и достаточно глубоко, или же быть знакомым с сочинениями ее христианских комментаторов, - это свидетельствует как минимум о его интересе к христианству и достаточном знакомстве с христианскими произведениями, а также позволяет положительно ответить на вопрос об использовании им христианских источников.

В контексте «О магистратах» как антикварной истории[11] также интересны этимологические изыскания Иоанна Лида. Он (в греческой транскрипции) объясняет происхождение следующих латинских терминов:

---

[1] Ibid. I.31.
[2] LXX Septuaginta, Daniel III.2.
[3] Ioan. Lyd. De Mag. I.31.
[4] Epistula Ad Philocratem.
[5] Phot. Bibl. 180.
[6] Maas M. John Lydus and the Roman past… - P. 3.
[7] Kaldellis A. The Religion…
[8] Иосиф Флавий. Иудейские древности. XII. 2.
[9] ΔΑΝΙΗΛ· III.2. // Septuagint version of the Old Testamen, with an English translation. London: Samuel Bagster and sons, 1879.
[10] Flavius Josephus. The Judean Antiquities. X.10.5. // Project of Ancient and Cultural Engagement. Texts and Commentaries. [эл. рес.] http://pace-ancient.mcmaster.ca/york/york/showText?book=10&chapter=10&textChunk=whistonSection&chunkId=4&up.x=13&up.y=5&up=up&text=anti&version=&direction=up&tab=&layout=split
[11] Ioan. Lyd. De Mag. I.

princeps (принцепс), imperator (император), toga (тога), solium (трон), tufa (султан на шлеме – варвар искаж. «juba» - грива), celerii (название конницы в древности), scutum (прямоугольный щит), clipeus (круглый щит – греч. происх.), ancille (овальный щит - греч. происх.), ancilla (рабыня, служанка), servus (раб, слуга), famulus (прислужник), gluba (конец одежды из шкур), attentio (царская повинность транспортировки тяжестей), patricius (патриций), legio (легион – греч. происх.) atrabatica (патрицианские тоги с латиклавием), campagus (патрицианские сандалии с ременными застежками), burrichalia (торжественный выезд патриция), titulus (титул), cliens (клиент), pecunia (деньги), quaestor (квестор), quaesitor (квезитор), quaestio (наказание), quaestionarius (палач), questus (жалоба, судебная жалоба), parricida (убийца), candidatus (кандидат), consul (консул), aluta (белая обувь консулов), faciola (повязка консулов), nenia (погребальная жалобная песнь – греч. происх.), glebae (снабжавшие должностных лиц собственники), aedilis (эдил), dictatorus (диктатор), nepos (1. потомок – греч. происх., 2. распутник, расточитель – греко-лат. происх.), nepa (скорпион), nepeta (каламинт, «кошачья мята»), capita (расходы казны на содержание лошадей), cuspus (деревянные оковы), clibanarii (закованные в железо воины), adorator (адоратор, отличившийся воин, уже не принимавший участия в боях) adorea (слава, награда), tiro (неопытный, малоквалифицированный солдат низкого звания, новобранец – греч. происх.), tribus (триба); также этимология греческого слова ἔπαρχος (эпарх, префект претория в Восточной Римской империи)

а также показывает этимологию латинских имен собственных:

Quirinus (Квирин, божество римской общины – греч. происх. «господин»), Varro (Варрон – кельт. происх. «мужественный»; финикийское происх. «иудей), Titus (Тит – сабин. происх., от имени Тита Тация), Silvius (Сильвий - «лесной»), Publicola (Публикола -«заботяйщийся о народе»), Proculus (Прокл – «далеко»), Postumus (Постум – «после»), Vopiscus (Вописк – «оставшийся в живых близнец»), Caesar (Цезарь – «разрезанный»), Flaccus (Флакк – «вислоухий»), Naevius – (Невий – «с пятном»), Lucius (Луций – «свет»), Licinius (Лициний – «кудрявый»), Crassus (Красс – «тучный»), Pinarius (Пинарий – греч. происх. «голодный»), Statius (Стаций – «совершеннолетний»), Faustus (Фавст - «счастливый»), Gaius (Гай – «радостный»), Tiberius (Тиберий – «Тибр»), Appius (Аппий – «у Аппиевой дороги живущий»), Servius (Сервий – «спасенный»), Nero (Нерон – сабин. происх. «сильный»), Naso (Назон – «нос»), Tucca (Тукка – «мясной»), Zicca (Зикка – искаж. «Тукка»), Varus (Вар – «кривоногий», Blaesus (Блез – у Лида «кривоногий», хотя, вероятно, должно быть «шепелявый»), Serranus (Серран – посеянный), Augustus (Август – «священный», Vittelius (Виттелий – «яичный желток»), Brutus – (Брут – «глупый»). Еще ряд терминов переводится на греческий язык без объяснения этимологии.

Также рассказывая о римских обычаях и истории Иоанн Лид собрал сведения о других народах, оказавших влияние на римлян. Упоминаемые этнонимы: переселившиеся из Лидии тиррены, этруски, сиканцы, галлы, латины, египтяне, аркадцы, сабины, эллины, амазонки, кельты, иудеи, финикийцы, сара-

цины, персы, савроматы, италийцы, троянцы, евреи, ассирийцы, коринфяне, трибаллы, бессы, тревиры, галаты, афиняне; Агатоклей Сицилийский, Эвандр Тегеец, Минос Критский, Пирр Эпирот, Александр Македонский; о Ганнибале (карфагеняне), о войне с Вейями (этруски), о городе Сигамбры (галаты), о приходе Энея из Ливии (ливийцы).

Следует рассмотреть хронологические обозначения. Используются:

1) эры – от прибытия Энея, от основания Города (Рима), от основания Константинополя, от начала консульской власти;

2) датировки: по времени консульской власти (243-й год, 17-й год, 23-й год, 28-й год, 48-й год, 74-й год, 136-й год, 263-й год, 290-й год), по именам консулов, по Олимпиадам (начало 103-й Олимпиады), по времени существования Города (365 год Города), по времени войны с кем-либо, по правящему рексу / императору;

3) временны́е индикаторы: сезоны – лето, зима, перемещение солнца в созвездие Льва; месяц – январь, сентябрь; день – сентябрьские календы.

Сюжеты: как Ромул убил Рема; как ему явилось 12 коршунов; как Август (или Тиберий) распустил собрание, когда льстецы его назвали деспотом; как Приск Тарквиний победил в войне сабинов и тусков; похищение сабинянок; объединение римлян и сабинян; как Август рассердился, увидев римлян в варварской одежде; как патриции оказывали благодеяния другим людям и посылали родственников в Остию, чтобы пригласить к себе чужестранцев; как жил род Сильвиев; как сенатор Цетег одевал тогу на голое тело; морская экспедиция римлян против союзников Пирра Эпирота; праздник консуалий; как Брут вопрошал оракул в Афинах; в каком виде диктатор Серран пришел в Рим; как Спурий Постумий, Авл Марций, Публий Сульпиций были отправлены в Афины за законами при децемвирах; возведение Августом базилики, где казна и канцелярия; 50-летнее смятение общественных дел римлян; 5-летняя анархия; как римляне под угрозой вторжения Александра Македонского назначили диктатором Папирия Курсора; нападение Ганнибала на Италию; гражданская война Цезаря и Помпея; как скорпионы зимой живут; война с Вейями в 365-й год города, консульство Луция Генуция и Квинта Сервилия; как Солон по египетским законам установил деление афинских граждан; как тревиры вторглись в Италию, проникли в Рим по канализационным трубам, а гуси Город спасли, разбудив полководца Манлия; праздник почитания гусей; прекращение Цезарем правильного функционирования магистратов. Отдельно следует выделить два наиболее информативных и интересных отрывка: о видах театральных представлений в Риме, история римской комедии; историография военных сочинений древних и современных римских и греческих авторов.

Таким образом, исследуя 1-ю книгу трактата «О магистратах» образованного чиновника и преподавателя VI в. н.э. Иоанна Лида можно сделать следующие выводы: по своей сути эта книга является «археологией» к дальнейшему повествованию, охватывая период от мифических времен прибытия в Италию Энея до единоличного правления Гая Юлия Цезаря. Она построена в виде

ряда рассказов, хотя достаточно бессвязных и запутанных, о всех возникших в древности магистратах, которые построены по определенному плану: магистрат, его инсигнии, история, - расположены в порядке возникновения каждого из них. Данные отрывки достаточно слабо связаны между собой, книга рассыпается на отдельные эпизоды. Кроме этого книга высвечивает ряд событий из древней истории Рима, в основном касающихся возникновения или изменения какого-либо магистрата, представляя собой «взгляд чиновника на историю», хотя и содержит множество исторических ошибок и неточностей. По содержанию книга носит антикварный и компилятивный характер: здесь автор тщательно собрал и переработал огромный материал из разнообразных источников, греческих и римских, как древних, так и современных, являясь наследником энциклопедической традиции Варрона, хотя и часто используя вторичные источники. Он уделяет особое внимание юридическим сочинениям и схолиям. Кроме классической, автор воспринимает и христианскую традицию. Ценность первой части заключается в том, что книга представляет системное изложение о римских государственных учреждениях доимперского периода, а также сохранила множество отрывков из ныне утерянных авторов. Литературный стиль Иоанна Лида достаточно изящен, сама книга насыщена интересными фактами. Особое внимание привлекают лингвистические изыскания. Книга ярко выражает антикварную традицию, существовавшую в VI в. н.э.

Истоки римской государственности в представлении византийской интеллигенции в VI в.

Византийское государство, возникнув на эллинско-римской государственной и культурной основе, сразу же начало утверждать идею преемственности римской государственности[1]. В VI в. эти идеи наиболее интенсивно развивались в царствование императора Юстиниана I (527–565). Он позиционировал себя в качестве реформатора и восстановителя римского государства и римского могущества. Существовала имперская традиция римской старины[2], господства традиции и неразрывности с римским прошлым, а правитель рассматривался как преемник римских цезарей, начиная с Августа[3].

Эта идеология связана с тем, что трансформация и перестройка общества и государства, сопровождаемая разрушением традиционных систем в позднеантичный – ранневизантийский период, воспринималась современниками, как время упадка и кризиса цивилизации, связанное с гибельными нововведениями, что порождало как реакцию – стремление к восстановлению и сохранению си-

[1] *Фрейберг Л.А.* Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. М., 1975. С. 5–52.
[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London, New York, 1992. P. 47.
[3] Ibid. P. 2.

стем античной цивилизации. Поэтому в обществе в указанное время господствовал интерес к прошлому, антикварианизм.

Идеи необходимости сохранения традиционной римской системы управления и государственности наиболее ярко развивались и обосновывались в произведении Иоанна Лида – успешного чиновника Восточной Префектуры Претория, одного из наиболее типичных представителей византийской интеллигенции VI в. – «О магистратах римского государства». Здесь рассматривается история административной системы Римской империи от зарождения магистратов в древние мифические времена до современного автору времени. Компетентность автора в данных вопросах связана с тем, что он сам непосредственно участвовал в системе государственного управления, а также с его высокой эрудированностью[1]. В этом труде он не только представляет историю имперской администрации в течение 15 веков (от основания Рима до VI в.), но и обосновывает значение и необходимость преемственности с древней римской практикой и традициями, его идеалом является государство со стройной и развитой бюрократической системой. Его произведение является проектом и программой реформ, необходимых для преодоления административного кризиса, восстановив античные управленческие формы и порядок[2]. Он призывает к сильной, централизованная власти, где эффективное правительство, управляемое высокообразованным чиновничеством, возглавляется образованным императором, - все основывается на античной римской системе политического устройства, проводимые административные реформы должны улучшить положение в регионах, сближая их управленческую систему со столичной и усиливая связь между ними[3]. Анализ его взглядов на начала римской государственности позволяет изучить продолжение и трансформацию античной мировоззренческой системы в вышеуказанных аспектах в современное ему византийское время.

В работе Иоанна Лида «О магистратах Римского государства» начала римской государственности относятся к значительно более древнему времени, чем основание Рима, несмотря на то, что в его периодизации римской истории основание Рима служит одной из вех развития Римского государства и сам Рим (Рому) автор называет «матерью государства» [Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3]. Такой вывод можно сделать из анализа предисловия к данной работе, где заявляется, что Римское государство является прямым преемником политического образования под властью этрусских жрецов. Это связывается с перениманием инсигний этрусских правителей в правление царя Нумы Помпилия – таким образом, начало римской государственности связывается отнюдь не с Ромулом и не с основанием Рима. Эта преемственность подчеркивается и в цели исследования, заявленной автором так: «…остается о гражданских расска-

---

[1] Ibid. P. 36.
[2] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. – Cambridge, Massachusetts and London, England, 2004. P. 14-15.
[3] *Maas M.* John Lydus… P. 36-37.

зать властях, и почему от жреческого устройства к гражданскому перерастала форма…» [Ioannis Lydi. De Mag. Praefatio].

Иоанн Лид начинает историю римской цивилизации от прибытия Энея [Ioannis Lydi. De Mag.I.1], как и в классическое время подчеркивается преемственность римской культуры от эллинской. Но автор продолжает развивать эту мысль, еще сильнее стремясь показать эллинские корни римской цивилизации - ссылаясь на работы Марка Порция Катона Цензора (Старшего) и Марка Теренция Варрона он говорит, что уже при Ромуле жители околотибрских областей говорили на эолийском диалекте эллинской речи, которая распространилась среди них после прибытия туда аркадца Эвандра [Ioannis Lydi. De Mag.I.5].

На основе этого положения автором обосновывается древнегреческое происхождение самоназвания римлян «квириты»: согласно Лиду, этимология слова восходит к древнегреческому слову κύριος (имеющий силу, власть, господин, хозяин, царь) и связана с правлением Ромула, нареченного Квирином после смерти, служа индикатором тираннического характера его власти – так как название себя господином или деспотом характерно именно для тирана, по мнению автора [Ioannis Lydi. De Mag.I.5]. Исследователи видят в этом скрытое (завуалированное) осуждение правления императора Юстиниана[1], так как именно при нем утвердилась аналогичная титулатура императора (он утвердил титул κύριος снова[2]) а ее несоблюдение жестко преследовалось – и Иоанн Лид в своем произведении обращаясь к прошлому показывает нелицеприятные реалии настоящего, находясь в скрытой оппозиции власти.

Правление Ромула, согласно Иоанну Лиду, было тиранией, так как его власть основана не на законах и началась с братоубийства [Ioannis Lydi. De Mag.I.5]. Определяя идеальную форму власти в государстве (автором рассматриваются только формы монархической власти, что обусловлено занимаемым им общественным положением и реалиями VI в. в Византии), писатель косвенно указывает, каким, по его мнению, должно быть государство – прежде всего, основанным на законах, и правитель подчиняется существующим законам так же, как и любой его подданный [Ioannis Lydi. De Mag.I.3]. Поэтому государство Ромула, с точки зрения автора, не является легитимным, и начинать от него римскую государственность автор явно не желает.

Выводя самоназвание римлян таким образом, Иоанн Лид косвенно указывает и на тираннический характер верховенства римского народа над всеми прочими, прежде всего над эллинами: об этом свидетельствует указание, что аркадцы и Эвандр распространяли эолийскую речь среди автохтонного населения, называемого варварами, а потом указывается, что римляне были именно автохтонным народом - «у Палатинского же холма и появившиеся возле высоких берегов Тибра, и вскормленные там» [Ioannis Lydi. De Mag.I.5].

---

[1] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos. // Floriregium 21. 2004.
[2] *Maas M*. John Lydus… P. 15.

Ссылаясь на Вергилия, автор подчеркивает, что не римляне утвердили такие важные инсигнии царской власти, как трон и трабея, а получили их от латинов [Ioannis Lydi. De Mag.I.7]. То есть, римляне переняли государственность от латинов, а не основывали собственное государство.

Этот взгляд на историю Рима входит в некое противоречие с классическими представлениями, принятыми в античное время, например, в труде Дионисия Галикарнасского «Римские древности», источниками которого служили произведения Катона Старшего и Теренция Варрона, на которые ссылается Иоанн Лид (сами они дошли лишь в фрагментах), предстает немного другая картина происхождения римского народа. В первой книге писатель, стремясь доказать, что римляне не являются варварами в эллинском понимании и получили господство над другими народами не просто благодаря силе, выводит их эллинское происхождение всеми путями: древнейшее население территории Рима были варвары сикелы, но их подчиняют себе аборигины и принуждают весь народ покинуть эти земли; с тех пор аборигины все время населяли земли в междуречье Тибра и Лирис (территория средней Италии), в период Троянской войны изменив свое название на латинов; в правление Ромула они стали называться римлянами [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.IX.]; далее автор приводит несколько вариантов происхождения этого народа, наиболее достоверный из которых, по его мнению – происхождение его от одного из эллинских народов, наиболее вероятным из которых автору кажется аркадский, переселившегося в Италию из Ахайи за много поколений до Троянской войны [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XI], это был самый первый народ обосновавшийся в Италии [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XII]. После рядом с аборигинами на этой территории стали селиться и пеласги – эллинский народ, происходивший из Фессалии [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XVII]; после вытеснения пеласгов их города стали заселять тиррены, происхождение которых спорно (вплоть до отождествлени с пеласгами) – по мнению автора это автохтонный народ, римляне называли их этрусками [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XXVI - XXX] (Иоанн Лид разделяет точку зрения о лидийском происхождении этрусков [Ioannis Lydi. De Mag. Praefatio.]). Затем за 60 лет до Троянской войны в данные земли снова прибывают эллинские племена аркадцев во главе с Эвандром, основав столицу на Палатинском холме [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XXXI], немного позже эту местность заселяют другие эллины во главе с Гераклом [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XXXIV], и царь Латин являлся его прямым потомком, его зятем сделался троянец Эней [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XLIII]. После Троянской войны рядом с аборигинами поселились троянцы во главе с Энеем, позже ассимилированные и принявшие имя латинов [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.XLV]; ссылаясь на древних авторов, писатель выводит эллинское происхождение троянского народа – это в большинстве аркадские переселенцы, смешавшиеся с малым числом автохтонного населения Малой Азии [Дионисий Галикарнасский.

Римские древности.I.LIX.]; латинами был основан город Альба, чьей колонией являлся Рим [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.I.LXVI].

Таким образом, классические античные представления о римлянах – как о народе эллинского происхождения, преимущественно аркадского, что отличается от взглядов Иоанна Лида, считавшего их автохтонами.

Также и происхождение государственного строя Рима в труде Дионисия Галикарнасского отличается от представлений Иоанна Лида: после завершения строительства и укреплений Рима, Ромул призвал народ и предложил определить порядок государственного устройства [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.III], следуя гаданиям и небесным знамениям, была установлена монархическая форма власти [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.VI], государственное устройство основывалось на трибах и куриях, где принимались решения и проводились голосования [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.VII], народ поделен на 2 сословия (патриции и плебеи), среди которых распределены общественные функции (управление передавалось в руки патрициев), введены законы, регулирующие их отношения [Дионисий Галикарнасский. Римские древности. II.VIII – IX, XIV, XXI – XXIII, XXV, XXVII], в результате выборов по трибам и куриям из патрициев был создан сенат – совет, совместно с которым царь управлял государством [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.XII]; после похищения сабинских женщин и войны с латинскими городами и сабинами, римляне соединились с ними, а Ромул разделил царскую власть с сабинским царем [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.XLVI]. С соединением двух народов писатель связывает происхождение названия «квириты» - по родине сабинского царя, городу Куры [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.XLVI], чье название связано с сабинско-аборигинским воинственным божеством Квирином, отпрыск которого от смертной женщины, отличавшийся в военных делах, основал одноименный город, то ли в честь божества, то ли в честь копья, которое аналогично называется по-сабински (quiris) [Дионисий Галикарнасский. Римские древности.II.XLVIII]. Эту версию высмеивает Иоанн Лид, так как «квириты» являются самоназванием римлян, а не сабинов, и римляне не могли взять самоназвание от города чужого народа, по месту, где никогда не жили [Ioannis Lydi. De Mag.I.5].

Таким образом, основы римской государственности в классических трудах выводились от Ромула, в то время как у Иоанна Лида – от этрусских жрецов, перенимаемые Нумой Помпилием.

Таким образом, несмотря на антикваризм и идеализацию древности, поиск связей и преемственности византийского государства и античного Рима, в VI в. н.э. произошли некоторые изменения в восприятии римского прошлого, можно выделить следующие особенности:

1) стремление к обоснованию и утверждению эллинского происхождения римской цивилизации;

2) тенденция к принижению роли собственно римлян и Рима в становлении государства и возвышению роли инородного (этрусского) влияния на римскую государственность;
3) презентацая в явлениях и событиях прошлого проблем настоящего, оппозиционность существующей власти.

Причинами трансформации могут быть особенности политической ситуации, сложившейся к VI в., а также специфика культурной атмосферы в византийском обществе в указанный период.

Понижение значения Рима связано с имперской идеологией. К VI в. Римская империя сохранилась лишь на востоке бывшей Pax Romana, на западе империя разрушилась, там образовались варварские государства. Роль нового центра к этому времени – Константинополя – чрезвычайно возросла, теперь Константинополь, а не Рим был столицей империи. Константинополь приобрел новый смысл и символический образ – он приобрел значение, являясь резиденцией императоров, центра империи, центра мира. Выработалась новая базирующаяся на городе имперская идеология: импеартор связывал город-столицу и империю подобно связи его с Богом, посредничеству между землей и небом.

Вся жизнь в Константинопле была проникнута церемониями и ритуалами, обосновывавшими связь императора с Богом, его борьбу с силами зла, город должен был демонстрировать священность и абсолютизм власти императора, ее мировое значение – даже архитектура города должна была отражать иерархию мира и космоса. Например, ипподром в Константинополе назывался современниками «образ космоса»[1]. Имперская теория возрождения былой великой империи была связана с завоеванием и подчинением Рима, «Вечного города», но центр в империи должен быть только один[2] – это Константинополь, город, основанный как христианский, не оскверненный языческим прошлым (история Константинополя не связывалась с историей Византия, она началась в правление императора Константина I). Поэтому в византийском обществе наблюдалась тенденция к принижению роли Рима.

Для Восточной Римской империи были характерны эллинистические, а не римские культурные ценности. Вся система образования базировалась на традициях «эллинской» цивилизации. Византийцы высоко ценили знания, признавали ценность и полезность «эллинской» образованности, рассматривая ее как жизненную необходимость. Античное образование считалось высшим благом, величайшей добродетелью, отличительным знаком. Ценность образования повышалась и практической значимостью – образованный человек мог сделать карьеру на государственной службе, изменить свой социальный статус, стать богатым. Христианские церковные деятели также признавали ценность классического античного образования как подготовку к теологической деятельности, что предопределило ее сохранение и непрерывность эллинистической школы,

---

[1] *Maas M.* John Lydus… P. 26-27.
[2] Ibid. P. 14.

существовавшей без изменений много времени после утверждения христианства как государственной религии.

Эта система основывалась на признании высокой ценности эллинской культуры, греческого языка. В школах Византии читали, заучивали наизусть, комментировали литературные памятники античной Греции[1]. Это все вырабатывало типично эллинское мировоззрение, когда вся ойкумена делилась на культурные эллинские-эллинистические части и варварские.

Через призму этих взглядов воспринималась и римская государственность, значение традиционного римского прошлого принижалось, а эллинское влияние всячески подчеркивалось и возвышалось.

С этим связаны и особенности византийского антикварианизма в VI в. н.э., который стремился выявить эллинско-эллинистические основы и традиции в истории и культуре.

Основой эллинистической образованности была языческая неоплатоническая система. Интеллигенция VI в. н.э. воспринимала неоплатонические идеи (например, Иоанн Лид молодым человеком слушал лекции неоплатоника Агапия в Константинопольском университете[2]), но в правление Юстиниана I нехристианство жестко подавлялось, проводились гонения и преследования язычников (за исключением местных верований отсталых народов в провинциях Римской империи), их собственность конфисковывали, их самих отрешали от должностей, подвергали арестам, изгнаниям, казням...[3]. На времена гонений приходится закрытие знаменитых античных школ и академий, уничтожение языческих памятников искусства и архитектуры...[4]

Власть в лице императора утверждала первенство и ценность христианства как основу государства и общества, интеллигенция же была воспитана на языческих идеалах – это приводило к конфликтам, столкновениям, противостоянию власти и образованных кругов, скрытой или явной оппозиции.

Таким образом, антикварные изыскания представителей интеллигенции в области государственного в Византии в VI в. тесно связаны с реалиями этого времени, изучение начал римского государства позволяло путем установления преемственности современной и древней системы обосновать и подвергнуть критическому анализу административно-управленческую систему VI века. Особенностью являлась «эллинизация» римского прошлого.

---

[1] *Самодурова З.Г.* Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 478–504.
[2] *Maas M.* John Lydus… P. 97.
[3] *Demetrios J.* Constantelos Paganism and the State in the Age of Justinian // The Catholic Historical Review. Vol. 50. No. 3. Oct., 1964. - P. 372-380.
[4] Ibid.

Формирование политической теории императорской власти в Византии в середине VI в.

В первой половине VI в., а именно в период правления императора Юстиниана I, восточная часть Римской империи переживала подъем. Во внешней политике был отбит натиск варваров, отвоеваны утерянные в части Римской империи на Западе (Северная Африка, Италия, Испания)[1]. Во внутренней – была упорядочена система управления, кодифицировано законодательство[2], в экономике наблюдалась стабилизация хозяйства в провинциях[3], проводилось широкомасштабное строительство - восстанавливались и строились новые города, укрепления, дороги, порты, в течение многих веков сохранилось множество храмов, построенных в этот период; в социальной сфере окончательно сформировалась новая византийская общность... Вся эпоха воспринималась как «великая» во все последующие времена[4]. Все эти масштабные преобразования стали возможны благодаря устойчивой централизации власти в руках императора в VI в., которая и достигла пика в эпоху этого императора[5].

Императорская власть в VI в. не была ограничена законом – сформировался образ императора и автократора[6], неограниченная монархия была объективным условием реальности, старые античные нормы политической организации не могли обеспечить выживаемость и существование такой империи как Римская[7]. Но данная власть была не легитимной с точки зрения правовых норм, на которых основывалась традиционная римская государственность[8] - в VI в. легитимность императорской власти опиралась на три составляющие: 1) авторитет, данный от Бога, 2) поддержка сената и народа, 3) опора на армию[9], - поэтому возникла потребность для обоснования ее законности, в первую очередь для образованных слоев византийского общества.

В VI в. византийская интеллектуальная элита по-разному относилась к власти василевса. С одной стороны, император позиционировал себя в качестве восстановителя и хранителя старых античных принципов управления государ-

---

[1] *Удальцова З.В.* Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 39.

[2] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 235.

[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London; New York, 1992. P. 18.

[4] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты... С. 258.

[5] *Maas M.* John Lydus and... P. 14.

[6] Ibid. P. 15.

[7] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т.2. СПб., 2000. С. 211.

[8] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т.1. СПб., 2000. С. 53.

[9] *Maas M.* John Lydus and... P. 41.

ством[1]. Но фактически его власть была ничем не ограниченной монархией: он рассматривался в качестве «живого закона», обладал правом законодательной деятельности, после кодификации им был издан запрет на любое комментирование законов Дигест, он обладал непререкаемым авторитетом в судебных решениях, все должности исполнительной власти были связаны с ним напрямую, как глава Церкви контролировал исповедание ортодоксального христианства[2] – это было сродни тирании, которая была неприемлема для гражданина Римской империи[3].

Для образованной и лояльной к императору части византийского общества необходимо было снять это противоречие. Поэтому разрабатываются концепции, в которых делается попытка провести разграничение между понятиями «тирания» (τυραννίς), «автократия» (ἀυτοκρατία), «басилейя» (βασιλεία).

Наиболее системно это разграничение разработано в произведении Иоанна Лида «De magistratibus populi Romani»[4].

Иоанн Лид представлял собой тип образованного бюрократа – это был интеллектуал, занимавший важный пост в Восточной префектуре претория – ключевом департаменте в имперской управленческой системе[5]. Его служба чиновника определяла его лояльность к существующей системе власти и императору, но классическое воспитание и образование – он происходил из знатной семьи города Филадельфия, получил очень хорошее образование, владел латинским языком, в начале VI в. (начиная с 511 г.) слушал лекции неоплатоника Агапия в константинопольском университете – определили его пристрастие к традиционным античным идеалам и ценностям[6]. Поэтому его отношение к существующей системе управления было весьма специфичным – он не одобрял изменений и преобразований в механизмах управления, придерживался традиционных норм, сложившихся в республиканском Риме и древнегреческом полисе[7]. Кроме того, на него оказало сильное влияние учение Аристотеля о цикличном развитии мира, позволившее ему выдвинуть теорию об упадке и восстановлении сформировавшихся в античности систем и процессов, что отрицало их необратимую трансформацию или исчезновение[8]. Подход к власти императора также был вполне в духе античных представлений, но с поправкой на лояльность к правителю.

В первой книге вышеуказанного произведения Иоанна Лида, которая посвящена республиканским институтам управления в Древнем Риме, в ее нача-

---

[1] Ibid. P. 47.
[2] Ibid. P. 15.
[3] *Ростовцев М.И.* Общество... Т.1. С. 53.
[4] См.: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837.
[5] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts; London, 2004. P. 11.
[6] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54 -65.
[7] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 15.
[8] *Maas M.* John Lydus and... P. 89.

ле дается анализ и современных форм власти, и именно там проводится разграничение между понятиями «басилейя», «автократия» и «тирания»[1].

Сначала Иоанн Лид рассматривает сущность «басилейи» - это идеальный тип формы государственной власти, представляющий собой монархическое государство. При басилейе верховная власть принадлежит василевсу – государю, который есть одновременно также и гражданин, подчиняющийся, как и все остальные граждане, своим собственным установлениям, данным им уже в качестве правителя, а его власть санкционирована добровольным согласием и выбором остальных граждан. Василевс подчиняется законам, они господствуют в обществе, государь никогда не посягает на изменение формы государственной власти, он относится к своим подданным как отец и вождь. Власть и положение василевса не определяются или регулируются какими-то рациональными предпосылками, они иррациональны – сама судьба возносит на престол того, кто наиболее выдается среди других людей своим могуществом. Кроме судьбы указывается на божественное происхождение власти правителя: «[василевса] нам Бог и надлежащего времени разумность охотно дарили»[2]. Опора на иррациональное ярко показывает нелегитимность власти василевса - с точки зрения римского республиканского устройства системы управления, которое было в определенной степени образцом для византийской государственности[3].

Далее дается характеристика сущности тирании: тиран увлекается собственными желаниями, действует по произволу, не соблюдает законов, сам принимает законы без решения сената – в этом ярко проявляется господство республиканской идеологии Древнего Рима в системе представлений о государственной власти Византии в VI в., хотя в реальности еще в конце III в. оформилась система домината, эволюционировавшая к VI в. в сторону абсолютной монархии[4].

Разница между двумя формами государственного устройства подчеркива-ется в конце рассуждений – василевс направляется законами, а тиран сам направляет действие законов, по собственному произволу[5].

Затем Иоанн Лид, описывая зарождение института цезарей (I в. до н.э.), дает характеристику автократии, которая, по его мнению, возникла именно тогда. Это не тирания и не басилейя, автократия возникает во время общественных смут, сопровождаемых произволом и самовластием в управлении, она призвана установить правопорядок и соблюдение законности в обществе и представляет собой власть, аналогичную власти полководца в армии в момент подготовки к

---

[1] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3-4.
[2] Ibid. I.3.
[3] *Maas M.* John Lydus and... P. 89.
[4] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3.
[5] Ibid. I.3.

сражению, когда в войске должна царить дисциплина и порядок и подчинение только одному начальнику[1].

Таким образом, можно выделить несколько основных составляющих данной концепции:

- басилейя, тирания, автократия – формы монархической власти;
- басилейя – идеальная форма власти, она выбирается самими людьми как наилучшая;
- басилейя естествена и обусловлена иррационально – судьбой, Богом;
- при басилейе правитель – выдается среди других;
- при басилейе правитель следует законам, принимаемым совместно с лучшими людьми (сенат);
- при басилейе отношение правителя к подданным аналогично отношению отца в семье;
- тирания и автократия - не басилейя, это худшие формы правления;
- при тирании правитель – раб своих желаний;
- при тирании правитель действует по своему произволу, не соблюдая законов, не утверждая их вместе с лучшими людьми;
- при автократии в руках правителя сосредотачивается неограниченная власть для поддержания порядка.

Данные представления позволяли определить степень легитимности власти правителя с точки зрения республиканских традиций, их выработка должна была ограничить произвол и самовластие автократора. Появление такой концепции свидетельствует об усилении монархической власти, которая начинает выходить за определенные рамки, в представлении современников становясь тиранической. Об этом свидетельствуют дальнейшие рассуждения Иоанна Лида о власти тирана – о том, что именно тираны себя любят называть δεσπότης (господин, хозяин по отношению к рабам, повелитель), а хороший правитель старается этого избегать[2], но в VI в. это наименование в титулатуре стало нормой, и император резко агрессивно относился к тем, кто не выполнял этого[3]. Это сближает автора с позицией другого представителя интеллектуальных кругов - Прокопия Кесарийского, в произведении «Тайная история» прямо утверждавшего, что Византия находится под властью тирана[4], который превысил принятые издревле для василевса полномочия: «...Среди новшеств, введенных в государстве Юстинианом и Феодорой, есть и следующее. Издревле сенат, являясь к василевсу, обычно воздавал ему почет следующим образом. Муж-патрикий приветствовал его, припадая к правой стороне его груди. Василевс же, поцеловав его в голову, отпускал его. Все остальные же удалялись, преклонив перед ним

---

[1] Ibid. I.4.
[2] Ibid. I.5.
[3] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium 21. 2004.
[4] Procop. Caes. Hist. Arc. I. 6-10.

правое колено... ...При Юстиниане же и Феодоре и все прочие [сенаторы], и те, которые имели сан патрикия, оказавшись в их присутствии, тотчас подали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги...»[1].

Такой взгляд на власть василевса был характерен для философов-неоплатоников VI в. (Дамаский, Симпликий)[2], противостоя христианской идеологии. В их учении наблюдается преемственность с идеями, возникшими в предыдущие эпохи. Концепция монархической власти Иоанна Лида не была порождением VI в., она сформировалась достаточно давно, развиваясь в традициях Платона, неоплатоников, неопифагорейцев, перипатетиков, стоиков и киников… С IV в. также огромное значение приобрела христианская концепция, сформулированная Евсевием Кесарийским.

Попытаемся определить истоки представлений Иоанна Лида в более ранних учениях.

Идея судьбы как источника власти правителя ярко выражена в произведениях Гомера, недаром в качестве примера Иоанн Лид берет Аякса Саламинского[3] – персонажа троянского мифологического цикла. В «Илиаде» Агамемнон, например, характеризуется так:

«...пространнодержавный Атрид Агамемнон... /...
О, Агамемнон блаженный, судьбой отличенный с рожденья!»[4]

Идея разумной монархической власти формируется в IV в. до н.э. в произведении Платона «Государство»: «…жалкие вожделения большинства подчиняются там [в идеальном государстве] разумным желаниям меньшенства…»[5]; «… и у правителей и у подвластных существует согласное мнение о том, кому следует править…»[6], выбор правителя определяется его достоинствами[7], государство основывается на следовании законам, данным божественным образом. В нем развиваются 4 основных добродетели: мудрость, мужественность, рассудительность и справедливость[8]. У правителя гнев и вожделение подчинено разумному началу[9]. Для правления выбираются выдающиеся люди, которые достигли высот познания, они подчиняются установленным в государстве законам[10]. Идеальное государство по форме правления представляет собой монархию или аристократию[11]. Тирания – наихудшая форма правления, тиран следует своим при-

---

1 Там же. XXX.21-23.
2 *Kaldellis A.* Identifying Dissident…
3 Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3.
4 Hom. Il. III.178–182 / Пер. В.В. Вересаева. М.-Л., 1949.
5 Plato. Res. IV.431.
6 Там же. IV.431.
7 Там же. IV.433.
8 Там же. IV.427.
9 Там же. IV.441.
10 Там же. VII.519–520.
11 Там же. IV.445.

хотям и желаниям, нарушая любой из установленных обычаев и законов[1]. Государство, управляемое царем, и тирания - противоположны: первое самое благородное, а второе самое низкое[2].

Далее платоновские идеи о власти развиваются в работе Аристотеля «Политика»: здесь происхождение института царской власти рассматривается как эволюция отношений в семье, власть царя уподобляется власти главы семейства[3]. Монархическое правление (царская власть), названное Аристотелем βασιλεία[4],отличается от тирании тем, что в первом случае целью является общая польза, а во втором – выгоды одного правителя[5].

С началом эллинистической эпохи и появлением автократии Александра Македонского, разрабатываются идеи эллинизма, где рассматривается βασιλεία – государство по типу восточной деспотии, характерными признаками которого были: монархическая форма правления с неограниченной властью правителя, его обожествление, создание культа, пышный двор, опора на бюрократию и армию; монарх являлся персонифицированным государством. Данный тип считается непосредственным предшественником византийской государственности[6].

Несмотря на это, продолжают разрабатываться концепции разумного начала монархической власти: так, в работе «Всеобщая история» Полибия указывается: «не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но такое только, в котором управляемые уступают власть по доброй воле и в котором властвует не столько страх или сила, сколько рассудок»[7].

У римских авторов также прослеживается идея полезности монархической власти. Тит Ливий указывает в своем труде «История Рима от основания города», что власть первых царей вплоть до Тарквиния Гордого была полезна и нужна римскому народу, так как сплотила его, также, что они основали новые части Города[8]. Но все же римская историческая традиция была больше республиканской – Корнелий Тацит, например, в работе «Анналы» резко негативно относится к тому, что Гай Юлий Цезарь начал «...подменять собой сенат, магистрат и законы...»[9].

Эта борьба имперской и сенатской тенденций в римской политической мысли была характерным явлением для всего периода существования Римской

---

[1] Там же. IX.574.
[2] Там же. IX.576.
[3] Aristot. Polit. I.VII.
[4] Aristot. Polit. III, 1279a [30] – [35].
[5] Aristot. Polit. III.IV.2-4.
[6] *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и ари-стократическая оппозиция // Культура Византии IV – первой половины VII в. С. 100.
[7] Polyb. Hist. VI.4.
[8] Liv. II.1.
[9] Tac. Ann. I.2.

империи[1]. Но с эпохи принципата комплексно начинают подниматься проблемы правителя и его власти, ее соотношения с властью сената и народа, проблемы ее законности[2].

В речи представителя кинической и стоической философии Диона Хрисостома «О царстве» дается объяснение, какой должна быть власть императора, проводится четкое разграничение ее с тиранией. Хороший монарх, по мнению философа, должен заботиться о благе подданных, быть благочестивым, воздержанным, щедрым[3], доброжелательным и приветливым[4], труды предпочитать богатству[5]. Для солдат он должен быть как сослуживец, для соратников – как друг, а для народа – как отец[6]. У остальных людей он должен вызывать чувство уважения и восхищения, а не ненависти и страха[7]. Также качествами правителя являются искренность и правдивость[8], справедливость[9], благородство[10]. Стремясь жить в мире, он должен быть подготовлен к войне[11]. Одним из самых ясных признаков качества власти царя Дион Хрисостом считает отношение к нему людей после смерти – хорошего царя хвалят не только при жизни, но и после смерти[12]. Далее философ противопоставляет истинную царскую власть и тиранию, приводя изящную легенду о Геракле двух женщинах – олицетворявших царскую власть и тиранию. Царская власть обладает следующими свойствами: величие, красота, достоинство, устойчивость, вокруг нее изобилие и процветание; ее сопровождают Справедливость, Общественный порядок, Мир и Закон – без них она не может принимать ни одного решения[13]. Вторая – Тирания - противоположна первой: путь к ней был опасен, измазан кровью и усеян трупами; ее престол был гораздо богаче украшен, чем у первой, но неустойчив и основание качалось, для нее характерны беспорядок, хвастовство, роскошь, тщеславие, ложное смирение, презрение в лице, отсутствие самообладания и постоянная подозрительность, тоска, гнев и готовность к террору; настроение резко меняется от радости к гневу, сама она вызывала ужас и ненависть; окружали ее Жестокость, Высокомерие, Беззаконие, Интрига, приводящие ее к падению, вместо

---

[1] *Курбатов Г.Л.* Политическая теория… С. 101.
[2] Там же. С. 101.
[3] Dio Chrysostom. The First Discourse on Kingship. 12-14.
[4] Ibid. 20.
[5] Ibid. 21.
[6] Ibid. 22.
[7] Ibid. 25.
[8] Ibid. 26.
[9] Ibid. 35.
[10] Ibid. 34.
[11] Ibid. 27.
[12] Ibid. 33.
[13] Ibid. 70–75.

Дружбы – Лесть рабски услужливая и алчная, больше других готовая к предательству и убийству[1].

С наступлением эпохи домината еще активнее стали обсуждаться в речах риторов проблемы императорской власти. Ярким примером могут служить речи оратора и философа IV в. Фемистия Пафлагонского, который, несмотря на провинциальное происхождение, занимая придворные должности при пяти императорах, ухитрился подняться по служебной лестнице и к концу жизни достигнуть должности городского префекта[2]. Из его ораторского наследия сохранились 34 речи, часть из которых представляет собой панегирики императорам, где обосновывается его концепция восприятия императорской власти: он обосновывал божественное происхождение императорской власти и ее разумное начало, император – это воплощенный закон, сравним с богом, являясь его избранником, поэтому достоин царской власти, поэтому именуется «вскормленным и рожденным Зевсом», а империя - есть мимесис небесного устройства; царь отличается от тирана гуманностью и благой волей, его царственность заключается в добродетелях, а не во внешних инсигниях, его правосудие превосходит косную строгость законов, одно из основных качеств царя – человеколюбие[3].

Продолжением этой темы можно считать произведение неоплатоника Синезия Киренского. Речь Синезия Киренского «О царстве» во многом опиралась на речи Диона Хрисостома и Фемистия, развивая их идеи, но ее коренное отличие было в том, что она подвергает острой критике существующий порядок вещей, затрагивает животрепещущие вопросы – впервые вопрос о царской власти рассматривался применительно к существующим условиям, а не абстрактно[4]. Об императоре он пишет: «...Тот, кого больше всего одарил бог и кому дал возможность еще совершенным мальчиком называться великим императором, тому необходимо переносить всякий труд, воздерживаться от всяких жизненных удобств, отказывать себе в сне, принимать на себя бремя великих забот, если только он хочет быть достойным имени императора...»[5]. Далее указывает на сходство и различие императорской власти и тирании. Эти формы правления сходны в том, что обеспечивают господство одного человека над множеством людей[6], а различие в том, что император «соединяет свои интересы с благом подданных, ...готов страдать, чтобы оградить их от страданий, ...подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, ...бодрствует

---

[1] Ibid. 76–83.

[2] История греческой литературы в 3 тт. Т.3. М., 1960. С. 301–305.

[3] Фемистий // Античная философия. Словарь [Электронный ресурс]. http://enc-dic.com/phyantich/Femisti-261/

[4] *Левченко М.В*. Синезий Киренский. О царстве. Предисловие // ВВ. 1953. Т.6 (31). С. 327–357.

[5] Sines. De regn. 5.

[6] Там же. 5.

днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда...»[1], а тиран «пользуется властью неумеренно, употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихотям...»[2]. Писатель заключает: «...император свои склонности подчиняет законам, а для тирана его склонности служат законом. Власть - вот то, что у них общего, а [образ] жизни - противоположный»[3]. Продолжая свою речь, философ обосновывает божественность получения императором власти и ее подобие небесной: «...бог, являющийся первообразом разумных вещей, дал как бы образец своего провидения и приказал, подражая небесному, исправлять несовершенства земного...»[4], и далее призывает императора сохранять незыблемым существующий строй: «...подобает никогда не оставлять строй, в котором ты поставлен...»[5]. Основными свойствами государя писатель считает: благочестие, самообладание, управление собой, своими страстями, ум, внутреннее спокойствие[6].

Кроме вышеперечисленных концепций императорской власти необходимо рассмотреть также и христианскую, которая имела, можно сказать, одно из ключевых значений в становлении культа императорской власти в первой половине VI в. – император Юстиниан I считался управляющим империей по Божьей благодати, ввел в титулатуру императора название Κύριος (Господин), первым употребил титул Φιλόχριστος (Христолюбивый)[7]1. Она разрабатывалась знаменитым церковным историком Евсевием Кесарийским в его трудах, посвященных царствованию императора Константина. В них утверждалась самобытная, не опиравшаяся ни на какие предыдущие традиции концепция императорской власти, рассматривающаяся в качестве полученной от христианского Бога и, опираясь на Его атрибутивные свойства, провозглашавшая абсолютную монархию без каких бы то ни было условий ограничения, очищая императорский произвол санкциями Божьего провидения. Монарх выступает в качестве проводника воли Божией, поэтому с него снимается ответственность за любые действия. Именно в христианской концепции царской власти в полной мере обыгрывается омонимия значения слова «василевс»[8].

Христос признавался единственным виновником и источником власти василевса-победителя, от Бога он заимствует образ верховного царствования и управляет в подражании небесной форме[9]. Василевс приводит всех «...к едино-

---

[1] Там же. 6.
[2] Там же. 6.
[3] Там же. 6.
[4] Там же. 8.
[5] Там же. 9.
[6] Там же. 10.
[7] *Maas M*. John Lydus and… P. 15.
[8] Это название употребляли для обозначения Господа и монарха, что обыгрывается в обосновании божественного происхождения власти василевса.
[9] Eus. Caes. Or. Ad Const., 1.

родному и спасительному Слову подвластных себе жителей земли... ...заботится о спасении каждого на управляемом им корабле жизни..., ...посвящает самому Всецарю царскую свою душу и преданный Богу ум...»[1], «...для слуха всех пародов проповедуются слова, наставления и убеждения к честной и благочестивой жизни..., ...как бы истолкователь воли Всецаря Бога...»[2]; за что Бог «...соответственно благоговейному чествованию себя, умножая благодеяния, награждает его долгими периодами царствования...», «...Бог, Всецарь, сам соделывает его правление над народами земли сильным и юным, как будто бы оно только теперь возникает...»[3], «...От этого [Божественного] всеобъемлющего разума он [василевс] разумен, от этой мудрости мудр, от причастия этому благу благ, от общения с этой правдой праведен, по идее этой умеренности умерен, от приятия этой высочайшей силы мужественен...»[4]. Все подданные – это «...сыны василевса...»[5], т.е., утверждается значение власти императора как отца. Еще один интересный момент заключается в определении и обосновывании наилучшей формы правления: «...закон царского права именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то, один Бог (не два, не три, не более, ибо, многобожие есть тоже безбожие), один Царь, одно Его Слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним...»[6].

Таким образом, можно сделать вывод об источниках концепции власти императора в VI в.: естественность басилейи и санкционированность ее судьбой или Богом восходит к Гомеру, неоплатонизму, также христианству и восточным учениям, сформировавшим эллинистическую идеологию; характеристика правителя как выдающегося среди других людей – к платоновским представлениям идеального управления, учениям стоиков и неоплатоников; главенство законов и идея совместного управления с лучшими людьми – к платоновским представлениям и республиканизму Древнего Рима, идеализация власти – к учению Платона и Аристотеля, а также к христианской концепции. Представления о тирании сформированы на основе концепций Платона, Аристотеля, учений стоиков, киников, неоплатоников IV–V вв. Идея неограничесннности власти – к христианскому учению, уподобление ее власти отца – к идеям Аристотеля и христианству.

---

[1] Там же. 2.
[2] Там же. 10.
[3] Там же. 3.
[4] Там же. 5.
[5] Там же. 1.
[6] Там же. 3.

Еще можно заметить, что развитие концепций власти правителя всегда связано с периодом упадка демократии и республиканизма и усилением монархических тенденций: идеи Платона возникли во время упадка греческого полиса, Аристотеля – появления эллинистических монархий, Тита Ливия – становления принципата, Диона Хрисостома – начала расцвета и развития принципата в сторону монархии, Евсевия, Синезия и Фемистия – установления и господства домината; таким образом, можно считать появление монархических концепций индикатором усиления политической власти монарха, они фиксировали это как свершившийся факт, санкционировали принятие этого обществом, но при всем том, как бы противостояли этой тенденции, вводя ее в определенные рамки.

Чиновник и власть в Ранней Византии в VI в.: конфликт лояльности (Иоанн Лид, De Mag.)

В VI в. Восточная Римская империя была самым развитым из государств Средиземноморья. К VI в. в империи существовала одна из самых развитых и сложных систем государственного управления, опиравшаяся на тысячелетнюю непрерывающуюся традицию греко-римской цивилизации. Это было государство с развитой бюрократической системой с огромным разветвленным чиновничьим аппаратом, сложившейся формой и порядком ведения делопроизводства, строгой иерархией должностей... Бюрократия была основной опорой власти, именно через огромный штат государственных чиновников различных ведомств проводились в жизнь проекты и решения верховной власти[1], которую в поздней античности олицетворял император, высший магистрат и «живой закон», абсолютный монарх и автократор[2]. Поэтому важно определить степень лояльности чиновничества к высшей власти, от которой в конечной степени зависела эффективность управления империей.

Данная работа посвящена рассмотрению степени лояльности гражданского служащего среднего уровня Восточной Префектуры Претория Иоанна Лида, пример которого может служить частным случаем выражения политических взглядов обширного слоя чиновничества, в частности, служащих Восточной Префектуры Претория - центрального и ключевого департамента империи. Личность именно этого чиновника привлекает внимание, так как его позиция выражена в наиболее комплексно характеризующем структуру государственной власти Римской империи VI в. аутентичном трактате «О магистратах римского государства», написанном им самим. Это произведение историко-литературного характера описывает становление и развитие римских институтов власти, охватывая период от начала римской цивилизации до VI в. н.э. включительно, пока-

[1] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, London, 2004. P. 1.
[2] *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 101.

зывая неразрывную связь и преемственность между римским и византийским государствами[1].

Отношение Иоанна Лида к власти, показанное в вышеуказанном трактате, достаточно противоречивое: можно отметить две противоположные тенденции – с одной стороны высокая лояльность к правящему императору и высокая оценка его деятельности, с другой – приверженность республиканизму и латентная оппозиционность на фоне реакционного и критического отношения к современности VI в., которой противопоставляется идеализированный образ античного прошлого.

Данная противоречивость взглядов Иоанна Лида связана в первую очередь с конфликтом между карьерными интересами и его мировоззрением, связанным с воспитанием и образованием. Классическое образование и культурные традиции, в которых он был воспитан, оказали огромное влияние на него, ощущавшего свою принадлежность традиционному античному обществу, ценности которого были в глубоком упадке в VI в., заставляя его обрушивать жестокую критику на существующий строй[2]. С другой стороны, карьерные интересы не допускали какой-либо оппозиционности властям, а поддержка императора обеспечила карьерный рост, что делало Лида апологетом и сторонником императора Юстиниана[3]. Эта борьба хорошо проявляется в работе «О магистратах».

Античное мировоззрение отражают его политические взгляды. Они восходят к системе взглядов Платона об идеальном государстве и традициям римского республиканизма[4]. В начале трактата «О магистратах» он, анализируя существующие формы монархической власти и выделяя их основные признаки, дает идеал государственного устройства. В качестве образца он принимает форму «василейя» (от др.-греч. «царская власть, царство, государство»), которая основывается на главенстве законов, правитель, превосходит остальных своими качествами, избирается с общего согласия граждан, управляет во всем подчиняясь установленным законам, никогда не изменяя ни государственных законов, ни государственного устройства, которое незыблемо сохраняется, и при этом носит республиканский характер – в виде «политии» (др.-греч. «гражданство, управление государством, государство, демократия, республика») [Ioannes Lydus. De mag. I.3]. С особым восхищением он описывает консульскую власть, как один из основных институтов римской Республики: «целую политию (республику) устраивает, от отечества ничего не доставляя, публичное управление устанавливает, богатство и глубину снежной справедливости укореняет гражда-

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 72.
[2] Ibid. P. 4, 5.
[3] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395 – 527). Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.
[4] *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix, Vol. 57, No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.

нам, и времени дает наименование приятное, и заблуждения устраняет договором, вражду впредь не принимая на себя, совершенно как мать римской свободы ставшая; противоположна же тираннической власти» [Ioannes Lydus De mag. II.8].

Будучи приверженцем республики, Иоанн Лид поэтому резко неприязненно относится к любым искажениям государственной формы, представленной выше, какие бы они ни были, которые он резко критикует. Особую ненависть вызывает у него тирания, которую автор рассматривает как подлинное бедствие – где произвол монарха ничем не ограничен, он творит беззакония, насилие и принуждение по отношению к подданным, по своей прихоти может изменить и законы и государственное устройство – это ведет к страшным несчастиям и гибели государства. Основными признаками тираннии Лид указывает умаление роли закона и произвол, насилие по отношению к подданным, нововведения и реформы, подрывающие старый порядок: с негодованием описывая ее, автор к тираннам относит и основателя римского государства Ромула, который убил своего брата, чтобы захватить власть, и первых царей, не опирающуюся на закон, тираннческими он считает и времена Мария и Суллы – «несчастные времена, ведшие к погибели, когда их вражда отражалась на подданных несчастьями» [Ioannes Lydus. De mag. II.1]; также тираннией он называет и власть императора Домициана, который «низвергал древностью установленные обычаи» [Ioannes Lydus. De mag. II.19], но окончательный поворот к тираннии произошел в правление императора Диоклетиана, «кто первый окружил голову царской диадемой», что несло бедствия для подданных – «опять земля обмерена и бременем отягощена»… [Ioannes Lydus. De mag. I.4] Он бескомпромиссно критикует и автократию – переходную форму от василейи к тираннии, когда император правит один, самовластно, его власть неограничена, опирается на авторитет войска, и хотя он стремится к порядку и законности, она незаконна - обозначение автократора не является государственным (узаконенным), власть его он называет «взятой взаймы» [Ioannes Lydus. De mag. I.4], автор осуждает Цезаря за сосредоточение в руках одного человека главных магистратов – «божеством одновременно и понтификом, и консулом, и вечным правителем, и первым из римлян, и защитником всего земного круга, и магистром конницы, и отцом отечества, и императором, и стражем города, и первым народным трибуном пожелал называться», - говоря, что царское государство Цезаря «подводило к рабству» [Ioannes Lydus. De mag. II.2]. Жестко осуждает Иоанн Лид и использование наименований «господин», «деспот», которые по его мнению, являются яркими признаками тираннии: «Господами ведь себя и деспотами, но не василевсами, любят называть тиранны». Говоря о тираннии Ромула, он объясняет именно этим его наименование «Квирин», давая причудливую этимологию от «кюриос» (др-греч. «господин, хозяин, царь, имеющий силу, власть»). Эти титулы он считает подходящими для рабов, но не римских граждан: «Ненавистное ведь и чуждое римской свободе деспотов, но не государей могущественных название, ведь деспот – имя того, кто рабом владеет» [Ioannes Lydus. De mag. I.5-6].

Поэтому Иоанн Лид горько оплакивает современный упадок, где явно проявляются признаки тираннии. В VI в. в Римском государстве вся власть сосредоточилась в руках императора, особенно усилившись в правление Юстиниана I: власть монарха была ничем не ограничена, он обладал высшей юридической властью, все административные магистраты и армия были подчинены ему, он считался главой церкви, также он обладал исключительным правом издавать законы[1], сенат же лишился реальной власти: «Сенат сидел, словно изображение на картине, не являясь господином своих решений и не обладая влиянием для доброго дела, но собирался лишь для вида и ради соблюдения древнего закона, поскольку никому из собравшихся здесь вообще не позволялось подавать голос» [Proc. Caes. Hist. Arc. XIV.8 / пер. А. Чекаловой], - равно сведены на нет политические права всего населения, по отношению к разным категориям населения со стороны власти наблюдался жесточайший произвол[2]; император Юстиниан широко пользовался своим законодательным правом, в его царствование было издано много новых законов – новеллы Юстиниана стремились регламентировать все сферы жизни общества, сосредотачивая еще большую власть в его руках[3] – и он официально ввел в титулатуру императора наименования «кюриос», «доминус», «деспотес»[4]. Кроме того, даже исчез основной символ и институт республики – консульская власть, - в годы правления императора Юстиниана: в одной из хроник VI в. последним годом консульства датирован 548 г. [Marc. Com. Chron. / пер. Н. Болгова], после которого назначение консулов, по свидетельству современника «перестали видеть даже во сне…» [Proc. Caes. Hist. Arc. XXVI.15 / пер. А. Чекаловой].

Лид обнаруживает признаки тираннии и упадка древнего республиканизма и не может закрыть на это глаза: «Величайшие а вскоре все следы стиравшиеся разумной древности, кто видит, те постоянные слезы не оставляют, узнавая от предшествующих, как поддерживал прежде закон подданных свободу, и сколь мало добра из-за начавшихся несчастий на наше время выпало…» [Ioannes Lydus. De mag. III.11]. Современность представляется писателю временем в упадке и критическом состоянии, в которой остались лишь руины и обломки античной цивилизации[5]. Государство, по его мнению, стоит на краю гибели – с современностью он связывает исполнение оракула, предрекающего уничтожение Римского государства [Ioannes Lydus. De mag. III.42]. Лид критикует существующий строй, с горечью рассказывая о вредоносных нововведениях и разрушительных реформах, особенно в сфере администрации[6], говорит об огромном количестве введенных налогов, которыми население было совершен-

[1] *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908. С. 25–27.
[2] Там же. С. 278–281.
[3] Там же. С. 275.
[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 80.
[5] Ibid. P. 4.
[6] *Kelly C.* Ruling the Later... P. 35.

но разорено, описывает разбой и насилия, творимые чиновниками администрации по отношению к жителям при их сборе, указывает, что именно из-за бесчинств высших чиновников - квесторов и преторов в Константинополе - произошло восстание «Ника»… [Ioannes Lydus. De mag. III.70] - и в качестве воплощения тираннического произвола приводит деятельность Иоанна Каппадокийца – всесильного префекта Восточной Префектуры претория в 30-40-е гг. VI в., с которым и связывает все зло, наделяя его всеми отрицательными чертами, характеризуя именно его как тиранна, но ни слова критики об императоре, распоряжения которого исполнял Каппадокийский[1].

Императора Иоанн Лид описывает исключительно в панегирических тонах. Рассказывая о его характере, писатель сравнивает императора Юстиниана в воинской доблести с императором Траяном; в благочестии, нравственности и мягкости уподобляет его Августу; в непорочности – императору Титу; а благоразумием и рассудительностью василевс был превосходящим Марка Аврелия [Ioannes Lydus. De mag. II.28]. Это же и в отношении к правлению императора - несмотря на, как указано выше, нарисованную им плачевную картину современного времени, Иоанн Лид никогда не критикует императора, более того, при характеристике власти василевса, автор строит как бы противоположную картину. Первую главу третьей части «О магистратах», посвященной современности, писатель практически целиком посвящает прославлению первой половины царствования Юстиниана: благодаря ему сильнее чем раннее стало государственное устройство - именно он восстановил в блеске и благоустройстве почти погибшую при его предшественниках Префектуру Претория Востока – главный институт власти; при нем возвращена Ливия и освобожден от варваров Рим - «мать государства»; прекращены смуты, восстановлена справедливость, законы восстановлены и очищены от ошибок, что помогло прекратить долгие тяжбы; а доблесть василевса превосходит качества всех императоров, хвалимых прежде [Ioannes Lydus. De mag. III.1]. Он отмечает мудрость и образованность императора, являющегося «любителем учености» и стремящегося поддерживать и развивать ее [Ioannes Lydus. De mag. III.30]; указывает, что при принятии какого-либо решения Юстиниан всегда тщательно изучал проблему, например, принимая решение о реформах, связанных с префектурой Скифии, он прочитал книги об истории и военной силе этой страны, и принимая меры, думал о том, чтобы сохранить эти земли для империи [Ioannes Lydus. De mag. II.28]. Писатель стремится подчеркнуть заботу василевса о благе государства, говоря, что он работал не зная отдыха, даже ночью, стремился во все вникать, ничего не оставлял без внимания… [Ioannes Lydus. De mag. II.15, III.15]

Высокая лояльность Лида связана со степенью сосредоточения власти в руках императора в период царствования Юстиниана, когда его роль очень возросла. Строгая иерархичность в бюрократической системе была нарушена, все чиновники полностью подчинялись и занимали одинаковое положение перед

[1] Ibid. P. 56–60.

императором: можно было занять высшую должность, имея очень низкий ранг, а самое высокое положение не защищало от императорского гнева[1]. Поэтому Иоанн Лид всячески стремился выразить и подчеркнуть свою лояльность императору. Кроме того, идеализируя прошлое, писатель надеется на восстановление древних порядков и обычаев. Он даже разрабатывает концепцию истории, основанную на трудах Аристотеля, воспринимая время циклично: согласно Лиду, в истории сменяются периоды рождения, развития, упадка и восстановления[2]. Василевс позиционировал себя в качестве реформатора и восстановителя римского государства и римского могущества, существовала имперская традиция римской старины, господства традиции и неразрывности с римским прошлым, а правитель рассматривался как преемник римских цезарей[3]. Поэтому автор очень лоялен к его правлению, надеясь на возврат к порядкам старины. В своей работе «О магистратах» он выдвигает план ретро-преобразований: там развивается идея необходимости сохранения римской системы управления и государственности, обосновывает значение и необходимость преемственности с древней римской практикой и традициями, его идеалом является государство со стройной и развитой бюрократической системой, сильной, централизованная властью, где эффективное правительство, управляемое высокообразованным чиновничеством, возглавляется образованным императором, строго следуя установленным в античное время порядкам[4]. Он пытается представить императора Юстиниана как реставратора, который восстанавливает государство из руин к состоянию его расцвета, происходившего в античности, говоря, что он «связывает разорванную временем древность» [Ioannes Lydus. De mag. III.1], всячески идеализируя его образ.

Это приводит к противоречию. Лояльный к императору, автор пытается всячески оправдать его от тирании.

1) Тираннический характер императорской власти в VI в. он относит к реформам предшественников, в частности, императора Диоклетиана, с которого и началось падение государства к тирании [Ioannes Lydus. De mag. I.4].

2) Царствование Юстиниана автор не считает тиранней [Ioannes Ludys. De mag. I.3]. По мнению исследователей, писатель в начале своего труда для того и разрабатывает тонкую концепцию о трех формах монархической власти, четко разграничивая василейю от других форм, чтобы отличить царство Юстиниана от тирании, боясь нежелательных аналогии при описании правления первых римских царей[5].

---

[1] *Гийу А.* Византийская цивилизация… С. 108.

[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 85.

[3] Ibid. P. 33–35.

[4] Ibid. P. 31.

[5] *Dubuisson M.* Jean le Lydien et les formes de pouvoir personnel à Rome // Cahiers du Centre Gustave Glotz, 2, 1991. P. 55-72.

3) Он указывает, что император правит не как тиранн, а как добрый отец, и поэтому против собственной воли в смущении допускает наименования «доминус», «деспотес» и «кюриос», из-за мягкости и гуманности, не в силах запретить такое почитание [Ioannes Lydus. De mag. I.6]. Лид забывает о том, что это были официально установленные эпитеты, выражающие мощь императорской власти, выбивавшиеся на монетах, а их несоблюдение жестоко преследовалось[1].

4) Стремлением идеализировать современную власть можно объяснить и противоречивое введение монархического начала в форму политии. Угасанием издревле установленных принципов республиканизма можно считать умаление роли институтов, традиционно избиравших и утверждавших императора (сенат, народ и впоследствии армия), и подчеркивание роли иррационального фактора - судьбы и божественной силы - в его восшествии на трон [Ioannes Lydus. De mag. I.3]. Об упразднении консульств, о чем автор не мог не знать, он предпочитает умолчать[2].

5) Крайне негативно воспринимая все новшества, он в то же время акцентирует внимание на изменениях, произошедших в правление Юстиниана [Ioannes Lydus. De mag. II.28]; но реформы императора он объясняет, как восстанавливающие старинный порядок[3], все нововведения относя к злокозненным замыслам его подчиненных, что не могло соответствовать действительности, так как все реформы санкционировались императором[4]. По мнению исследователей, Иоанн Лид не правильно понимает значение преобразований Юстиниана[5].

6) Современный упадок и кризис автор связывает с деятельностью предшественников Юстиниана: он начался с правления императора Константина, когда варвары впервые вторглись и захватили части Римской империи, и усугублялся при дальнейших правителях; кризис и начало разрушения государственности связывается с правлением императора Феодосия II, когда отменен отеческий латинский язык в делопроизводстве. Нарушения и произвол со стороны власти по отношению к населению он сводит к деятельности отдельных плохих чиновников, особенно негативно оценивая роль Иоанна Каппадокийца[6]. Писатель говорит о его необразованности и некомпетентности, обвиняет его реформах, повлекших снижение функций префектуры, говорит о его любви к роскоши, развратности, жадности и жестокости[7]. Дабы объяснить произвол Каппадокийца, писатель говорит о том, что император действовал из лучших побуждений, но был плохо информирован: мягкосердечный император не знал о преступлениях

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 80.

[2] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos. // Floriregium. 21. 2004.

[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 79.

[4] *Kelly C.* Ruling the Later... P. 72–74.

[5] Ibid. P. 76.

[6] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 74–75.

[7] *Kelly C.* Ruling the Later... P. 58–59.

своего префекта, так как этот человек имел большое влияние, и никто не осмеливался говорить о нем без подобострастия, и только императрица Феодора открыла василевсу правду, спасая государство от гибели. Лид упрекает императора лишь в медлительности наказания зла, говоря при этом, что тот пытался сделать все, что в человеческих силах, чтобы помочь своим подданным [Ioannes Lydus. De mag. III.69]. Это объяснение кажется исследователям очень неуклюжим и натянутым, автор вступает в противоречие со своими предыдущими характеристиками императора, рискуя обвинить императора в некомпетентности[1]. Считается, что критика правления Иоанна Каппадокийского была завуалированной критикой правления самого императора, выражавшая через образ подчиненного облик господина[2]. Писатель говорит, что после удаления Каппадокийца император, заботящийся о только о благе подданных, назначил на его место отличающегося выдающимися качествами Фоку, с трудом уговорив патрикия занять эту должность, в результате чего государство начало возвращаться к процветанию: «И налоги умеренные, и законы соблюдаются, и храмы правосудия открыты, и ораторы в красноречии отличаются, и книги почитаются, и через это соревнование государства облик восстанавливается…» [Ioannes Lydus. De mag. III.76]. Но Лид умалчивает о том, что Фока был префектом претория меньше года, а затем был снова назначен Иоанн. Фока же был в дальнейшем подвергнут преследованиям и доведен до самоубийства[3]. Автор не может это объяснить с точки зрения созданного им идеализированного образа василевса. Поэтому исследователи полагают, что под маской его лояльности императору скрывалось глубокое разочарование его политикой[4].

Таким образом, в работе Иоанна Лида «О магистратах», содержатся достаточно глубокие противоречия. Открыто восхваляя правление императора Юстиниана и прославляя его, автор в то же время оплакивает несчастья современного времени и скрыто подвергает жестокой критике существующий государственный строй, демонстрируя оппозиционные республиканские убеждения. Его попытки оправдать императора выглядят неубедительными и содержат много противоречий. Некоторые исследователи полагают, что это связано с оппозиционностью писателя существующей власти, а выражение лояльности является лишь формальным, необходимым для того, чтобы скрыть его истинные взгляды и довести труд до публикации. В этой работе усматривают большое сходство с «Тайной историей» Прокопия Кесарийского - современника автора, обнаруживая в них очень много параллелей: оба автора выражают республиканские взгляды, резко критикуют тираннию; используют одинаковые выражения, проводят сходные аналогии, характеризуя проблему; при характеристике современности останавливаются на одинаковых явлениях, оба рассматривая ее как время

---

[1] Ibid. P. 56.
[2] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century…
[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 69.
[4] Ibid. P. 80.

упадка; идентично характеризуют и оценивают личность и деятельность префектов Иоанна Каппадокийца и Фоки. Расхождения заключаются лишь в описании деятельности императора – Прокопий Кесарийский на примере ряда явлений и событий критикует и осуждает Юстиниана, а Иоанн Лид пытается оправдать его, но у него это не очень хорошо получается[1]. Возможно, что все это является плохо прикрытой насмешкой и иронией.

Таким образом, исследуя лояльность образованного чиновника центрального правительственного департамента, можно увидеть много противоречий, свидетельствующих как минимум о глубоком внутреннем расколе, а возможно и о скрытой оппозиции власти, которые являются следствием приверженности античной культуре. Рассматривая Иоанна Лида как типичного представителя среднего звена бюрократического аппарата, можно сказать об определенном кризисе власти в VI в. н.э. в Восточной Римской империи.

Кризис античной культуры Восточной Римской империи в VI в. глазами чиновника (по произведению De Magistratibus Populi Romani Иоанна Лида)

Тема данной работы посвящена анализу восприятия античной культуры в VI в. чиновником Восточной Префектуры Претория Иоанном Лидом.

Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид был родом из Филадельфии – столичного города провинции Лидия, родился примерно в 490 г., умер в начале 560-х гг., прожив примерно 70 лет. С детства его готовили к карьере чиновника, он получил блестящее образование, включавшее овладение латинским языком, изучение основных произведений выдающихся греческих и римских поэтов, писателей и философов. В 511 году он прибыл в Константинополь и при поддержке своего земляка префекта Зотика сразу смог получить место эксцептора (должность среднего уровня) в Восточной Префектуре Претория, минуя все низшие должности. Там он прослужил 41 год и вышел в отставку в 552 году, получив почетные чины и звания. Его способности обеспечили ему вначале очень быстрый карьерный рост, который впоследствии замедлился из-за административных реформ, перестраивающих всю государственную структуру, существовавшую еще с древнего времени[2].

Иоанн Лид был разочарованным гражданским чиновником и антикваром, жившим в то время, когда Римская империя, базирующаяся в Константинополе, быстро трансформировалась из античной в средневековую форму. В отличие от Западной части некогда единой Римской империи, где власть перешла в руки варварских королей и остро ощущался слом и конец римского прошлого, в Восточной части всегда чувствовался континуитет с римской древно-

---

[1] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century…
[2] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395 – 527). Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.

стью. Ее статус всегда был очень высок, несмотря на постепенное занятие христианством доминирующего положения в культурно-идеологической сфере общества, формирующего другую модель культуры, опирающуюся не на античную древность, а на библейские традиции[1].

Иоанн Лид и его антикварные интересы показывают, как образованный человек из административной элиты осмыслял непрерывность с древностью и воспринимал разрыв с ней. Его взгляды были типичным ответом на происходящие изменения в категориях традиции[2]. Классическое образование и культура, в которых он был воспитан, оказали огромное влияние на Иоанна Лида, остро ощущавшего свою принадлежность традиционному обществу. Мировоззрение Иоанна Лида было традиционным и античным: основу его составляли идеи Платона, Аристотеля, их последователей, в частности, неоплатоников[3].

Поэтому VI в. н.э. как переходный период к средневековью, сопровождаемый необратимой трансформацией и перестройкой общества и государства и разрушением традиционных систем, воспринимался Иоанном Лидом как время упадка и кризиса цивилизации, связанное с гибельными нововведениями. Он был жесткий консерватор и реакционер, в современном ему мире он видел лишь осколки и руины античной цивилизации[4]. Кроме того, негативно относиться к любым изменениям заставили его неудачи в личной карьере, связанные с реформами, проводимыми в системе администрации[5].

Его взгляды на современное ему время выражены в трактате «De Magistratibus Populi Romani»[6]. Трактат «De Magistratibus Populi Romani» посвящен описанию принципов устройства и функционирования основных государственных институтов Римской империи с древнейших времен до VI в. (современного автору времени), кроме того, имеет первостепенное значение для изучения внутренней, социально-экономической и политической истории Восточной Римской империи в VI в. в восприятии государственного чиновника. Это произведение не просто посвящено истории магистратов, оно отражает основы мировоззрения Иоанна Лида – это история Римской империи так, как ее мог видеть государственный чиновник - в виде истории развития институтов гражданской власти римского государства от начала правления Ромула до современности автора[7]. В третьей части этой работы Иоанн Лид характеризует положение магистратов в современное ему время, главным образом, характеризуя Восточную

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 1.

[2] *Ensslin W.* The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium // An Introduction to East Roman Civilisation. Oxford, 1961. P. 284.

[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 83.

[4] Ibid. P. 4.

[5] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, London, 2004. P. 12.

[6] См.: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837.

[7] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 72.

Префектуру Претория как ключевой имперский департамент[1]. Описывая его современное состояние, автор показывает кризис и упадок, в котором находился этот государственный институт в VI в., в то же время, отображая общий кризис и упадок общества в VI в.

Для характеристики современного положения в Префектуре Претория он прибегает к аллегории, предлагает читателям вообразить, что некий человек получил великолепный серебряный сосуд, но не в результате собственных усилий, а в наследство от предков; постепенно беднея, он, пренебрегая его красотой, ломает изделие на мелкие части, превращая его в множество маленьких кусочков, в надежде получить больше выгоды, чем от целого. По мнению Иоанна Лида, то же самое случилось и с данным магистратом в его время[2]. Несмотря на то, что данный пассаж призван продемонстрировать состояние дел конкретно в Префектуре Претория, по мнению исследователей[3], он также показывает взгляд автора на общество в целом. Он с горечью описывает происходящий упадок с древними традициями и культурой: «Величайшие а вскоре все следы стиравшиеся разумной древности, кто видит, те постоянные слезы не оставляют, узнавая от предшествующих, как поддерживал прежде закон подданных свободу, и сколь мало добра из-за начавшихся несчастий на наше время выпало»[4], «мне слезы лить приходится понимающему силу закона, видя, как всякую доблесть отнял злой демон»[5], «многие совершенно погибли почитавшиеся в древности признаки»[6].

Для Иоанна Лида соблюдение традиции в управлении, иерархия, порядок в проведении процедур, особый технический язык, униформа играли важную роль – они позволяли отделять бюрократию от обычных людей, делали священными институты власти, позволяя преодолеть внутренние смуты[7]. Поэтому с ужасом он повествует о времени префектуры Иоанна Каппадокийского, когда наблюдалось полное пренебрежение к установленным в древности порядкам, говоря о том, что «сохранились лишь малые следы того, чем когда-то восхищались»[8].

Автор с негодованием рассказывает о том, что во время префектуры Каппадокийского благопристойность и добрые порядки были перевернуты и совершенно забыты: префект одевался скорее как мужчина, занимающийся проституцией, чем как должностное лицо столь высокого уровня; он исполнял свои обязанности не на своем рабочем месте в городе, но приказывал переносить себя

---

[1] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 15.
[2] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. II.7.
[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 5.
[4] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.11.
[5] Ibid. III.12.
[6] Ibid. III.14.
[7] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 31.
[8] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.39.

в загородный дом, который для себя построил; он принимал персонал в своей спальне в ненадлежащем виде, заставляя служащих префектуры исполнять обязанности его домашней обслуги[1]; когда он появлялся на публике, его сопровождали не одетые в униформу ряды его штата служащих, но группы практически неодетых женщин, открыто показывающих то, «что должны скрывать от глаз мужчины»[2].

Но с особой горечью Иоанн Лид описывает изменения в структуре функционирования государственных институтов.

В 530 г. Иоанном Каппадокийским была проведена реформа, предполагавшая сосредоточение большей административной, судебной и военной власти в руках провинциального правителя, в результате чего сокращались функции центральных органов. Реформа сократила число дел в суде Префектуры Претория. В результате при возрастании ранга местного правителя, судебная сторона Префектуры теряла зону ответственности. В результате жалование чиновников, находящееся в зависимости от выполняемого объема обязанностей, неуклонно падало, сам этот институт приходил в упадок[3]. С глубокой скорбью автор описывает состояние Префектуры и ее судебной системы: «Угасли многие полезные признаки персонала, подчиненного магистратуре [Префектуре Претория]»[4], «Штат разрушался, там не велось дел, и тоскливое запустение осквернило суд, и те, кто заканчивал службу в отделе, плакали и рыдали, погруженные в старом возрасте в бедность»[5]. Характеризуя положение служащих, он отмечает: «Я тоже вкусил этого несчастья, потому что при исполнении этой должности я не был вознаграждаем даже за свои ежедневные расходы»[6].

Для объяснения современного упадка он приводит оракул (несколько раз повторяя его в своем произведении!), по легенде некогда данный Ромулу: «Тогда римлян судьба (фортуна) покинет, когда они родную речь забудут»[7]. Судьба римского народа и государства в понимании Иоанна Лида тесно переплетена с судьбой органов власти и бюрократической машины - по его мнению, предначертанное оракулом уже произошло: исполнение оракула он связывает с деятельностью префекта претория Кира Египетского, при котором в 439 г. н.э. вместо латыни как официальный в делопроизводстве был принят греческий язык. Отказ от латыни и повлек за собой последующий кризис[8].

Автор горько сетует на забвение латинского языка, окончательное вытеснение которого связано с реформами Иоанна Каппадокийского, - ведь до 439

---

[1] Ibid. II.21.
[2] Ibid. III.64.
[3] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 85–91.
[4] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.39.
[5] Ibid. III.66.
[6] Ibid.
[7] Ibid. II.12, III.42.
[8] Ibid.

г. латинский язык являлся официальным языком, на котором составлялись все документы, велось судопроизводство, на нем был составлен кодекс Феодосия[1] - исключение его из официальной жизни привело к снижению уровня грамотности и квалификации служащих государственного аппарата. Иоанн Лид со скорбью пишет об упадке грамотности и невежестве, поразивших судебно-административную сферу в его время, связывая это с нововведениями вышеуказанного префекта. «Каппадокиец изменил к безобразному и базовый язык, не потому, что заботился о ясности (как он объясняет), но чтобы он мог быть превращен в разговорный и был не труден тем, кто осмеливался исполнять его цели. Для ведения дел, он вводил новшества, всячески подрывая древний порядок»[2]. Автор рассказывает о том, что многие великолепные папирусные листы с установленными порядками ведения судопроизводства были уничтожены, взамен изданы жалкие и ничтожные записи, что способствовало распространению невежества в суде, а недавно занявшие пост чиновники «с ребяческим высокомерием» отвергали мудрость и опыт своих предшественников[3]. Эмоционально он характеризует забвение древних традиций и умаление «величественного и благородного достоинства»[4] судопроизводства, когда дела велись «в сопровождении смеха свидетелей, как будто бы смотрящих на дешевое представление»[5]. С горечью он пишет о реорганизации Преторианской Префектуры Иоанном Каппадокийским, когда гораздо менее опытные и квалифицированные скриниарии (чиновники финансового ведомства Префектуры Претория), на которых он (префект) опирался, начали преобладать над гораздо более образованными и подготовленными эксцепторами (чиновники судебного ведомства Префектуры)[6]: «фортуна стала неблагосклонна к образованным мужам»[7], - что приводило к заполнению должностей малообразованными и малоквалифицированными служащими, резко снижая уровень компетентности органов власти.

Последствия этого были весьма плачевны – невежество и неопытность государственных чиновников, в дополнение ко всему знавших только греческий, приводила к хаосу и неэффективности работы государственного аппарата: некомпетентные и нерадивые служащие не могли верно обработать документацию, поступающую из провинций, не осуществлялись надзор, перекрестные проверки и записи того, что делалось, - многие документы были выданы, хотя лица, ответственные за них, ясно не представляли, что делали[8]. Эта некомпетентность приводила к тяжелым последствиям: «всякий раз, когда для налого-

---

[1] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 32.
[2] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.68.
[3] Ibid. III.14.
[4] Ibid. II.17.
[5] Ibid. II.16.
[6] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 30.
[7] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.28.
[8] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 35.

плательщиков возникли трудности, так как документы не были надлежащим образом обработаны, Каппадокиец в гневе приговаривал к смерти тех, кто не понимал силу документов, которые были так неосторожно и случайно выданы»[1].

В результате со стороны власти в провинциях в ходе сбора налогов происходили произвол и насилие по отношению к простым жителям. На примере своей родной Филадельфии автор показывает те беззакония, которые творились в провинциях: «она стала лишенной не только денег, но и человеческих существ… …не было оставлено жителям ни одного сосуда; ни одной жены, девушки, отрока не было невредимым и свободным от осквернения»[2]. Сами чиновники, ответственные за сбор налогов, характеризуются Иоанном Лидом как «армия демонов, грабителей и орд каппадокийцев»[3]. Беззаконные действия совершались не только по отношению к простым жителям, но и знатнейшим лицам. Автор пишет о своем земляке филадельфийце Петронии, который был «родом и богатством, и речью (образованием) выдающийся»[4]. Он обладал драгоценными камнями редкой красоты. И Иоанн Максиплюмакиос (агент префектуры, ставленник Иоанна Каппадокийского, который и разорял Лидию), чтобы получить их, приказал заковать Петрония в железо и публично обнажив его сечь розгами. А когда за него попытался вступиться епископ, Максиплюмакиос осыпал его такой бранью, которую можно услышать в самых скверных местах. И епископ ничего не мог поделать, так что Петронию пришлось отказаться от своего богатства[5]. Это свидетельствует о тенденции полного подчинении всех провинциальных институтов центральной власти: ни аристократия, входящая в курию, ни церковные власти ничего не могли противопоставить имперским чиновникам.

Экономические последствия необдуманных преобразований были также катастрофичны: «Многие продукты портились на фермах… владельцы земли были совершенно разорены, когда золото требовали сборщики налогов вместо продуктов, которые не могли продать, живя далеко от моря, и не разрешено было, как раннее отдать это в качестве оплаты в общественную казну… Им были переданы войска, размещенные в областях, на содержание, поэтому сельскохозяйственные культуры следовало оставлять на местах – налог выплачивался в золоте, культуры должны каждый год быть выращиваемы»[6]. Со стороны проходящих через провинции войск жители встречали насилие и гибель, как от варваров. Еще более ухудшали ситуацию тяжелые и многообразные налоги, введенные в этот период. Автор приводит яркий пример последствий введения синоны и ангарии, когда весь избыток продукции жители должны были доставлять из

[1] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.68.
[2] Ibid. III.58.
[3] Ibid. III.61.
[4] Ibid. III.59.
[5] Ibid. III.59-60.
[6] Ibid. III.61.

внутренней страны к морю, «и женщины с неотнятыми от груди детьми, переносящие грузы…умирали в пути и лишены погребения»[1]. Вконец разоренные, но не в состоянии выплатить все налоги, жители забрасывали свои земли и превращались в бродяг, уходя со своих родных мест. С горечью автор пишет о «подданных, бедностью совершенно погубленных»[2]. По его словам, «государство… на грани краха»[3].

Как итог – восстание «Ника», его описание - одно из самых кульминационных мест в книге: «Поднялось множество черни и в находящемся во власти злого божества единомыслии подожгли город [Константинополь]…». Огонь охватил сенат Юлиана, форум Зевксиппа, затем перекинулся на Константинов форум с множеством прекраснейших зданий и величественной колонной, подаренной Византию жителями Неаполя, и начал распространяться по кварталам улиц, вскоре охватив весь город – на что с ужасом взирал автор, видя вместо города черную гору дыма и пепла… Подводя итог этим событиям, автор пишет: «Город же брошен огню и могильным курганам, останков отвратительностью устрашенный»[4], - можно сказать, уничтожением древних памятников города свидетельствуя материальное воплощение гибели античного культурного наследия.

Еще одним важным вопросом является отношение Иоанна Лида к императорской власти - здесь наблюдается очень выраженное противоречие: с одной стороны, автор идеализирует республиканское прошлое, резко негативно относится к любому проявлению тираннии, явные признаки которой он наблюдает в современности[5]; но с другой, пытается всячески очистить и оправдать императора, пишет о нем исключительно в панегирическом стиле[6]. Это же противоречие и в отношении к правлению императора - несмотря на нарисованную им плачевную картину современного времени, Иоанн Лид никогда не критикует императора, более того, при характеристике власти василевса, автор строит как бы противоположную картину: «И сильнее, чем недавно благодаря ему [императору] находится государственное устройство… и спасаются государства признаки могущественным его правлением… законы от нарушений и путаницы освобождены…»[7]. Пытаясь показать императора хорошим правителем и объяснить кризис, автор стремится представить, что император ничего не знал о нарушениях и злоупотреблениях со стороны органов власти, в частности, со стороны Иоанна Каппадокийского, а узнав о плачевном положении подданных, стремил-

---

[1] Ibid. III.70.
[2] Ibid. III.14.
[3] Ibid. III.69.
[4] Ibid. III.70.
[5] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium. 21. 2004.
[6] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 79-80.
[7] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.1.

ся всеми силами помочь им[1]. Эти объяснения выглядят натянутыми и смехотворными. Это связано с попыткой выразить и подчеркнуть автором свою лояльность императору, хотя все восхваления императора представляются исследователям формальностью и прикрытием. Как и «Тайная история» Прокопия Кесарийского, это произведение считается оппозиционным, критикой правления императора Юстиниана, но в более скрытой, завуалированной форме, так как предназначалось для публикации[2].

Говоря о восприятии Иоанном Лидом кризиса античной культуры, следует отметить, что он не воспринимался писателем как необратимый процесс, а скорее, как временное явление, которое скоро прекратится, и все будет восстановлено вновь. Недаром после описания казалось бы разрушившего все до основания восстания «Ника», автор говорит, что Константинополь стал «в кратком времени более сильный город… крепкий равно и безопасный»[3], и переходит к характеристике префектуры Фоки, знатного благородного мужа, богатого и образованного, с превосходными душевными качествами, происходящего от знатных и благочестивых предков, чью власть как «уравновешивающее благоволение злым несчастьям Бог придал»[4], и при котором государственный порядок восстановлен, «как если бы пламени уже затухавшему масло кто-то обильно подаст, и оно снова возгорается»: «и налоги умеренные, и законы соблюдаются, и храмы правосудия открыты, и ораторы в красноречии отличаются, и книги почитаются, и через это соревнование государства облик восстанавливается…»[5]. Такое восприятие связано с теорией упадка и восстановления, разрабатываемой автором в произведении - о том, что «то, что приходит в бытие, не всегда существует, но из поколения в поколение приходит в упадок, чтобы потом опять прийти в бытие, возвратившись к собственной сути…»[6], таким образом, показывая восприятие времени не линейно, а циклично.

Таким образом, можно вывести, как воспринимался упадок античности в VI в. н.э. в Восточной части Римской империи с позиции чиновника: кризис культуры и цивилизации выражался через упадок государственных институтов, ключевым из которых была Восточная префектура претория; упадок был связан с нововведениями и забвением традиций управления, выражаемых в строгом порядке, иерархии, форме и языке. Языком Римского государства был латинский, отказ от него привел к гибельным последствиям - резко сократилась грамотность и стало распространяться невежество в государственных институтах, что вело к хаосу и неэффективности государственного аппарата. Результатом

---

[1] Ibid. III.69.

[2] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium. 21. 2004.

[3] Ioannes Lydi. De Magistratibus Romanis. III.71.

[4] Ibid. III.72.

[5] Ibid. III.76.

[6] Ibid. II.23.

этого были насилие и произвол по отношению к населению, что вело к экономическому кризису, обнищанию большинства подданных. Это привело к восстанию, которое было катастрофическим по своим последствиям и ставило под угрозу существование самого государства. Данные рассуждения дополняются подчеркиванием лояльности к императору, благодаря чьим усилиям порядок был восстановлен с помощью назначения на пост префекта Претория достойного сановника. Кризис и упадок воспринимается как обратимое явление, которое является закономерным в процессе развития.

Иоанн Лид и его «История войны с персами»

Тема данной работы связана с недошедшим до настоящего времени сочинением ранневизантийского писателя VI в. Иоанна Лида, посвященном римско-персидской войне (530-532)[1]. Данная тема представляется интересной в контексте изучения творческого наследия Иоанна Лида.

Следует сказать несколько слов о самом авторе: Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид (последние два имени являются этнонимами) являлся достаточно талантливым писателем эпохи правления императора Юстиниана I, он происходил из провинции Лидия, родился примерно в 490 г. Он был очень образованным чиновником среднего уровня в Восточной префектуре претория, затем получил место преподавателя в Константинопольском университете, кроме того, ученым, активно занимавшимся научными изысканиями преимущественно антикварного характера, а также литературной деятельностью[2]. До нас дошло его три произведения: «О месяцах», посвященном языческой римской календарной системе; «О знамениях», содержавшем собрание астрологических фактов, приуроченных к тому или иному событию, «О магистратах» - это наиболее позднее и значительное произведение, посвященное истории римской администрации и бюрократии, описывающее эволюцию внутренней структуры римского государства на промежутке от мифических времен Троянской войны до современного автору времени, включая правление императора Юстиниана I[3]. В этом произведении и сосредоточена вся информация об авторе, отсюда можно узнать и об «утраченной» истории новейшей римско-персидской войны[4].

Первая проблема, которая возникает по этому поводу, а была ли вообще написана эта история? В «О магистратах» по поводу этого произведения содержится следующая информация. В одной из глав, посвященной своей автобио-

---

[1] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395 – 527). Cambridge University Press, 1980. P. 613.

[2] Maas M. John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 1.

[3] Ibid. P. 7-8.

[4] The Prosopography of the Later… P. 612–615.

графии, Иоанн Лид повествует о том, что узнав о его ученых (литературных) занятиях император Юстиниан поручил ему произнести панегирик в его честь в присутствии послов из Рима. После этого император побудил писателя описать историю новейшей римско-персидской войны, благоприятно законченной императором (532 г. – заключение «вечного мира»), связанной с нападениями персов на город-крепость Дара, которая была построена императором Анастасием[1]. Более Иоанн Лид не упоминает об этом своем сочинении, никогда на него не ссылается (в отличие от «О месяцах» и «О знамениях»). Он не указывает также, было ли оно опубликовано. Не говорит ни слова о нем ни одна средневековая энциклопедия: «Суда» называет лишь две его работы «О месяцах» и «О знамениях»[2], в «Мириобиблионе» же патриарха Фотия упоминаются три произведения: «О знамениях», «О месяцах», «О магистратах», хотя о других сочинениях Лида ничего не сказано, - Фотий только отмечает, что прочитал такие-то и такие работы Лида и дает их краткую характеристику, не говоря о том, были ли еще какие-нибудь работы у этого писателя[3], (скорее всего интеллектуал IX века имел только три данных сочинения в одном кодексе, аналогичный которому дошел и до нашего времени). Исследователи связывают это с низким качеством «Истории» Иоанна Лида, которое автор и сам понимал, предпочитая умалчивать о ней[4].

Дословно об «Истории римско-персидской войны» у Лида говорится следующее:
ὑσ῀ γενομένου, καί συγγράψαι με τόν πρός Πέρσας ἀισίμως ἀυτῷ χερισθέντα πόλεμον παρακελεύσατο ὅτε Δάραν, τήν πόλιν ἥν ὁ πόλυς Ἀναστάσιος ταῖς φάρυγξι τῶν πολεμίων ἐπιτέθεικεν, ἐνοχλοῦντες ἐκεῖθεν ὀυ μετά μικρᾶς ζημίας ὑπενόστησαν, οὐκ ἐπ αὐτοῦ πάλιν προελθόντες[5] – «когда я сделал (панегирик), также, чтобы я написал историю относительно персов счастливо им управляемой войны, побудил, когда Дару, город, который многосильный Анастасий у горла врагов полагал, (персы) беспокоящие, оттуда с немалым ущербом возвратились, не продвигаясь на него снова»[6].

Об обязательности совершить действие (воля императора) вроде бы свидетельствует глагол παρακελεύσατο, который употреблен в аористе. Но он не носит обязательного характера. Необходимо уточнить его значение: это аористная форма 3 л. ед. ч. от глагола παρακελεύομαι – увещевать, побуждать, ободрять; советовать, приказывать. Если подставит значение «советовать», то получится следующее: «…чтобы я написал историю относительно персов счастливо им управляемой войны, ***посоветовал***…». С другой стороны глагол συγγράψαι

---

[1] Ioan. Lyd. De Mag. III. 28.
[2] Suid. I, 465.
[3] Phot. Bibl. 180.
[4] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, UK, 2010. P. 261.
[5] Ioan. Lyd. III.28 / Ed. by A. Bandy, 2013.
[6] Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899.

также в аористе – говорит о завершенности действия. Это инфинитив аориста глагола συγγράφω – записывать, письменно излагать, сочинять, составлять, писать историю чего-либо, описывать. Он стоит в придаточном предложении, нося вспомогательное условное значение должного произойти в будущем действия[1]. Если подставить значение «письменно излагать», то получится следующее: «…чтобы я ***письменно изложил*** относительно персов счастливо им управляемой войны, ***посоветовал***…». Таким образом, получается, что предполагаемое написание истории не носит ни обязательный, ни реально завершенный характер. Данное предложение императора скорее всего было связано с панегириком, где Иоанн Лид устно изложил события недавно благоприятно оконченной войны в контексте восхваления императора, что последнему так понравилось, что он предложил талантливому писателю зафиксировать это письменно. Это подтверждается тем, что автор указывает содержанием для своей «Истории» события именно ***благоприятно*** завершенной войны, а также тем, что далее Иоанн приводит письмо императора, очевидно относящееся к панегирику, – в нем василевс отмечает его красноречие, (дословно ̓ευγλωττίαν)[2], - это нелогично, если бы «История римско-персидской войны» была бы написана, письмо следовало привести перед ссылкой на нее.

Таким образом, нет никаких прямых свидетельств о том, что Иоанн Лид написал «Историю римско-персидской войны». Но нельзя утверждать, что он ее не писал. В «О магистратах» автор никогда не ставит цель перечислить все свои написанные произведения. Например, он часто ссылается на «О месяцах», но ни разу не упоминает «О знамениях», которое, по мнению исследователей, написано раньше «О магистратах». Указание на написание каких-либо сочинений автор делает только в контексте своего продвижения по службе, как в случае с панегириками Зотику[3] и императору Юстиниану[4]. Но при этом Иоанн Лид говорит о том, что с приходом Иоанна Каппадокийца после того, как образованные чиновники перестали быть востребованы в администрации, он возненавидел службу и полностью отдал себя самого книгам, и это случилось до того[5], как он написал панегирик Юстиниану и был назначен преподавателем в константинопольском университете. Также говоря о префектуре Каппадокийца он часто говорит о резком сокращении жалования чиновников, саркастически замечая, что оно было похоже скорее на милостыню, и его не хватало даже для того, чтобы покрыть ежедневные расходы[6]. То есть, по крайней мере в промежутке примерно от назначения префектом Иоанна Каппадокийского и до назначения преподавателем обеспечивал свое существование исключительно научной и литератур-

[1] *Славятинская М.Н.* Учебник древнегреческого языка. М., 2003. С. 157-162.
[2] Ioan. Lyd. De Mag. III.28, 29.
[3] Ibid. III.27.
[4] Ibid. III.28, 29.
[5] Ibid. III.28.
[6] Ibid. III.25, 66, 67.

ной деятельностью, (которая как раз и была замечена императором, почему василевс и поручил составить ему панегирик). Следовательно, Иоанн Лид должен был что-то писать, но об этих произведениях ничего неизвестно.

Скорее всего, Иоанн Лид собирался написать такую историю (о римско-персидских войнах), он не мог пренебречь просьбой императора, но возможно не успел ее издать до того, военные действия на Востоке снова возобновились и история несколько утратила свою актуальность. Возможно также, что Иоанн Лид, педантичный ученый-антиквар, тщательно собирая материал об этой римско-персидской войне решил выйти за первоначально заданные хронологические рамки и создать наиболее полную историю войн римлян с персами, причем издание ее должно было включить все события современной римско-персидской войны по ее окончании. То, что Иоанн Лид действительно работал над «Историей римско-персидских войн» доказывает большое количество материала по этому вопросу, собранное в «О магистратах», а также активное использование военных сочинений, особенно привлекает внимание очень полная подборка военных сочинений римских и греческих авторов в конце первой части данной работы Лида[1]. Представляется возможным утверждать, что «О магистратах» содержит в себе не компилляцию из «Истории римско-персидской войны», а будущий материал для исследования по этой теме; так как время смерти писателя неизвестно, возможно, написав ее позже, чем «О магистратах» Иоанн Лид планировал ее издать, но не успел. Написание этой истории, подбор материала мог осуществляться в продолжении длительного времени, так как есть основания предполагать что Иоанн Лид также в течение нескольких лет писал свое произведение «О магистратах»: в частности, он указывает, что должность корникулярия существует около 1300 лет от основания Рима[2], то есть, к 548 г. н.э., в периодизации же дает промежуток от основания Рима до смерти Анастасия[3] (ошибочно), по которому она наступила бы в 554 г. н.э. (но если посчитать промежуток от основания Константинополя до смерти царя – она наступает в 545 г.!), указывает период своей службы в префектуре в течение 40 лет[4], то есть, отставка в 551 г.

Тогда возникает вопрос, какое содержание «Истории римско-персидской войны» предполагалось автором. По эксцептам из «О магистратах» можно попытаться восстановить основную фабулу. Иоанн Лид дает следующую информацию связанную с персами:
- о персидском платье парагауда[5];
- об обычае персов передавать монархическую власть по наследству[6];
- о тактике в войне против персов[1];

---

[1] Ibid. I.47.
[2] Ibid. III.22.
[3] Ibid. I.2.
[4] Ibid. III.30, 67.
[5] Ibid. I.17, II.13.
[6] Ibid. II.3.

- о составе и подготовке персидского войска[2];
- о выгодном стратегическом положении территорий Колхии (затем Лазики)[3];
- об удачных войнах с персами римского военачальника Корбула в царствование Нерона[4];
- о правлении Арриана в восточном регионе при императоре Траяне (ошибка, должно быть Адриане)[5];
- о посольстве Палладия (будущий магистр оффиций при императоре Константине) к персам и заключении с ними мира при Галерии Максимиане[6];
- о назначении префекта претория Востока для отражения персидской угрозы при императоре Константине[7] (назначение префекта претория Востока у Иоанна Малалы указывается на время консульства Юлия и Альбина, 335 год н.э. во время пребывания императора в Антиохии[8]);
- о покупках мира у врагов при императоре Зеноне[9];
- о том, что такое Каспийские ворота, о потерях римлян в царствование Иовиана, в том числе Артаксаты, о переговорах между префектом Саллютием и персидским начальником Издигердом после смерти императора Юлиана о совместном строительстве форта для охраны Каспийских ворот от вторжений, о персидской крепости Вирапарах для защиты Каспийских ворот[10]
(о Каспийских воротах и их стратегическом значении подробно излагается у Прокопия Кесарийского[11], о переговорах после смерти Юлиана Иоанн Малала указывает, что переговоры вел патрикий Аринфей, а со стороны персов Сурена, персонифицируя должность при дворе персидского царя, и согласно заключенному договору римляне уступали персам столицу Мигдрнию со столицей Нисибис[12]; в аутентичной событиям «Истории» Аммиана Марцеллина указывается, что переговоры вели со стороны римлян Аринфей и Саллютий, потеря римлян составляла 5 областей за Тигром - Арзакену, Моксоэну, Забдицену, Регимену и Кордуэну, - с 15 крепостями, а также города Нисибис Сингара, Кастра Маврорум; кроме того, римляне обязывались не оказывать помощи союзной Армении, из-за чего персы отвоевали у нее Артаксату[13]).

---

[1] Ibid. III.33.
[2] Ibid. III.34.
[3] Ibid. III.34.
[4] Ibid. III.34.
[5] Ibid. III.53.
[6] Ibid. II.25.
[7] Ibid. III.33.
[8] Ioan. Mal. Chron. XIII.4.
[9] Ioan. Lyd. De Mag. III.45.
[10] Ibid. III.52.
[11] Proc. Caes. B.P. I.X.1-12.
[12] Ioan. Mal. Chron. XIII.27.
[13] Amm. Marc. Res gestae. XXV.7.9-13.

- о посольстве Споракия при Феодосии Старшем с первой выплатой за охрану Каспийских ворот для заключения мирного договора[1]
(прибытие персидских послов в Константинополь для заключения мира Марцеллин Комит упоминает под 384 г., но ничего не сообщает о посольстве Споракия[2]);
- о затратах на римско-персидские войны из-за требования персами выплат на охрану Каспийских ворот при императоре Анастасии[3];
- о войне с Кавадом Старшим при императоре Анастасии из-за выплат, поражениях, освобождении Амиды римлянами, о мирных переговорах с персами в Вирапарахе тогдашнего магистра оффиций Келера[4]
(поражения военачальников римлян и выкуп ими Амиды Марцеллин Комит упоминает под 503 г., под 504 г. рассказывает о военных успехах Келера и о заключении им мирного соглашения с персами[5]; Прокопий Кесарийский подробно рассказывает о поражениях римских войск и выкупе Амиды римлянами[6], заключение мира Келером относит к 7-му году войны, т.е. к 506 г.[7]; Иоанн Малала вкраце рассказывает об этой войне, не упоминая о неудачах римских полководцев, отмечает успехи Келера и установление мира[8]);
- о строительстве города Дара при императоре Анастасии над Евфратом и его выгодном стратегическом положении[9]
(Марцеллин Комит посвящает отдельный отрывок рассказу о строительстве города, особенно отмечая его расположение относительно Амиды и Нисибиса[10], аналогичный рассказ содержится у Прокопия Кесарийского, где автор также выделяет выгодное стратегическое положение Дары[11] и говорит о времени ее постройки после заключения мирного договора в 506 г., Иоанн Малала подробно описывает внутреннее устройство Дары, отмечая ее неприступность, связывает ее укрепление с поражениями римских военначальников[12])
- о нападении персов на Дару в царствование Юстиниана и их поражениях[13]
(сражения под Дарой подробно описаны у Прокопия Кесарийского[14], Иоанн Малала описывает эту войну как вереломное и безрассудное нападение персов[1])

---

[1] Ioan. Lyd. De Mag. III.53.
[2] Marc. Com. Chron.
[3] Ioan. Lyd. De Mag. III.51.
[4] Ibid. III.53.
[5] Marc. Com. Chron.
[6] Proc. Caes. B.P. I.VIII-IX.
[7] Ibid. I-.IX.24.
[8] Ioan. Mal. Chron. XVI.9.
[9] Ioan. Lyd. De Mag. III.47.
[10] Marc. Com. Chron.
[11] Proc. Caes. B.P. I.X.13-19.
[12] Ioan. Mal. Chron. XVI.10.
[13] Ioan. Lyd. De Mag.III.28.
[14] Proc. Caes. B.P. I.XIII-XIV.

- о разрушении Антиохии Селевкии в результате землетрясения, а впоследствии ее захвате и сожжении Хосроем в результате его вторжения в Сирию через Аравию, о разграблении им Сирии[2].
(взятие Антиохии и судьба ее жителей подробно описывается у Прокопия Кесарийского[3], подводя итог судьбе города он также упоминает ураган в предместье Дафны, произошедший в царствование Анастасия, и землетрясение в царствование Юстина; вторжениям Хосрова посвящена большая часть второй части его «Войн с персами»; по хронике Марцеллина Комита землетрясение датируется 526 г., а падение Антиохии 540 г.[4]; аналогично датируемое очень подробно ужасное землетрясение описано у Иоанна Малалы, согласно которому погибло около 250 тысяч человек, а город был разрушен до основания[5], захват Антиохии персами в 540 г. упоминается вскользь[6])

В целом, материал, представленный в «О магистратах» достаточно глубокий и интересный, подтверждается другими аутентичными источниками и дополняет их. Автор заостряет внимание не на непосредственно военных действиях, а на дипломатических переговорах в ходе войн с персами и достигнутых в ходе них соглашениях, на должностных лицах заключавших эти договоры – это скорее всего связано со спецификой трактата «О магистратах». Автор делает попытку дать краткий обзор римско-персидских отношений на протяжении истории, с географическими экскурсами, попутно рассказывая о римских и персидских пограничных городах, их названиях, также повествуя об обычаях и традициях персов и их влиянии на римлян; стиль изложения свободный хронологический принцип уступает место тематическому, акцентируется внимание на эпохе Анастасия. Для наилучшего освещения данных вопросов Лид прибегает к многочисленным компетентным источникам о римско-персидских войнах, глубоко прорабатывая военные сочинения римских писателей. Непосредственно упоминаются сочинения и авторы: римский тактик Цельс; Арриан «История аланов», «Парфянские войны»; Петр (Патрикий) «Магистериум» («Магистр оффиций»). Также на протяжение всего трактата еще упоминаются следующие военные авторы и сочинения, посвященные войнам и искусству ведения войны: Цельс; Паттерн «Тактики»; Катилина; Фронтин «О военных должностях»; Ренат; Элиан; Арриан «Об Александре»; Эней; Онасандр; Патрон; Аполлодор «Полиоркетики»; император Юлиан «Механики»; Цезарь «Галльский дневник»; Лукан «Междуусобные войны»; Виктор «История междуусобных войн»; Саммоник; Критон; Корнелий Непот; Клавдиан Пафлагонский «Энкомий Стилихону».

---

[1] Ioan. Mal. Chron. XVIII.50.
[2] Ioan. Lyd. De Mag. III.54.
[3] Proc. Caes. B.P. II.VII-X, XIV.
[4] Marc. Com. Chron.
[5] Ioan. Mal. Chron. XVII.16.
[6] Ibid. XVIII.87.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «История римско-персидской войны» Иоанна Лида не была написана автором раньше трактата «О магистратах», но при этом такое сочинение, судя по всему, тщательно планировалось и готовилось автором. Скорее всего, писатель планировал его издать после завершения работы «О магистратах», но вероятнее всего не успел. Кажется правильным считать, что части этого произведения сохранились в «О магистратах». Судя по этим отрывкам можно восстановить первоначальный план этого сочинения: оно должно было охватывать всю историю римско-персидских взаимоотношений, наиболее подробно освещая современную автору эпоху, акцентируя внимание на дипломатической стороне больше, чем на боевых действиях, давая информацию о причинах и результатах войн, об устройстве и тактике римского и персидского войск, скорее всего как и «О магистратах» построенное в свободном стиле, без строгого следования хронологии, следуя скорее проблемно-тематическому принципу, содержа в себе массу информации занимательного характера о географии конфликтной зоны и обычаях воюющих сторон, а также этимологические обзоры, перемежающиеся с отрывками из сочинений военных теоретиков и текстов мирных договоров. В целом, можно сказать, что это произведение вполне бы вписывалось в творческий стиль Иоанна Лида, и не выпадало из историографической традиции VI в., акцентируя внимание на событиях, привлекавших интерес других историков. Как источник, оно достаточно объективно и правдиво, достаточно самостоятельно, не является компиляцией какого-либо из современных произведений, даже в некоторых моментах дополняет другие произведения. Учитывая скрупулезность Иоанна Лида, его интерес к древности и тщательность собирания материала, а также лингвистические исследования, остается только сожалеть, что данная «История» не дошла до нашего времени. Как источник, она достаточно объективна и правдива, достаточно самостоятельна, не является компиляцией какого-либо из современных произведений, даже в некоторых моментах дополняет другие произведения, поэтому отсутствие этого источника большой минус.

Иоанн Лид и ценности чиновника в Ранней Византии

Тема данной работы связана с ценностными представлениями и идеалами ранневизантийского чиновника VI в. Актуальность темы связана с недостаточной разработанностью среди отечественных исследователей вопросов о специфике культуры и менталитета такой весомой в VI в. общественной страты как ранневизантийская бюрократия. Новизна темы связана с тем, что для исследования привлекается слабо разработанный в отечественной историографии источник - «О магистратах римского государства» Иоанна Лида. Он очень важен для изучения менталитета чиновничества, так как написан чиновником среднего

ранга, служившем в префектуре претория Востока в первой половине VI в.[1], который в этом произведении дает «бюрократический» взгляд на историю римского государства[2].

В историографии вопросы, связанные с управлением Римской империей и имперской бюрократией в ранневизантийский период, подробно изучаются в работе C. Kelly[3], в которой анализируются и взгляды Иоанна Лида как чиновника. Менталитет и мировоззрение Иоанна Лида в контексте эпохи VI в. наиболее фундаментально изучаются в исследовании M. Maas[4]. Среди отечественных ученых взгляды Лида в контексте идейно-политической борьбы в Ранней Византии рассматривает З. Удальцова[5], ценностные ориентации Лида в русле эволюции мировоззрения элиты общества по отношению к государству исследует А. Чекалова[6].

Основным источником для исследования служит вышеуказанное сочинение Иоанна Лида. Методология опирается на теорию локальных цивилизаций и культурологический подход, признающие культурно-цивилизационную уникальность каждой эпохи. Основными методами являются контент-анализ источника, историко-системный, а также обобщения и сравнения.

На основании изучения «О магистратах римского государства» Иоанна Лида планируется построить картину ценностных представлений чиновничества Ранней Византии в целом.

Для Иоанна Лида как для византийской исторической мысли в целом[7] характерна высокая субъективизация исторических процессов, а также ярко выраженное эмоциональное отношение к истории и демонстрация личного участия в событиях. Именно поэтому ценностные ориентации Лида можно проследить на основе изучения его отношения к персоналиям, представленным в «О магистратах римского государства», независимо от того, насколько объективно автор относится к ним. По мнению исследователей, Иоанн Лид при описании персоналий не столько объективно отражает их истинные личностные качества, сколько пытается создать образ «хорошего» или «плохого» героя[8]. Наиболее полно ценности Иоанна Лида выражены в личностных качествах объектов его восхваления, а также в автобиографических отрывках, где он пытается проде-

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 24.
[2] Ibid. P. 72.
[3] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, London, 2004.
[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past…
[5] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54- 65.
[6] *Чекалова А.А.* Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V - VI в. // ВВ. 1991. Т.52 (77). С. 57-69.
[7] *Scott R.* The Classical Tradition in Byzantine Historiography // Byzantium and the Classical Tradition / Ed. by M. Mullet, R. Scott. Centre for Byzantine Studies, University of Birmingham, 1981. P. 61-74.
[8] *Kelly C.* Ruling the Later... P. 56.

монстрировать свои лучшие качества. Он восхищается в наибольшей степени магистром оффиций Петром, префектом претория Фокой, и конечно, всячески пытается прославить императора Юстиниана, наделяя его всеми добродетелями; их положительные качества наиболее контрастно оттеняют пороки Иоанна Каппадокийца и его родственникак и слуги Иоанна Максиплюмбакиса.

Ценнейшим качеством для Иоанна Лида является трудолюбие и высокая работоспособность, стремление к постоянному занятию делами (на государственной службе). Он восхищается Петром Патрикием, который ни минуты не проводил в праздности, дни посвящая службе, а ночи книгам [Ioan. Lyd. De Mag. II.26], воспевает добродетели Юстиниана, который работал дни и ночи, заботясь о благе подданных [Ibid. II.15, III.15, 55], благодаря своей активности смогший вернуть утраченные римлянами в V в. территории и освободить Рим [Ibid. III.1, 55]. Активную деятельность императора автор противопоставляет праздности его предшественников [Ibid. II.15, III.55]. Говоря о себе Лид, также подчеркивает свою занятость и трудолюбие: рассуждая о происхождении древнеримских имен, он говорит о недосуге подробно заниматься этим пустяковым с его точки зрения вопросом, так как «бесчисленными заботами оплетен» [Ibid. I.23], рассказывая о начале своей карьеры, он говорит, что в ожидании места посещал лекции неоплатоника «чтобы не страдать от потери промежуточного времени» [Ibid. III.26], автор с гордостью говорит об огромном количестве заработанных им денег и карьерном взлете в первый год службы в результате интенсивной работы сразу на нескольких должностях [Ibid. III.27], он подчеркивает стаж своей службы в 40 лет и 4 месяца и гордится почетом и уважением, которые заработал [Ibid. III.30]. В то же время жестко порицает праздность Иоанна Каппадокийца, не различавшего дни и ночи, проводя их напролет в распутстве и роскошных пирах [Ibid. III.62, 64, 65], вместо суда префектуры валяющегося голым в спальне [Ibid. II.17, II.21] или отправляющегося на свою виллу, по величине и роскоши соперничающую с дворцами и пирамидами египетских царей [Ibid. II.21]; с ненавистью автор пишет и о его слуге Максиплюмбакисе, упрекая его в порочности [Ibid. III.58, 59]. Также критике подвергается и один из его «любимых» героев - император Анастасий, которого он упрекает в роскоши, а его двор в праздности [Ibid. III.51]; в роскоши и распутстве он упрекает и его полководца Ареобинда, из-за которого римляне потерпели поражение от персов и сдали Амиду персидскому царю Каваду Старшему [Ibid. III.53].

Не менее важными качествами Лид считает ум и образованность, тесно связывая их с любовью к древним обычаям. Эти качества вполне присущи его кумиру магистру Петру, - восстановителю римского великолепия, - высокоразумному и проницательному судье, ученому, заботящемуся о книгах, кто все свободное время посвящал научным изысканиям, и чьей образованности боялись наставники наук, так как он ставил их в тупик своими вопросами [Ibid. II.25, 26]. Равно отмечает автор и образованность Юстиниана, в проницательности превосходившего Марка Аврелия, который пытался вернуть возвышенность древнего церемониала, «удерживая и связывая разорванную временем древ-

ность» [Ibid. II.28, III.1]. Также он восхваляет префекта Фоку за поддержку им образованных людей, отмечая его высокий уровень подготовки в языках [Ibid. III.73]. Говоря о префекте Константине из Мазаки, Лид противопоставляет его Иоанну Каппадокийцу и выделяет его образованность [Ibid. II.20]. Особенно восхваляет автор императора Анастасия, образованного и дальновидного, поощряющего продвижение по службе ученых мужей, благодаря усилиям которого стало выходить из кризиса государство [Ibid. III.45, 47, 50]. В то же время необразованность он связывает с забвением древних обычаев, упадком и бедностью [Ibid. II.18, III.14, 68]. Среди всех своих личных качеств Лид наиболее всего ценит образованность, с явной гордостью воспроизводя письмо Юстиниана и послание префекта претория Гефастия восхваляющие его ученость и литературные умения, и особенно радуясь титулу «наиученейший» [Ibid. III.28-30].

Тесно связывает с предыдущими Лид компетентность и профессионализм, справедливость и следование законам. Петр Патрикий предстает безошибочным, проницательным, предвидящим намерения других судьей, никогда не отклоняющимся от законов, которые он знает как никто, обучаясь им с молодых ногтей, неуступчивым к противозаконным просьбам защитником справедливости, которую он умеет отделять от несправедливости, благодаря чьей деятельности должность магистра оффиций стала величайшей [Ibid. II.26]. Император Анастасий показан компетентным, мудрым и справедливым правителем, кто приводит в порядок государственные дела, ценя профессионализм служащих гораздо выше их знатности [Ibid. III.45, 47, 50]. В то же время автор обрушивается на префекта претория и города Кира Египетского, упрекая его в некомпетентности и проведении неразумной реформы, отменяющей издание постановлений на латинском языке в нарушение древнего обычая, из-за чего сбылся Сивиллин оракул о потере Фортуны римлянами и префектура пришла к упадку [Ibid. II.12, III.42]. Из-за некомпетентности служащих Иоанна Каппадокийского делопроизводство совершенно запуталось, что привело к коллапсу в административной сфере и несправедливости и произволу по отношению к налогоплательщикам [Ibid. III.68, 69].

Также Иоанн Лид подчеркивает такие качества, как мягкость, гуманность, доброта. За эти качества он восхваляет Фоку, отмечая его доброту в противовес развращенности Каппадокийца, его помощь нуждающимся, рассказывая о выкупах им пленных, поддержке Спекиоса, усыновлении Феотрепа [Ibid. III.72, 73, 75]. Милосердие и кротость присущи Петру Патрикию [Ibid. II.26], добрейшим назван император Юстиниан [Ibid. II.15, III.69], в безупречности превосходящим императора Тита [Ibid. II.28], радеющей о страданиях подданных от несправедливости представлена императрица Феодора [Ibid. III.69]. Добрым и гуманным, не отказывающим в помощи ни городу, ни жителю являлся кротчайший и доброжелательный император Анастасий [Ibid. II.21, III.26, 47]. В то же время автор противопоставляет этим качествам тираническое поведение Руфина, подвергшего жестокой казни комита Востока [Ibid. III.23], жестокость Каппадокийца, учредившего пытки в префектуре [Ibid. III.57], но особенно по-

дробно останавливается на жестокостях и преступлениях Максиплюмбакиса в Лидии [Ibid. III.58-59].

Еще один выделяемым качеством для Лида служит умеренность и скромность: скромным он называет Петра [Ibid. II.26], ставит в пример умеренность в роскоши префекта Константина из Мазаки и в меньшей степени Сергия [Ibid. II.20-21], восхищается умеренностью питающегося одним хлебом Юстиниана, который превосходил в ней Августа [Ibid. II.15, 28], говорит о умеренности Фоки по отношению к себе, «питавшемся лишь веселым духом своих гостей» [Ibid. III.72]. В то же время подвергает резкой критике крайнюю неумеренность в еде и разврате Каппадокийца [Ibid. II.21, III.62, 65], равно и Максиплюмбакиса [Ibid. III.58-59].

Вместе с умеренностью к себе автор восхваляет щедрость по отношению к окружающим, противопоставляя человеколюбие и щедрость древних патрициев эгоизму и заботе только о себе современной знати [Ibid. I.20], восхищается щедрыми пожертвованиями радеющего только о прекрасном Фоки на храмы, на выкупы пленных и помощь всем нуждающимся, а также раздачей своих богатств друзьям [Ibid. III.72-76], щедрой помощью Анастасия нуждающимся городам и людям [Ibid. III.47] с благодарностью вспоминает щедрость Зотика по отношению к нему самому [Ibid. III.27]. В то же время он осуждает жадность императора Анастасия и префекта Марина Сирийца [Ibid. III.46, 49], возмущается грабежами и убийствами жадных Каппадокийца и Максиплюмбакиса [Ibid. III.57-61].

Выделяет Лид и такое качество, как отсутствие честолюбия, в наибольшей степени восхищаясь префектом Габриэлем, отказавшимся от магистрата [Ibid. III.38], указывает на нежелание Фоки принимать на себя службу [Ibid. III.76], и резко негативно относится к честолюбию «ненасытного» префекта Руфина, низвергнувшего префектуру «в глубокую пропасть» [Ibid. II.10, III.7, 23, 40].

Необходимым качеством для «хороших» героев является и благочестие, Лид говорит о том, что Юстиниан в благочестии превосходил Августа [Ibid. II.28], постоянно подчеркивает благочестие к Богу префекта Фоки [Ibid. III.72-76], резко контрастирует с которым неблагочестие Максиплюмбакиса, не прекращавшего заниматься развратом даже при святынях на глазах епископа, во время исполнения тем священных обрядов [Ibid. III.59], и оставившего без погребения тело незаплатившего ему человека [Ibid. III.60].

Кроме этого в категорию ценностей для Лида включена знатность, связанная с богатством и образованностью: образованнейший патрикий Константин Мазакский имеет средства для постройки форума в столице [Ibid. II.20], Анастасий оказывает финансовую поддержку патрикию Павлу, так как он очень знатного рода [Ibid. III.48], знатен и богат лидиец Петроний, известный своей ученостью [Ibid. III.59], превосходящий всех своими дарованиями Фока происходит из известного рода, изобильного богатством [Ibid. III.72], тонкообразованный магистр Петр восхищает Лида своим благородством [Ibid. II.26], также подчерки-

вается благородное происхождение любящих ученость Юстиниана [Ibid. II.28, III.1, 38] и префекта Габриэля [Ibid. II.28, III.1, 38].

То есть, в качестве ценностей для Иоанна Лида можно выделить: 1) трудолюбие, высокую работоспособность, стремление проводить все свободное время в занятиях; 2) ум и проницательность, образованность и ученость, которые автор тесно связывает с любовью к древности; 3) компетентность и профессионализм, справедливость и следование законам; 4) мягкость, кротость, гуманность, доброту и милосердие по отношению к ближним; 5) умеренность, скромность, воздержанность по отношению к себе; 6) щедрость по отношению к окружающим; 7) отсутствие честолюбия и стремления к власти; 8) благочестие; 9) знатность, которой присущи ученость и богатство.

Им соответственно противопоставляются: 1) праздность, связанная со стремлением к роскоши и порочностью; 2) необразованность и невежество, которые ведут за собой забвение древних обычаев и упадок; 3) некомпетентность и неопытность; 4) жестокость; 5) неумеренность и чрезмерность в чувственных удовольствиях; 6) эгоизм и жадность; 7) стремление к власти; 8) неблагочестие и неуважение к святыням.

Таким образом, исходя из сочинения Иоанна Лида, можно сделать вывод, что в VI в. для чиновника было ценным наличие таких качеств как трудолюбие, образованность и стремление к повышению уровня своих знаний, и соответственно компетентность в делах, следование справедливости и законам; гражданский служащий мягок, кроток и милосерден к другим людям, воздержан и умерен по отношению к себе, но щедр по отношению к окружающим, ему не свойственно честолюбие, и присуще благочестие; если он из знатного рода, то он богат и образован, следовательно, у него больше карьерных перспектив. Благодаря наделенным такими качествами чиновникам государство процветает, при отсутствии этих качеств или наличии противоположных – приходит в упадок.

Антикварно-традиционное направление в осмыслении истории римского государства в VI в. (на примере работ Зосима и Иоанна Лида)

Тема данной работы посвящена вопросу об антикварно-традиционном направлении в подходе к истории римского государства в исторической мысли VI в.

VI век не был однородным в рассмотрении подхода к прошлому. В это время сталкивалось множество идей, существовало много разных вариантов прошлого[1].

Основное противоречие в идейной борьбе позднеантичной эпохи было связано с противостоянием новых идей и традиции[1]. В VI в. антикварно-

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 34.

традиционное направление в историографии было эхом разгневанной традиции[2], которая уходила в прошлое, а на смену ей приходило новое средневековое христианское мировоззрение.

Эта уходящая традиция нашла наиболее яркое выражение в работах, посвященных истории римского государства. Интерес к истории римского государства вспыхнул после падения западной части Римской империи и захвата Рима варварами в V в. н.э., для интеллектуалов восточноримского общества было необходимо переосмыслить катастрофу, так как они ощущали глубокую связь и преемственность с Древним Римом[3].

Также этот интерес находил опору в государственной идеологии. Идея континуитета с античным прошлым была важна и поддерживалась официальной идеологией, чтобы легитимизировать Восточноримское государство в качестве преемника Римской империи и сохранить его авторитет и статус[4].

Именно поэтому традиционное направление было столь сильным в VI в. Оттуда до нашего времени дошли две работы, в которых переосмысливалась вся история римского государства с точки зрения традиции. Это «Новая история» Зосима, написанная в начале VI века, и «О магистратах римского государства» Иоанна Лида, написанная в середине этого века. Много общих черт у этих авторов, хотя один и принадлежит к более старшему поколению, определили их следование традиции: оба происходят из класса куриалов, оба получили классическое образование и воспитание и интересовались языческой культурой, оба находились на государственной службе (Зосим являлся адвокатом фиска, а Иоанн Лид был чиновником среднего уровня в Восточной префектуре претория)[5], - и все это также нашло отражение в их работах.

На основании сравнения этих произведений планируется выявить основную специфику в подходе к истории Римского государства в антикварно-традиционном направлении.

Но следует отметить, что возможность сравнения ограничивается несколько различными целями авторов, так как Зосим задумывал свое произведение как продолжение «Всеобщей истории» Полибия, а Иоанн Лид создавал специализированное произведение, посвященное истории римской администрации; временные рамки обоих сочинений также не совпадают: «Новая история» Зосима прерывается на падении Рима в 410 году, в то время как «О магистратах римского государства» Иоанна Лида продолжается вплоть до современного автору времени. Также следует сказать, что произведение Зосима резко обрывается не в том месте, где планировалось автором, исследователи предполагают, что оно

---

[1] *Cataudella M.R.* Historiography in the East // Greek and Roman historiography in Late Antiquity. Forth to Six Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, Boston, 2003. P. 391–449.

[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 41.

[3] Ibid. P. 32.

[4] Ibid. P. 40.

[5] *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, 2010. P. 108-109, 258.

должно было описывать события до начала царствования императора Анастасия[1], поэтому судить о взглядах писателя можно лишь предположительно. Кроме того во взглядах Иоанна Лида наблюдается определенная эволюция по отношению к Зосиму[2].

Основная идея, объединяющая две эти работы – это идея современного упадка государства в противовес прошлому, который произошел из-за забвения традиций, а также их изменений в результате различных нововведений. Зосим связывает упадок с забвением языческих религиозных обрядов и ритуалов, а Иоанн Лид – с забвением традиций, выработавших порядок и форму бюрократического процесса.

В качестве идейно-философской основы работы у Зосима взято языческое понимание Судьбы как направляющей хода событий, а также воли богов, которые покровительствуют людским деяниям если они справедливы, которые в свою очередь направляют будущее по определенному пути, таким образом поступками людей управляет божественное провидение (Zos. Hist. Nov. I.1). Судьба играет важную роль у Зосима, определяя поступки людей и причины событий (Zos. Hist. Nov. I.1, I.68, II.5, II.6, II.31, IV.25, IV.54, V.3, V.14, V.17, V.21, VI.13). Судьбу автор понимает как самостоятельное божество (напр., о храме Судьбы в Риме – II.13, о статуе Судьбы в Константинополе - II.31), тесно связанное с другим божеством Справедливости (напр., V.38). В «современной» части истории (посвященной истории христианской империи) Судьба превращается в злого демона как наказание людей за нечестие (напр., Zos. Hist. Nov. V.41). Зосим выступает в качестве защитника язычества и языческой традиции (Zos. Hist. Nov. I.1, I.5, I.57, I.58, I.67, II.1-7, II.13, II.16, II.30-38, III.9, III.11-12, III.32, IV.3, IV.13-15, IV.18, IV.21, IV.29, IV.33, IV.36-37, IV.50, IV.59, V.5, V.10, V.21, V.23, V.24, V.35, V.38, V.40-41, V.46, VI.7), воплощением которого для него служат языческие оракулы (Zos. Hist. Nov. I.57, I.58, II.6, II.16, II.37, III.9, IV.13).

Идейно-философской основой для работы Иоанна Лида служит неоплатоническое понимание бытия, где все является вечно существующим в сущности, но изменяющимся в формах существования от рождения к гибели и возрождению в новых формах и т.д. (Ioan. Lyd. De Mag. II.23, II.10) Восприятие управляющего божества выражено в идее христианского Бога (Ioan. Lyd. De Mag. I.15, II.24, III.44, III.47, III.59, III.69-76), но при этом также сохраняется языческий образ доброй и злой Судьбы как движущей силы исторического процесса (Ioan. Lyd. De Mag. I.3, I.20, I.40, II.1-2, II.6-8, II.10, II.12, III.11, III.15, III.25, III.28, III.40, III.42, III.46, III.55, III.71) а также связанных с ней Справедливости и Воздаяния (Ioan. Lyd. De Mag. II.30, III.25, III.30, III.69). Также присутствует образ Истины (напр., Ioan. Lyd. De Mag. III.75). В целом, отношение к религии у Иоанна Лида нейтральное и более рациональное (напр., о бесполезно-

---

[1] *Болгов Н.Н.* Зосим – последний античный историк // Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 11.

[2] *Maas M.* John Lydus and the Roman… P. 41.

сти молитв на войне Ioan. Lyd. De Mag. I.39), но при этом он обнаруживает доверие языческим оракулам (Ioan. Lyd. De Mag. II.12, III.42).

Датировочная система также восходит целиком к античной традиции. Зосим для датировок и летоисчисления использует эры от изгнания царей, от основания Города (Zos. Hist. Nov. II.3, II.4, II.7), по началу Столетних игр (Zos. Hist. Nov. II.4, II.7) даты консульской власти (Zos. Hist. Nov. II.4, II.7, VI.2-3), время правления императоров и префектов претория (Zos. Hist. Nov. passim.), для древнейшего периода времена войн; период времени определяет по положению звезд: Сатурн в 25° Девы, Юпитер достиг края Водолея (Zos. Hist. Nov. III.9). Равно и Лид прибегает к аналогичной датировочной системе: эры от изгнания царей, основания Рима, основания Константинополя, начала консульской власти (Ioan Lyd. De Mag. I.2, I.35, I.39, I.40, I.46, I.51), датировку по олимпиадам (Ioan Lyd. De Mag. I.39), по времени правления императоров и префектов претория (Ioan Lyd. De Mag. passim.); периоды времени по древнеримской календарной системе: январь, сентябрьские календы (Ioan Lyd. De Mag. I.38, I.39), по положению звезд: когда солнце в созвездии Льва (Ioan Lyd. De Mag. III.52).

Оба автора также в своих работах используют архаизацию этнонимов и географических объектов (напр. Zos. Hist. Nov. IV.26, Ioan. Lyd. De Mag. III.56).

По политическим предпочтениям оба автора придерживаются скорее монархо- и аристократически-республиканских взглядов, характерных для античной политической мысли, резко выступая против любой формы тирании. Для характеристики нормально существующего государства оба автора используют термин πολιτεία (напр., Zos. Hist. Nov. V.8, Ioan. Lyd. De Mag. III.1). Рассуждая о правлении Августа, Зосим упрекает его в пользовании неограниченной властью (Zos. Hist. Nov. I.5), говоря, что ничто не препятствовало ему стать тираном, и резко осуждая его преемников Тиберия, Калигулу, Нерона, Домициана за тираническое правление (Zos. Hist. Nov. I.6); консульскую власть автор считал аристократическим правлением, с которым связывал рост и могущество римского государства (Zos. Hist. Nov. I.5, I.1). Наиболее правильной автор считает власть установленную согласно закону, он считает законным заговор сенаторов против Максимина в III в., так как он направлен против тирании (Zos. Hist. Nov. I.14). Он также осуждает любой незаконный захват власти, резко негативно характеризуя правление Максенция в Риме в начале IV в. как тираннию (Zos. Hist. Nov. II.9-10, II.12-16 поддерживая борьбу императора Констанция против узурпаторов (Zos. Hist. Nov. II.43-54), не поддерживая даже узурпации Максима и Евгения в правление ненавистного ему Феодосия I (Zos. Hist. Nov. IV.46, IV.58). Также он резко негативно воспринимает стремление префекта претория Руфина к неограниченной власти, обвиняя его в тирании (Zos. Hist. Nov. IV.51-52, IV.57, V.1-3, V.7-8). Аналогично оценивает власть Стилихона (Zos. Hist. Nov. V.1). Но при этом автор не выступает против самой идеи монархической власти, например, положительно оценивая правление императора Юлиана, так как оно следовало законам (Zos. Hist. Nov. III.9-29).

Иоанн Лид также разделяет точку зрения Зосима. В начале своей работы он дает разъяснение об отличии власти монарха от тирании и власти Цезарей (Ioan. Lyd. De Mag. I.3-4). Согласно ему, правильная власть монарха опирается на законы и сенат из лучших людей государства (Ioan. Lyd. De Mag. I.3). Он резко критикует тиранию, в тирании обвиняя Мария и Суллу, Цезаря и Августа, Домициана, Каракаллу, Диоклетиана (Ioan. Lyd. De Mag. I.4, I.6, I.49, I.51, II.1-3, II.19), подобно Зосиму оценивая правление Августа как умеренное, хотя и нарушающее закон, так как неограниченно ничем. Он называет консульскую власть матерью римской свободы (Ioan. Lyd. De Mag. II.8) О введении консульской власти говорит, что свободы просияло имя (Ioan. Lyd. De Mag. I.29), противопоставляя ее тираннии (Ioan. Lyd. De Mag. I.30, II.8). В стремлении к тирании он упрекает Руфина, говоря, что при нем власть префекта к тирании низвергнулась (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.7, III.23, III.40). Иоанн Лид не разделяет идею демократического правления, осуждая смуты в период консульской власти (Ioan. Lyd. De Mag. I.34-36, 39), также плохо относясь и к восстанию Ника в современное время, рассматривая его как бунт черни, хотя и отмечая очень тяжелое положение населения послужившее причиной восстания (Ioan. Lyd. De Mag. III.70)

Обе работы имеют сходную структуру – основное внимание они сосредотачивают на неутешительной современности, пытаясь дать объяснение причинам упадка, а описание событий древности носить лишь вводный, предварительный характер (представляя собой как бы «археологию» для последующего повествования): у Зосима это книга I, в наибольшей степени первые 57 глав I книги, где вкраце описывается история Римской империи вплоть до завоевания Пальмиры Аврелианом, после чего автор говорит, что продолжая Полибия, описавшего как римляне создали свою державу, он опишет, как они ее потеряли (Zos. Hist. Nov. I.57), это примерно 273-274 гг. н.э., далее автор пробегает события конца III в., на чем кончается I книга; у Иоанна Лида также I книга дает представление об истории основания различных магистратов, которые автор перечисляет и дает информацию о времени и условиях их возникновения, останавливаясь на времени диктатуры Цезаря, в то время как II и III книги сосредотачиваются на префектуре претория и ее штате, и их функционировании от времени Цезаря до современности.

Отношения к древнейшему прошлому авторов сходно, хотя Зосим рассматривает всеобщую историю, а Лид акцентирует внимание на римских древностях. Для авторов характерна эллинизация римской цивилизации, что связано с перемещением империи на грекоязычный восток. Зосим следует греческой исторической мысли, он воспринимает римлян как наследников греческой цивилизации: кратко описав события от Троянской войны до походов Александра, затем он переходит к римлянам и здесь продолжает Полибия. Иоанн Лид описывает образование римского государства и каждого из римских магистратов, привлекая древнеримских историков Катона Старшего, Варрона и Саллюстия, но при этом также в римской цивилизации видит греческий фундамент: латинский язык выводит из эолийского диалекта греческого языка (Ioan. Lyd. De Mag. I.5),

а законодательные основы и принципы деления римского общества взятыми от афинян (Ioan. Lyd. De Mag. I.47).

Обе истории написаны на греческом языке, Зосим следуя Полибию, писал на распространенном греческом койне, Иоанн Лид использовал смесь аттического и койне[1].

Но основной акцент смещен на современное время. «Новое время» и Зосим и Иоанн начинают в период правления императора Константина. Именно отсюда они выводят упадок государства. Оба автора связывают его с забвением традиций (религиозных или бюрократических) и нововведениями.

Зосим делает особый акцент на забвение языческого культа, установленного предками, начало упадка он связывает с пренебрежением императорами Константином и Лицинием традиции празднования Столетних игр, что раннее обеспечивало невредимость Римской империи и сохранение Римом власти над всеми обитателями мира; в результате пренебрежения традиции дела неуклонно двигались к упадку и пришли к современному автору несчастливому состоянию, а империя была незаметно варваризирована (Zos. Hist. Nov. II.7). Божественное расположение к римлянам проявлялось до тех пор, пока они исполняли священные обряды (Zos. Hist. Nov. I.58). Именно благодаря вере предков римляне могли существовать в течение 12 столетий не будучи завоеванными. После того, как император Феодосий I отменил законы о священнодействиях, а обычаи предков стали пренебрегаться, Римская империя начала постепенно уменьшаться в размерах и стала обиталищем варваров, а государство настолько выродилось, что на местах, где когда-то стояли города уже ничего нельзя было узнать (Zos. Hist. Nov. IV.59). Причем тут же отмечается, что когда Феодосий предложил римским сенаторам принять христианство, все отказались потому что не хотели нарушать обычаи предков, а отнюдь не потому, что исповедовали язычество (Zos. Hist. Nov. IV.59)! Поход Алариха на Рим автор связывает с нечестием Серены и Стилихона, которые взяли сокровища, посвященные богам, в языческих храмах (Zos. Hist. Nov. V.38), что было серьезным богохульством против традиционной религии; следствием пренебрежения обычаями предков автор считает безвыходное положение римлян во время осады города Аларихом и голода в Риме в конце 408 г. (Zos. Hist. Nov. V.40), отказ римлян публично восстановить древние культы традиционные обряды на Капитолии и форуме, предложенные этрусскими жрецами предопределил разрушение Рима (Zos. Hist. Nov. V.41); после забвения римлянами древних обрядов процветание города прекратилось, он стал безжизненным и беспомощным, лишение богов украшений и расплавление и статуй для выплаты выкупа Алариху, в частности статуи Мужества, лишило жителей мужества и силы, которые еще оставались (Zos. Hist. Nov. V.41).

Аналогичное отношение к обычаям и традициям предков характерно для Иоанна Лида. Современность он начинает с правления Константина, основание Константинополя служит для него началом отсчета новой эры (Ioan. Lyd.

---

[1] *Treadgold W.* The Early Byzantine… - P. 114, 263

De Mag. I.2). В современности он оплакивает забвение многих обычаев предков, которые привели государство и магистраты к упадку и поставили на краю гибели, начиная от момента, когда в месте с Константином фортуна оставила Рим (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.40). Оценивая состояние префектуры претория, на которой сосредоточено в основном все его внимание в современности он сравнивает его с многоценным серебряным сосудом, доставшимся от предков, который неразумный наследник разбил на множество дешевых осколков (Ioan. Lyd. De Mag. II.7), он говорит, что от величайшего магистрата осталась лишь одна тень (Ioan. Lyd. De Mag. II.5), что как по ступенькам несся вниз (к упадку) магистрат (Ioan. Lyd. De Mag. II.11, III.7, III.41), о том, что блеск и благоустройство префектуры в старину в современное время почти погибли (Ioan. Lyd. De Mag. III.1), тиранические мужи наследовали магистрат один хуже другого и от этого он погибал (Ioan. Lyd. De Mag. III.56), сам он поражен всеобщим разрушением, опустошением и бедностью, в нем не велось никаких заслуживающих внимание дел (Ioan. Lyd. De Mag. II.22, III.9, III.14, III.25, III.36, III.39, III.43, III.49, III.50, III.66, III.57); автор все это связывает с забвением старинных обычаев и порядков делопроизводства, оплакивая, что все следы разумной древности исчезли по воле злого демона, а многие блага отняты (Ioan. Lyd. De Mag. III.11), так как нарушился старинный и возвеличенный порядок слушания дел (Ioan. Lyd. De Mag. II.17), забыты все процедуры (Ioan. Lyd. De Mag. III.11, III.20), многие особенности старинного церемониала совершенно потеряны (Ioan. Lyd. De Mag. III.14), прекратилась деятельность многих полезных отделов префектуры (Ioan. Lyd. De Mag. II.22, III.17) в штат пришли некомпетентные и необразованные служащие (Ioan. Lyd. De Mag. II.18, III.68)... Все это он связывает подобно Зосиму с исполнением оракула, некогда данного Ромулу и цитируемого Фонтеем, в котором говорится, что тогда фортуна римлян оставит, когда они язык предков (латинский) забудут, для Лида это воплощается в реформах префекта Кира Египетского в 439 г., который стал издавать постановления не на латинском, а на греческом языке (Ioan. Lyd. De Mag. II.12, III.42), а также с реформой префекта Иоанна Каппадокийца, отменившего использование латыни в делопроизводстве в середине 30-х гг. VI в. (Ioan. Lyd. De Mag. III.68), после чего наступила полнейшая деградация в префектуре. Для Лида чрезвычайно важно сохранение обычаев и традиций. Например, автор подробно описывает установленные в древности инсигнии императора (Ioan. Lyd. De Mag. II.14) и префекта (Ioan. Lyd. De Mag. II.13-14, II.19), в деталях рассматривает установленный обычай появления префекта в сенате (Ioan. Lyd. De Mag. II.9), слушания тяжб в префектуре (Ioan. Lyd. De Mag. II.14, II.16).

Для обоих авторов характерно восприятие развития государства с «бюрократической» точки зрения: оба особо выделяют проводимые административные реформы, их влияние на налогообложение, состояние провинций, с проявлением ярко выраженной куриальной тенденции, критикуя бесправие городов и постепенную ликвидацию власти городских советов. Реформы и нововведения в целом оба воспринимают негативно. Иоанн Лид прямо указывает, что опроки-

дывать древностью установленные обычаи – характеристика тиранов (Ioan. Lyd. De Mag. II.19). В качестве характеристики тиранического правления также Лид указывает налоговый гнет. Например, характеризуя «тираническое» правление Диоклетиана автор говорит «вновь померена суша и налогами отягощена» (Ioan. Lyd. De Mag. I.4). Для Зосима характерна аналогичная тенденция. Отмечая тиранический характер правления Максимина в середине III в., он говорит, что провинции тяготились его чрезмерной жестокостью и жадностью (Zos. Hist. Nov. I.14).

Зосим, говоря о проводимых административных реформах, указывает на их негативные последствия для империи. Говоря о реформе Константина, выделившей среди 4 бывших префектур префектуру Востока, он говорит об уменьшении власти префекта. Он указывает на введение должности военных магистров, пехоты и конницы, отделив военные обязанности от префектуры, что привело к произволу и налоговому гнету (Zos. Hist. Nov. II.32-33). Зосим резко критикует новые налоги, учрежденные Константином хрисаргир и фоллис, которые привели к совершенному разорению городов и крайней нищете их жителей (Zos. Hist. Nov. II.38). Отмечая учреждение титулов нобилиссимы (Zos. Hist. Nov. II.39), автор указывает на легкомыслие его носителей братьев императора, занимавшихся разделом территорий империи. Говоря о введенном Константином сане патрикиев, Зосим указывает, что он стоял даже выше префекта претория (Zos. Hist. Nov. II.40). Рассказывая о повышении налогов Валентинианом, чем он заслужил всеобщую ненависть, при этом не обращая внимание на бравших взятки чиновников как последствие автор указывает на восстание в африканских провинциях, для подавления которого были ослаблены придунайские провинции, подвергшиеся опустошительным варварским набегам (Zos. Hist. Nov. IV.16). Говоря о реформе Феодосия I, разделившей военное управление между пятью ведомствами вместо двух, что привело к увеличению расходов казны и усилению власти военных (Zos. Hist. Nov. IV.27), Зосим также подвергает резкой критике императора за продажу должностей в провинциях (Zos. Hist. Nov. IV.28). В результате армия сильно ослабела и фактически прекратила свое существование, а города истощены непосильными налогами и жадностью властей (Zos. Hist. Nov. IV.29). Сборщики налогов изымали их с особой жестокостью, так что жители отдавали не только деньги, но и женские драгоценности, и даже собственную одежду, чтобы уплатить требуемые налоги (Zos. Hist. Nov. IV.32). Дополнительные налоги в Антиохии привели к восстанию (Zos. Hist. Nov. IV.41). Наконец, отмена законов о священнодействиях привела к полнейшему упадку Римской империи (Zos. Hist. Nov. IV.59). Резкую критику автор обрушивает на Руфина, который стремясь к неограниченной власти всячески нарушал закон, творил произвол, действуя в ущерб государству и всячески его ослабляя (Zos. Hist. Nov. V.1-3, V.5-8).

Подобным же образом оценивает реформы Иоанн Лид, причем кажется удивительным практически тождественное с Зосимом отношение писателя к реформам от правления Константина до начала власти Феодосия Младшего.

Рассматривая реформу Константина, который отвел войска от Истра и расселил их в Нижней Азии, учредив префектуру претория Востока, передав командование войсками магистру и стратегам, автор говорит, что в результате провинции Мезия и Скифия были потеряны, также налоги от них, так как никто не противостоял набегам варваров на Европу, а восток был отягощен неумеренными податями (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.31, III.33, III.35, III.40); также автор отмечает учреждение Константином для префектуры Востока скриниариев, которые не входили в штат, но затем купили себе место в штате при Феодосии I, инициировавшем продажу должностей (Ioan. Lyd. De Mag. III.35). Лид критикует и реформу Феодосия I, учредившую комитов для управления военными делами, заменявшими императоров в походах, в результате чего власть префектуры уменьшилась и она стала отвечать только за расходы (Ioan. Lyd. De Mag. II.11, III.41). Ключевым моментом для постепенной гибели префектуры для Иоанна является тирания Руфина, который «ниспровергнул магистрат в глубокую яму» в результате чего префектура окончательно была лишена императором Аркадием контроля над вооруженными силами, фабриками вооружения и государственными дорогами, переданными магистрианам (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.23, III.40). В царствование императора Льва префектура еще более ослабела из-за дорогостоящей и неудачной экспедиции в Африку, что привело к полной нищете государственной казны (Ioan. Lyd. De Mag. III.43-44), при Зеноне магистрат продолжил быть тонущим как в наводнении, так как трусливый император откупался от внешних врагов, прибегая к конфискациям и разорению знати, и только при императоре Анастасии налогообложение было приведено в порядок (Ioan. Lyd. De Mag. III.45); но после назначения перфектом Марина Сирийца налоговые сборщики снова стали разорять города (Ioan. Lyd. De Mag. III.46, III.49); Лид резко критикует введение должности виндексов и запрет местных советов (Ioan. Lyd. De Mag. I.28, III.49), так как это привело к страшному произволу чиновников, особенно сильно проявившееся в префектуру Иоанна Каппадокийца, автор с ненавистью рассказывает о преступлениях этого префекта и его приспешников в провинциях, чтобы собрать как можно больше денег, останавливаясь подробно на своей родной Лидии (Ioan. Lyd. De Mag. III.38, III.57-62). В результате жители были отягощены огромным количеством налогов и принудительных повинностей (Ioan. Lyd. De Mag. III.61, III.70) и покидали свои места, огромные толпы скапливались в Константинополе, в результате чего вспыхнуло разрушительное восстание «Ника» (Ioan. Lyd. De Mag. III.70).

Оба автора сопоставляют произвол чиновников с варварским вторжением, даже отдавая предпочтение варварам: Зосим о налогах Феодосия – то, что не отобрано по доброте варваров, отбиралось государством в виде налогов (Zos. Hist. Nov. IV.32), о военной экспедиции Стилихона на Пелопонесс – Стилихон позволял грабить своим солдатам то, что осталось от варваров (Zos. Hist. Nov. V.7); Иоанн Лид о налогообложении провинций в префектуру Иоанна Каппадокийца - подданные полагали вторжение варваров легче для себя, чем господство собственных людей (Ioan. Lyd. De Mag. III.70).

При этом оба автора указывают на «тираническую» первопричину введения обременительных налогов,– стремление императоров к праздности и роскоши и расточение казны (проводя параллели с восточными деспотиями, где правители расходовали средства казны по своему произволу и прихоти), также подчеркивая, что праздность серьезно ослабляла государство (в контексте внешней варварской угрозы). Зосим говорит о расточительности императора Константина (Zos. Hist. Nov. II.38), также особенно подробно останавливается на расточительности, стремлении к непомерной роскоши и распутству императора Феодосия I (Zos. Hist. Nov. IV.28, IV.33, IV.41, IV.50), о распутстве и роскоши магистра Абразация, посланного на борьбу с исаврийскими разбойниками (Zos. Hist. Nov. V.25) при императоре Аркадии. Иоанн Лид внешним признаком тирании Диоклетиана считает драгоценные камни на венце, одежде и обуви (Ioan. Lyd. De Mag. I.5), он критикует роскошь и накопленные богатства императора Анастасия, связывая их с деятельностью Марина, а также праздность двора (Ioan. Lyd. De Mag. III.51), поражения в римско-персидской войне в начале века связывает с праздностью, роскошью и распутством имперского полководца Ареобинда и трусостью и неопытностью военачальников Патрикия и Гипатия (Ioan. Lyd. De Mag. III.53), но наибольший гнев у него вызывает роскошь, распутство, праздность и жестокость Иоанна Каппадокийца и его приспешников, которые он описывает подробнейшим образом (Ioan. Lyd. De Mag. II.21, III.57-62, III.64-65).

Праздности и роскоши и Зосим, и Лид противопоставляют трудолюбие и умеренность своих любимых персонажей, восстанавливающих обычаи древности.

Зосим прославляет деятельную и скромную натуру императора Юлиана, предпочитавшего заниматься серьезными делами, а не проводить время в развлечениях, рассказывая, что по прибытии в Византий он сразу занялся гражданскими и военными делами, а после осуществления многих полезных и оправданных дел в Антиохии сразу приступил к подготовке к персидской войне (Zos. Hist. Nov. III.11); особо подчеркивает его трудолюбие в учении, говоря что в бытность студентом Юлиан превзошел своих учителей по всем предметам обучения (Zos. Hist. Nov. III.2), симпатии Зосима связаны с возвращением Юлиана к прежней религии (Zos. Hist. Nov. III.9).

Иоанн Лид аналогичным образом превозносит добродетели префекта претория Фоки, говоря о его знатности, богатстве, но крайней умеренности и бережливости по отношению к себе, и чрезвычайной щедрости по отношению ко всем нуждающимся (Ioan. Lyd. De Mag. III.72, III.75), о том, что в ученых дисциплинах он обладал знаниями, замечательными по сравнению с многими (Ioan. Lyd. De Mag. III.73), - и при нем гражданский порядок был восстановлен во всем своем прежнем блеске (Ioan. Lyd. De Mag. III.76). Второй персонаж, которым Лид восхищается, это магистр оффиций Петр, в которого буквально влюблен писатель: он говорит о его благородстве, скромности, мягкости, доступности, справедливости и проницательности, но особенно поражается его

трудолюбию и учености, говоря о том, что дни магистр посвящал службе, во время чрезвычайно возвысил магистрат, восстановив почти погибшее из-за глупости предшественников прежнее римское великолепие, а ночи – книгам и ученым занятиям, не секунды не тратя без пользы и занимаясь какими-либо учеными исследованиями даже по дороге во дворец, и своими познаниями наводя страх на ученых и даже самого автора, которые боялись его сложных вопросов (Ioan. Lyd. De Mag. III.26). Равным образом Лид хвалит императора Юстиниана, противопоставляя его умеренность и трудолюбие праздности и предшественников (Ioan. Lyd. De Mag. II.15), сравнивая его по добродетелям с лучшими императорами за всю историю Рима (Ioan. Lyd. De Mag. II.28), связывая его чрезвычайное трудолюбие, активную деятельность и реформы с восстановлением государства и отвоеванием прежде потерянных территорий (Ioan. Lyd. De Mag. II.15, II.28-30, III.1, III.55, III.76), также отмечая ученость императора и интерес к книгам (2.28), особенно прославляя его за то, что «удерживает же, как и связывает разорванную временем древность» (Ioan. Lyd. De Mag. III.1). Впрочем исследователи полагают, что Лид здесь не был искренен[1].

Важно также отметить следование античной традиции в подаче материала. Оба автора активно используют аллюзии и ссылки на древних авторов и мифологические сюжеты, а в прозу вплетают стихи. Например, рассказ об осаде Афин Аларихом у Зосима содержит ссылку на Гомера и сюжет из «Илиады» (Zos. Hist. Nov. V.6); он дает в стихах оракулы о поражении пальмирян (Zos. Hist. Nov. I.57), сивиллин оракул о Столетних играх (Zos. Hist. Nov. II.6), а также оракул о Византии и Фракии (Zos. Hist. Nov. II.37); говоря о погребении императора Юлиана писатель приводит эпиграмму на его могиле (Zos. Hist. Nov. III.34). В еще большей степени это характерно для Иоанна Лида, на протяжении всего произведения он делает мифологические параллели, например, говоря о об одежде проституток, сопровождающих Каппадокийца, автор ссылается на сюжет о Геракле, тут же цитируя строку из Писандра (Ioan. Lyd. De Mag. III.64); он также приводит сатирические эпиграммы об императоре Анастасии (Ioan. Lyd. De Mag. III.45) и Иоанне Каппадокийце (Ioan. Lyd. De Mag. III.57).

Также интересны этимологические изыскания обоих авторов. Например, объяснение Зосима происхождения названия должности «понтифик» (от латинского pons – мост) (Zos. Hist. Nov. IV.36) очень близко к аналогичным исследованиям этимологии у Лида, в особенности названий должностей, прямой аналог – объяснение происхождения названия должности «эдил» (от латинского aedes – здание), там же Иоанн Лид дает и греческий перевод слова «понтифик», правда, без объяснения этимологии (Ioan. Lyd. De Mag. I.36).

Много параллелей у двух писателей и в исторических сюжетах. Особенно показательным является сюжет о заключении префектом претория Саллюстием мирного договора с персами после смерти императора Юлиана. У Зо-

---

[1] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Sixth-Century Byzantium: The Friendship of Procopios and Ioannes Lydos // Florilegium. 21. 2004. P. 1-17.

сима договор заключили Саллюстий и Аринфей, персам были отданы провинции Забдицена, Кордуэна, Ретена, Залена, 15 крепостей вокруг них со всеми жителями, землями и животными, а также Нисибин, но без жителей. В результате римляне потеряли большую часть Армении (Zos. Hist. Nov. III.31). Автор с горечью описывает потерю территорий, говоря что никогда ранее римляне не отдавали завоеванных земель (Zos. Hist. Nov. III.32). В этом он винит Иовиана, заключившего такой постыдный договор, горько сетуя на смерть Юлиана (Zos. Hist. Nov. III.32-33). Согласно Иоанну Лиду договор заключили со стороны римлян префект претория Саллюстий, а со стороны персов наиболее знатный перс Издигердес, и в ходе этих переговоров также впервые был поднят вопрос о совместной охране Каспийских Ворот от варваров и строительстве форта там. Автор также отмечает потерю римлянами Армении и уход из многих земель в царствование Иовиана, но в отличие от Зосима винит в этом предшествующего императора, называя поход Юлиана неудачным (Ioan. Lyd. De Mag. III.52).

Кроме того, сходно оба автора описывают пожар в Константинополе и оплакивают гибель античных памятников в нем (ср. Zos. Hist. Nov. V.25, Ioan. Lyd. De Mag. III.70). Для характеристики преступлений Руфина оба автора также используют одинаковый сюжет, рассказывая об убийстве им комита Востока избиваемого плетьми со свинцовыми наконечниками: Зосим дает подробное описание события, называя имя комита Лукиан, рассказывая о его происхождении, причинах возвышения, гнева на него Руфина и обстоятельствах смерти (Zos. Hist. Nov. V.2), а Иоанн Лид ограничивается указанием на то, что он был забит плетьми, осмелившись подражать префектуре своей речью (Ioan. Lyd. De Mag. III.23). Оба писателя также упоминают ланциариев как род пехотных войск: Зосим в качестве отдельного легиона наряду с маттиариями и викторинами в контексте захвата персидской крепости (Zos. Hist. Nov. III.22-23), а Иоанн Лид как копьеметателей при перечислении списка вооруженных войск (Ioan. Lyd. De Mag. I.46).

Но в то же время во взглядах Иоанна Лида наблюдается определенная эволюция по отношению к Зосиму. Если Зосим не идет ни на какой компромисс с христианством, то Иоанн Лид гораздо более терпим. Исследователи считают Зосима откровенным язычником, в то время как вопрос о религии Иоанна Лида является дискуссионным[1]. Поэтому Иоанн Лид более терпимо рассматривает действительность. Лид более оптимистичен, чем Зосим, что можно увидеть на нескольких примерах. Если для Зосима империя безвозвратно погибла (особ. Zos. Hist. Nov. IV.59), то у Лида присутствует идея возможности восстановления: Анастасий восстанавливает благосостояние государства в противовес Льву и Зенону (Ioan. Lyd. De Mag. III.45), Юстиниан выступает восстановителем обычаев в противовес прежним императорам (Ioan. Lyd. De Mag. II.15, III.1), префект Фока выступает восстановителем древности в противовес преступлениям

---

[1] *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix, Vol. 57. No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.

Каппадокийца (Ioan. Lyd. De Mag. III.76)... Это может быть связано с тем, что Зосим был ориентирован на Запад (см. книга VI) и отражал реалии V в., когда Рим пал, а на территории западной части стали образовываться варварские королевства, тогда понятна его фраза: «Тогда Римская империя стала уменьшаться в размерах и постепенно стала обиталищем варваров» (Zos. Hist. Nov. IV.59). Лид же связывал себя всецело с Восточной империей, отражая события первой половины VI в., четко отделяя римлян как носителей государственности от италийцев как носителей латинского языка[1]. Именно поэтому у Лида нельзя нигде встретить такого негативного описания варваров как у Зосима (напр. Zos. Hist. Nov. V.5). Равно это проявляется в отношении двух писателей к Константинополю: развитие Константинополя Зосим воспринимает не в позитивном, а в негативном ключе - через призму упадка Рима. Основание Константинополя автор связывает с безбожием и нечестием Константина - с проклятиями, исходившими от всех римлян на императора из-за нарушения Константином обрядов во время древнего праздника в Городе, в результате чего он искал место для новой столицы, которое мог бы противопоставить Риму, не в силах выносить эти проклятия (Zos. Hist. Nov. II.29-30). Иное отношение у Лида, для него в порядке вещей возвышение города, связываемого им с его освящением и Божественным покровительством, превосходство Константинополя над «старым» Римом Иоанн Лид обосновывает отсутствием греха, за который город должен понести божественную Кару (Ioan. Lyd. De Mag. II.30), в то время, как говоря о Ромуле, он указывает на убийство им своего брата, косвенно намекая на нечестие при основании первого Рима (Ioan. Lyd. De Mag. I.5).

Говоря о хрисаргире, Зосим в негативном ключе описывает введение этого тягостного налога императором Константином (Zos. Hist. Nov. II.38), в то время как Лид в позитивном ключе говорит об облегчении налогового бремени императором Анастасием, первым после Константина (Ioan. Lyd. De Mag. III.47); аналогично Зосим с негативного ракурса отмечает принятие закона, запрещавшего нехристианам занимать государственные должности (Zos. Hist. Nov. V.46), а Иоанн Лид с позитивного ракурса упоминает закон, требующий от чиновников исповедовать православную веру (Ioan. Lyd. De Mag. III.12).

Таким образом, можно выделить основные особенности антикварно-традиционного направления по истории римского государства в VI в.:

- подчеркивается важность традиции и следования обычаям предков для процветания государства;
- сосредоточенность основного внимания на современности, описание древних событий носит вводный, предваряющий характер;
- современность авторами воспринимается негативно из-за забвения традиций и обычаев предков, будь то религиозные или бюрократические, современность характеризуется как упадок;

[1] *Dmitriev S.* John Lydus and His Contemporaries on Identities and Cultures of Sixth-Century Byzantium. // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 64. 2010. P. 27-42.

- антично-языческие философские основы истории, подчеркивается роль судьбы как действующей силы на исторический процесс;
- использование античной датировочной системы и архаизации в этнонимах и географических обозначениях;
- республиканско-аристократические политические идеи, негативное отношение к тирании, тесно связанной с праздностью и роскошью – следствием которой является тяжелое налогообложение, разоряющее подданных, а также приводящие к ослаблению государства нововведения и реформы;
- «бюрократический» взгляд на историю, огромное значение придается административным реформам;
- куриальная городская традиция, оплакивание гибели местного самоуправления, что в итоге приводит к произволу имперской администрации;
- тиранам противопосталяются добродетельные умеренные и скромные трудолюбивые, любящие ученость мужи, которые восстанавливают древние обычаи;
- осмысление современных событий с позиции античной традиции;
- использование авторами античных мифологических параллелей и аллюзий для повествования, активные ссылки на поэтов и писателей античности; введение античных стихотворных форм в нарративную прозу;

Несмотря на общие черты с течением времени происходит некоторая трансформация этого направления, что наиболее ярко видно на примере произведений Зосима и Иоанна Лида, посвященных истории римского государства. Если Зосим бескомпромиссен по отношению к современности, видя в ней лишь упадок и гибель государства, то у Лида отношение более позитивное, он более терпим к действительности, несмотря на ощущения упадка он видит перспективы в будущем; для Зосима более характерен взгляд на события с «западных» позиций, отражающих реалии V в., в то время как для Лида в порядке вещей «восточное» мировосприятие, которое характерно для первой половины VI в., это ярко проявляется в отношении обоих авторов к Константинополю.

Константинополь в творчестве Иоанна Лида: оформление концепции «Нового Рима» в VI в. в работах ранневизантийских историков

Тема данной работы посвящена изучению оформления концепции Константинополя как Нового Рима в VI в. в работах ранневизантийских историков, в частности, на примере исторического сочинения Иоанна Лида в сравнении с работами его современников Зосима и Иоанна Малалы.

Становление вышеуказанной концепции в работах вышеперечисленных ранневизантийских писателей тесно связано с идеей translatio – «переноса» Римской империи и ее центра на Восток в V-VI вв., важной для понимания трансформации империи в восточное и христианское по характеру византийское государство, с чем связана актуальность темы. Идеологическое обоснование Константинополя в VI в. как нового центра империи и наследника Рима было

ключевым в этой концепции, жизненно важной для Восточной части Римской империи, так как она позволяла ей сохранить прежний имперский статус и авторитет, необходимые для выживания в сложных геополитических условиях того периода после падения Западной части Римской империи и захвата Рима варварами, в то время как для IV в. она не характерна.

Вопросам становления концепции «Нового Рима» в ранневизантийский период уделено достаточно большое внимание в историографии. Наиболее детальные работы по исследованию Константинополя как имперской столицы подготовили R. Janin, C. Mango, Н. Кондаков, Л. Беляев, А. Пучков. Культурно-идеологический контекст эпохи поздней античности и в частности V-VI вв. наиболее фундаментально рассмотрен в работах Av. Cameron, A. Momigliano, J. Haldon; комплексные исследования по творчеству ранневизантийских историков подготовили R. Scott, W. Treadgold, D. Rohrbacher, З. Удальцова, Я. Любарский, М. Бибиков. Конкретно мировоззрение и идеология Иоанна Лида как характерное явление эпохи рассматривается в работах M. Maas, A. Bandy, A. Kaldellis, M. Dubuisson, J. Schamp; творчество Зосима подробно исследовали F. Pashoud, R. Ridley, А. Козлов, Н. Болгов; творчество Иоанна Малалы – E. Jeffreys, B. Croke, Л. Самуткина. Идеологическое оформление концепции «Нового Рима» в общем плане анализируется в работах Г. Курбатова, В. Уколовой, А. Чекаловой, Р. Краутхаймера. Но особенности выражения этой концепции в конкретных сочинениях историков VI в. исследователями затрагиваются крайне слабо, в особенности в творчестве Иоанна Лида, чем определяется новизна темы.

Основным источником для данной работы служит произведение Иоанна Лида «О магистратах римского государства», кроме того, привлекаются исторические сочинения его современников – «Новая история» Зосима и «Хронография» Иоанна Малалы.

В ходе работы планируется рассмотреть «константинопольскую» тему и оформление концепции Константинополя как «Нового Рима» в сочинении Иоанна Лида «О магистратах», выделить ее основные особенности в сравнении с языческой и христианской концепциями «Нового Рима» в работах соответственно Зосима и Иоанна Малалы.

Иоанн Лид воспринимает Константинополь в качестве новой столицы империи, и не просто «Нового Рима», но единственного. Он говорит о том, что по подобию монады Рим может быть только один, и после consecratio (освящения, в греческом термине ἀποθέωσις - обожествление) Константинополя при Константине город превратился в «Новый Рим», на который переходят все атрибуты прежнего, а «старый» Рим теряет свое значение - вместе с духовным переносом столицы осуществляется translatio империи. В городе вводятся магистратуры, аналогичные римским, во главе назначается praefectus urbanus. Христианский момент consecratio особо подчеркивается, автор говорит, что статус Нового Рима город приобретает только после освящения, а до этого называется даже castra (город-лагерь) – как множество других римских районов. Consecratio

ведет за собой новое начало Рима и римского государства [Ioan. Lyd. De Mag. II.30]. В периодизации римской истории автор особо выделяет основание города на месте Византия при Константине и от него также ведет отчет лет в дальнейшем, как бы вводя новую эру, а эпоху от Константина рассматривает как «новое» время, продолжающееся до его времен [Ioan. Lyd. De Mag. I.2]. Превосходство Константинополя над «старым» Римом Иоанн Лид обосновывает отсутствием греха, за который город должен понести божественную Кару, в то время, как говоря о Ромуле, он указывает на убийство им своего брата, косвенно намекая на нечестие при основании первого Рима [Ioan. Lyd. De Mag. I.5]. Здесь явно усматриваются христианские параллели: по аналогии с тем, как Новый Завет заменяет собой Ветхий, так и Константинополь заменяет Рим; как при крещении снимаются все грехи, так и consecratio освобождает город от Кары за грех при основании первого Города. Равно подчеркивается связь нового Города с античным Византием: автор рассказывает об античных строениях и зданиях города, очень подробно описывает распространение пожара во время восстания «Ника» и оплакивает гибель античных памятников в огне, то, что от древнего города остались лишь руины [Ioan. Lyd. De Mag. III.70]. Но с другой стороны, теперь Божественная Воля является ключевой для существования «Нового Рима»: благодаря Божественной Воле город восстал из руин в краткий срок краше прежнего [Ioan. Lyd. De Mag. III.71] - деятельность префекта Фоки, выбранного Божественным провидением, привела к процветанию Константинополя. Поэтому в честь Господа был восстановлен храм св. Софии (на средства Фоки) [Ioan. Lyd. De Mag. III.76], - символ Нового Рима.

Сходные идеи о Новом Риме как христианском городе отражены у Иоанна Малалы. Говоря об основании Константинополя прежде всего от отмечает факт его освящения. Только после этого город получил имя Константинополь [Ioan. Mal. Chron. XIII.7]. Как и для Лида, для Иоанна Малалы является реальностью идея духовного «перемещения» Рима: он говорит о том, что Константин тайно вывез из Рима Палладиум - священную статую Афины из дерева, по преданию привезенную Энеем из Трои (священный символ Рима), - и закопал его на построенном им форуме под колонной, на которой стояла его статуя (вывезенная из Илиона) [Ioan. Mal. Chron. XIII.7]. Но при этом автор безусловно подчеркивает, что имперский статус Константинополь получил именно от христианского Бога. Подобно Лиду автор отмечает, что по аналогии с прежней столицей в городе были введены основные магистраты – префект города, претория и другие, – но все являлись христианами [Ioan. Mal. Chron. XIII.10]. В день основания города (освящения) император впервые появился с диадемой из драгоценных камней на голове по примеру первых библейских царей, подчеркивая, что он помазан на царство христианским Богом, этот день был учрежден как имперский праздник императорским указом [Ioan. Mal. Chron. XIII.8]. Как и Лид, Малала усматривает тесную связь Константинополя с античностью, но Малала не воспринимает Константинополь как абсолютно новый город, он воспринимает его как античный Византий, который был расширен и перестроен

Константином: автор говорит о бескровной жертве Константина Богу и Тихе Кер (богиня Судьбы) – богине-покровительнице древнего города, рассказывает легенду об основании Византия, затем описывает стены, которыми Константин окружил город, храмы, базилики, дворцы, форумы, построенные императором, украшенные прекрасными античными колоннами и статуями, особенно отмечает строительство ипподрома, а также украшение уже существовавших терм Зевксиппа [Ioan. Mal. Chron. XIII.7-8].

Совершенно другая языческая концепция о Константинополе наблюдается в работе Зосима. Константинополь восхищает Зосима, он говорит, что Византий возрос так быстро и широко, что никакой другой город не превзойдет его в процветании и размерах. Но в отличие от христианских концепций Лида и Малалы автор не связывает основание Константинополя и его возвышение с божественной санкцией. Наоборот, он подчеркивает, что не божественным промыслом он дан предкам, но вырос заботой людей о его развитии и судьбе [Zos. Hist. Nov. II.36]. Единственный оракул, предсказывающий такое возвышение Константинополя, он находит после изучения многих исторических трудов, - это длинное, довольно двусмысленное и неопределенное предсказание, сулящее страшные несчастия Фракии, в котором однако есть две строчки, в которых говорится, что будет дана сила людям, обитающим на месте города Византия, и он обретет возросшие стены [Zos. Hist. Nov. II.36-37].

Развитие Константинополя Зосим воспринимает не в позитивном, а в негативном ключе - через призму упадка Рима. Основание Константинополя автор связывает с безбожием и нечестием Константина - с проклятиями, исходившими от всех римлян на императора из-за нарушения Константином обрядов во время древнего праздника в Городе, в результате чего он искал место для новой столицы, которое мог бы противопоставить Риму, не в силах выносить эти проклятия. Выбор Византия обусловлен исключительно его выгодным местоположением [Zos. Hist. Nov. II.29-30]. Несмотря на отрицательное отношение к основанию новой столицы автор проводит идею «перемещения» Рима на Восток: стремлением уподобить город Риму автор обуславливает расширение и перестройку Византия, украшение его различными зданиями, колоннадами и статуями; также он говорит о постройке двух храмов, где помещены статуи матери богов Реи и богини Судьбы Рима. Равно в подражание Риму в новом городе были учреждены новые магистраты, в частности назначены два перфекта претория.

Следуя традиции восприятия нового города в негативном ключе, Зосим отмечает, что поспешное возведение зданий создавало большую опасность жителям, а при перенесении античных статуй и колонн происходило их повреждение, в то время как новые магистраты получили возможность вводить новые обременительные налоги, что имело плохие последствия [Zos. Hist. Nov. II.30-32]. Тем сложней для него объяснить быстрый рост новой столицы и ее процветание. Он лишь говорит о том, что размер Константинополя рос до тех пор, пока он не стал великим городом. Сюда стекалось население самых разных профес-

сий со всех сторон света, поэтому последующие императоры избирали его своей резиденцией [Zos. Hist. Nov. II.35-36].

В результате исследования можно получить следующие выводы. «Константинопольской» теме в работе Иоанна Лида уделено достаточно много внимания:

- особое место основанию Константинополя при Константине уделено в периодизации римской истории, с этого момент начинается «новое время», современное автору;
- главным при основании города является христианский мотив consecratio (освящение, в греческом термине ἀποθέωσις - обожествление);
- consecratio превращает Византий в Новый Рим, на который переносятся все атрибуты прежнего;
- христианское consecratio освобождает город от Кары за грехи «старого» Рима – этим обосновывается превосходство Константинополя над «старым» языческим Римом;
- утверждается идея начальности и единственности Рима – таким образом благодаря consecratio осуществлена духовная translatio империи и ее центра;
- при этом сохраняется связь Нового Рима с античным Византием, воплощенном в античных памятниках и постройках в городе;
- основополагающей для существования и величия Нового Рима является Божественная Воля христианского Бога, символом Которого служит храм св. Софии, восстановленный на средства префекта Фоки.

В работах современников Лида также прослеживается идея «перемещения» Рима на Восток, который воплощается в Константинополе, в результате чего они воспринимают город как имперскую столицу, первенствующую среди всех других городов империи.

Но религиозная принадлежность авторов определяет различие их концепций. Христианин Иоанн Малала указывает на божественную санкционированность основания новой столицы, отмечая прежде всего ее освящение, в результате чего Константинополь стал существовать как христианский город, с чем автор связывает рост и развитие античного Византия.

Язычник Зосим отрицает божественный промысел основания Константинополя, он подчеркивает противоположное. В основе возникновения города он указывает проклятия римлян безбожию и нечестию Константина. Выбор Византия в качестве столицы автор обуславливает его выгодным положением. Зосим негативно относится к основанию города, и тем труднее ему объяснить его дальнейшее возвышение и процветание.

В целом, идея Константинополя как «Нового Рима», связанная с идеей translatio империи, наиболее последовательно выразилась в христианских концепциях римских историков VI в., в языческих она достаточно противоречива, наиболее полно и логично в сочинении Иоанна Лида.

Антиквар и бюрократ VI в. Иоанн Лид

Тема данной работы посвящена исследованию антикварных интересов имперского чиновника Византии первой половины VI в. н.э. Иоанна Лида.

Эти интересы непосредственно связаны с его положением в обществе и профессиональной деятельностью. Для понимания формирования взглядов Иоанна Лида необходимо рассмотреть его биографию.

Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид родился в Филадельфии, главном городе провинции Лидия на западном побережье Малой Азии около 490 г. н.э. Считается, что он родился в семье провинциального аристократа, его семья занимала вершину социальной пирамиды города[1]. В 511 г. в возрасте 21 года он приехал в Константинополь, надеясь получить место в одном из имперских секретариатов. Впоследствии он занял нишу в имперской бюрократической среде в качестве чиновника Префектуры Претория среднего уровня. Благодаря протекции его земляка Зотика, бывшего в то время префектом Претория, он получил должность одного из эксцепторов Префектуры. В начале службы его карьера стремительно развивалась, что связано с его высоким образованием и знанием латыни. Он был зачислен на должность адъютора в суде по гражданским делам, и достиг звание первого хартулярия, получая огромное ежегодное жалование, что было беспрецендентным для того времени[2]. Он составлял регистры дел для суда Преторианской Префектуры, также помогал адъюторам, работавшим во дворце, в результате получил очень престижное звание секретий суда. После рост его карьеры замедлился – ему пришлось оставить работу в суде и он целиком посвятил себя службе в Префектуре Претория, это могло быть связано с запретом императора Юстина I 524 г. н.э. [3] занимать две или более государственных должности[4]. С назначением префектом Претория Иоанна Каппадокийского карьера Иоанна Лида сильно замедлилась, его образованность перестала цениться. После восстания «Ника» назначенный префектом аристократ и интеллектуал Фока снова стал опираться на образованных чиновников, и у карьеры Иоанна Лида возникла перспектива роста, но его префектура продолжалась слишком короткое время[5]. Префектом Претория вновь стал Иоанн Каппадокийский, в Префектуре Претория началась реструктуризация и реформы[6], в результате чего Иоанн Лид занял второстепенный малоприбыльный по сравнению с

---

[1] *Kaster R.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, 1988. P. 14.
[2] The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II (A.D. 395 – 527). Cambridge University Press, 1980. P. 612–615.
[3] CJ 12.33.5 / Codex justinianus, in Corpus Iuris Civilis, vol. I / ed. Paul Krüger (repr. Berlin, 1915).
[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 28.
[5] *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54 - 65.
[6] *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts, London, 2004. P. 12.

предыдущими пост матрикулярия (хранителя регистров). В это время он сосредоточил свои усилия на ученой и литературной деятельности, будучи назначен благоволившим к нему императором Юстинианом I профессором латинского языка и литературы в Константинопольский университет, где и преподавал последние десятилетия своей жизни; он фактически перестал заниматься делами в префектуре Претория, хотя номинально числился там и продолжал получать жалование. В целом его карьера в Префектуре была достаточно ровная и успешная, по истечении 40 лет и 4 месяцев службы он вышел в отставку, он получил чин корникулярия – высокопоставленная должность суда[1]; на официальной церемонии персонально его публично приветствовал и хвалил тогдашний префект Гефест, отмечая его многоученость[2]; он был награжден достоинством трибуна и нотария и сделался comes primi ordinis в ранге spectabilis. Но эти звания к тому времени превратились лишь в почетные должности, не приносившие реальных материальных доходов, что во многом определило разочарование Иоанна Лида своей карьерой[3].

Профессиональная деятельность и карьера Иоанна Лида непосредственно связана с его образованием. Его образованность была обусловлена его социальным статусом столичного бюрократа, она сыграла огромную роль в его карьере. Именно благодаря познаниям в латыни он мог занимать высокие посты в суде, а его литературные таланты обеспечили ему место в профессора в Константинопольском университете[4]. Император Юстиниан I высоко ценил его, отмечая его огромную ученость и эрудицию, изящество в стихосложении, высокое красноречие, знание латинского языка, высокую квалификацию на административной и судебной службе[5]. Отмечая литературные таланты Иоанна Лида, император поручал ему составить панегирик на латыни перед собранием высокопоставленных гостей из Рима, а также написать историю первой персидской войны[6].

Иоанн Лид представлял собой тип бюрократа-эрудита, государственного ученого, образованного в риторике, латыни, философии и праве. Традиция взаимосвязи классического образования и успешной карьеры прослеживается еще в IV в., когда еще в 360 г. н.э. указ императора Юлиана[7] обязывал всех, стремящихся занимать должности первого ранга быть изощренным в свободных науках и обладать отточенным литературным слогом. Несмотря на то, что высокие должности занимали не все, возможность проникнуть в ряды социально-

---

[1] The Prosopography of the Later Roman…

[2] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. III.30 / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837.

[3] *Удальцова З.В.* Из византийской…

[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 28, 29.

[5] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. III.29.

[6] *Удальцова З.В.* Из византийской…

[7] CTh. 14.1.1 / Codex Theodosianus cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges Novellae Pertinentes / ed. Theodore Mommsen and Paul M. Meyer (Berlin, 1905).

политической элиты всегда была стимулом для получения хорошего образования[1]. В результате к VI в. н.э. сформировалась традиция сочетания традиционного образования с государственной службой, служившей социальным лифтом, когда знания в философии и филологии связывались с поднятием по социальной лестнице. Родители Иоанна Лида, как и многие провинциальные аристократы, прочили своему сыну блестящую карьеру на государственной службе в столице, Иоанн Лид посещал лучшие грамматические школы, изучал латинский язык. Прибыв в Константинополь, в ожидании поступления на службу Иоанн Лид еще более повысил свое образование, слушая лекции неоплатоника Агапия в Константинопольском университете[2].

Вся система образования базировалась на традициях «эллинской» цивилизации. Византийцы высоко ценили знания, признавали ценность и полезность «эллинской» образованности, рассматривая ее как жизненную необходимость. Античное образование считалось высшим благом, величайшей добродетелью, отличительным знаком. В школах Византии читали, заучивали наизусть, комментировали литературные памятники античной Греции. Основой эллинистической образованности была языческая неоплатоническая система. Интеллигенция VI в. н.э. воспринимала неоплатонические идеи[3].

Поэтому и мировоззрение Иоанна Лида было традиционным и античным: основу мировоззрения составляли идеи Платона, Аристотеля, их последователей, в частности, неоплатоников[4]. Классическое образование и культурные традиции, в которых он был воспитан, оказали огромное влияние на Иоанна Лида, ощущавшего свою принадлежность традиционному обществу.

Но VI в. н.э. являлся переходным периодом к средневековому мировоззрению, основанному на тесной связи христианства и церкви со всеми аспектами культурной, правовой и социальной жизни. Поэтому необратимая трансформация и перестройка общества и государства, сопровождаемая разрушением традиционных систем в этот период, воспринималась Иоанном Лидом как время упадка и кризиса цивилизации, связанное с гибельными нововведениями, что порождало как реакцию – стремление к восстановлению и сохранению систем античной цивилизации. Он был жесткий консерватор и реакционер[5], в современном ему мире он видел лишь осколки и руины античной цивилизации, уподобляя ее прекрасному серебряному сосуду, разломанному разорившемся наследником, чтобы получать выгоду, продавая его обломки по частям[6]. Этим

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 25.
[2] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. III.26.
[3] *Самодурова З.Г.* Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 478–504.
[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 83.
[5] *Удальцова З.В.* Из византийской…
[6] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. II.7.

определялся его интерес к римскому прошлому и антикварные изыскания[1]. В прошлом он видел те образцы общественного и государственного устройства, которые искажались и разрушались в современное ему время, считая возможным их восстановление, кроме того, боясь, что во время кризиса и упадка могут быть утрачены некоторые знания и достижения античной культуры[2]. Но при этом его произведения могут быть названы антихристианской языческой апологией без всякой религиозной и политической оппозиции. Исследования Иоанна Лида носят ярко выраженный антикварный характер, представляя как бы «музеефикацию» прошлого.

Это связано с несколькими факторами.

Во-первых, он не противопоставлял себя новой христианской культуре и религии или власти. Его социальная идентичность включала лояльность нескольким институтам и идеалам: христианство, классическая городская культура, традиционное образование в философии, риторике, латыни; положительная оценка имперского правительства. Он совмещал языческие и христианские взгляды и не видел в этом противоречия[3]. Этот синкретизм отражал реалии V в. н.э., когда в обществе еще присутствовал религиозно-идеологический плюрализм, что было непонятно для византийцев живших позднее VI в., когда христианство жестко подавляло любые неортодоксальные отклонения[4]: например, патриарх Фотий, живший в IX в. н.э., по прочтении вышеуказанных произведений, не мог определить, какую религию исповедует Иоанн Лид, христианство или язычество[5]. Как бюрократ, он также был лоялен к существующей системе управления и институту императорской власти, считая их правильными, так как их корни уходили в древность, все отклонения сводя к субъективному фактору – например, упадок Восточной Префектуры Претория он связывал с изменениями, произведенными проникшим в бюрократическую систему малообразованным Иоанном Каппадокийским, которого он описывает с ненавистью и презрением[6].

Вторым фактором может быть противоречивое отношение к римскому прошлому, сформировавшееся в византийском обществе под влиянием имперской идеологии и христианства. С одной стороны, император позиционировал себя в качестве реформатора и восстановителя римского государства и римского могущества; существовала имперская идеология римской старины, господства традиции и неразрывности с римским прошлым[7], а правитель рассматривался

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 4.
[2] Ibid. P. 6.
[3] Ibid. P. 3.
[4] *Brown P.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy. // JRS (Journal of Roman Studies). 51. 1961. P. 1–11.
[5] *Kaldellis A.* The Religion of Ioannes Lydos. // Phoenix. Vol. 57. No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.
[6] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 15-17.
[7] *Shils E.* Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence. // Ethics. 68.3. (April 1958). P. 155.

как преемник римских цезарей, начиная с Августа[1]. Но с другой стороны опираясь на христианство, которое жестко подавляло язычество и с язычниками соотносило не только приверженцев старых богов, но и тех, кто был лоялен к античной культуре, император считал полезным выбирать из классического наследия только нейтральные в религиозном отношении ценности, а остальное жестко подавлялось[2]. Это формировало проявление интереса к прошлому в антикварном духе, когда античное наследие рассматривалось отвлеченно, дабы избежать обвинения в приверженности языческому культу.

В-третьих, с древних времен существовала схоластическая традиция изучения прошлого в русле отвлеченных научных исследований, отражаясь в различных «археологиях» эллинских и римских ученых[3].

Можно выделить несколько особенностей, характеризующих антикварный характер его произведений: интерес к прошлому на фоне неудовлетворенности настоящим, огромное количество ученых ссылок на классические эллинские и римские произведения, практически отсутствие ссылок на произведения христианских авторов.

Наиболее ярко антикварианизм проявляется в произведении «О месяцах», посвященном древним фестивалям и праздникам в римской календарной традиции. Это произведение было написано в начале 540-х гг. Считается самым ранним произведением, так как упоминается в произведениях «О знамениях» и «О магистратах»[4]. Оно никак не связано с христианской жизнью Константинополя в VI в. н.э., здесь автор сосредотачивается на описании исключительно нехристианского прошлого. Это произведение наименее политическое, показывая лицо классической учености[5]. Оно состоит из 4 книг: 1 книга описывает появление календарной системы Рима в древнейшие времена, 2 книга посвящена дням недели истории возникновения недельного деления с использованием пифагорейской нумерологии и космологических учений неоплатоников, 3 книга описывает происхождение названий, протяженности, божественных и нумерологических ассоциаций и главных праздников римских месяцев, 4 книга объясняет календарные фасты, дает описание годовых фестивалей и связанную с ними информацию[6]. Несмотря на стремление подражать античным исследованиям, в этом произведении проявляется разрыв с рациональной традицией, также компиляторский характер работы.

---

[1] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 12.

[2] *Maas M.* Roman History and Christian Ideology in Justinianic Reform Legislation // DOP (Dumbarton Oaks Papers). 40. 1986. P. 17–31.

[3] *Momigliano A.* Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 13. 1950. P. 285–315.

[4] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 8.

[5] Ibid. P. 47.

[6] Ibid. P. 48-56.

Произведение «О знамениях» написано несколько позже, чем «О месяцах». Здесь представлено огромное количество информации об астрологии, показывается взаимосвязь между небесными и природными явлениями, которые рассматриваются в качестве знамений, и историческими событиями. Произведение призвано показать, как божественные законы действуют в человеческом опыте. Оно написано под впечатлением от захвата и разрушения Антиохии персами в 540 г. н.э. Большая часть этого произведения является простой компиляцией астрологических сочинений, написанных в античности. Из различных произведений Иоанн Лид собирает информацию, поясняя характер солнечных и лунных знаков, природу молний и землетрясений; здесь также представлено множество оракулов, содержащихся в работах языческих писателей, в целом произведение дает огромную информацию по истории астрологии. Автор рассматривает себя преемником античной астрологической традиции и дает объяснения современных ему событий с точки зрения астрологии – например, падению и разорению Антиохии предшествовало появление кометы и восход звезды в виде лошади, а восстание полководца Виталиана в 512 г. н.э. было предзнаменовано солнечным затмением, произошедшим раннее, - пытаясь таким образом доказать, что предзнаменования предсказывают будущие события и давая астрологическое объяснение Вселенной, в чем его убедил и личный опыт[1]. Автор в этом произведении не постулирует разрыв с существующей в античное время научной традицией, добавляя свои выводы, он утверждает их обоснованность, надежность и полезность.

Но для обоснования своей точки зрения автор изменяет последовательность и длительность событий, в восстании сжимает промежуток в 4 месяца между этим событиями. В целом, для современников книга представляла собой полезный справочник с занимательной информацией.

Наиболее известное произведение Иоанна Лида – «О магистратах римского государства». Это произведение написано после выхода автора в отставку[2], здесь сосредоточены основы мировоззрения Иоанна Лида, эта работа в наименьшей степени может считаться компиляцией, она непосредственно касается его профессиональной деятельности и сферы его компетенции, это наиболее зрелый и важный труд Иоанна Лида[3]. Данное сочинение состоит из трех книг, в которых описывается история государственных учреждений и должностей римского государства. 1 книга описывает происхождение и развитие государственных должностей в республиканский период, 2 книга – посвящена имперскому периоду до кончины императора Анастасия, а 3 книга – является центральной, она описывает современное состояние должностных учреждений, ключевое из которых – Префектура Претория, подробно характеризуется ее развитие, функционирование, структура и проблемы, главной из которых является

---

[1] Ibid. P. 91–93.
[2] *Удальцова З.В.* Из византийской…
[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 72.

кризис и упадок этого института[1]; Префектура Претория занимает центральное место во всех частях, можно сказать, что эта книга не столько об истории государственных учреждений, сколько об истории Префектуры Претория, на фоне которой рассматриваются и другие должности. Кроме того, в тексте присутствует масса дополнительной и примечательной информации, например, о названиях реки Истр-Дунай, о повадках скорпионов и т.д., и огромный пласт биографических сведений[2]. Но главная цель состоит в обосновании авторской теории развития государства. По мнению Иоанна Лида, нормальное развитие и функционирование государства возможно только при отлаженной бюрократической системе, сложившейся в античный период, главный учреждением и важнейшим институтом административной системы является Префектура Претория[3]. Анализируя современный упадок данного государственного института, автор разрабатывает теорию цикличного развития, основанную на взглядах Аристотеля, выраженных в работе «О рождении и упадке», Иоанн Лид разрабатывает концепцию, согласно которой государство, как и любая субстанция, развивается по схеме «зарождение – упадок – разрушение – восстановление», и VI в. н.э. был периодом упадка, за которым неизбежно последует возрождение[4]. В отличие от Аристотеля, который видит в данном развитии появление новой субстанции, Иоанн Лид считает первоначальная сущность полностью сохраняется, в частности, государственные учреждения должны быть восстановлены в своем классическом античном варианте, отрицая всякую идею прогресса[5]. В императоре он видит восстановителя государства[6], это во многом обусловлено имперской идеологией Юстиниана I, поэтому Иоанн Лид всячески подчеркивает свою лояльность императору и имперской политике, надеясь, что его произведение станет программой ретро-реформ, но его надежды не оправдались[7].

В целом, произведения Иоанна Лида подражают античным научным трудам, отличаются изяществом слога и стиля, ориентированы на современного читателя, содержа массу занимательной информации, но в них отсутствует рационализм, характерный для классической науки, заменяясь иррационализмом и мистицизмом, характерным для позднеантичного времени. Исследование зачастую подменяется компиляцией, в самих произведениях огромное количество фактических ошибок.

Таким образом, творчество Иоанна Лида отражает его консервативные и реакционные взгляды. Его идеалы лежат в прошлом, чем объясняются антикварные интересы автора. Его произведения, базирующиеся на взглядах неопла-

[1] Ibid. P. 72, 73.
[2] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 14.
[3] Ibid. P. 15.
[4] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. II.23.
[5] *Maas M.* John Lydus and the Roman past… P. 84, 85.
[6] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. III.1.
[7] *Kelly C.* Ruling the Later… P. 15.

тоников, подражают классической схоластической традиции: воспевая идеалы прошлого, автор стремится абстрагироваться от него, представляя его «музеефицированную» модель, это также связано с культурно-идеологической ситуацией в современном ему обществе. Но в его сочинениях присутствуют новые веяния, характеризующие эпоху: откровенно компиляторский, а не научный характер исследований, из-за чего огромное количество фактических ошибок; отход от рационализма; субъективизация, тенденциозность в освещении исторических событий.

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 4: **Иоанн Лид**

Составитель: Марина Михайловна Синица.

Сдано в набор: 30.12.2014.
Подписано в печать: 31.12.2014.

Тираж: 150.